

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени. М.П. ДРАГОМАНОВА

На правах рукописи

Летючая Любовь Петровна

УДК 811.161.1'373.611

ДЕРИВАЦИОННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

10.02.02 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
Плужникова Тамара Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент

Киев - 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Эвалюатив как элемент языковой картины мира
1.1. Понятие языковой картины мира.....	11
1.2. Связь эвалюативности с философскими категориями качества и количества	12
1.3. Степень изученности категории оценки в лингвистической литературе	22
1.4. Языковой статус субъективно-оценочных образований.....	23
1.5. Терминологический и понятийный аппарат работы.....	27
1.6. Выводы к главе 1.....	32
Глава 2. Имя существительное как производящая база оценочных производных.....
2.1. Актуальность эвалюативной лексики.....	34
2.2. Вопрос о семантической классификации эвалюативных аффиксов.....	36
2.3. Эвалюативные образования и их производящие как члены словообразовательной оппозиции	39
2.4. Разновидности субъективно-оценочного значения имен существительных: языковой факт и история его изучения.....	43
2.5. Эвалюативные суффиксы имен существительных.....	58
2.6. Эвалюативные приставки, аффиксоиды имен существительных; сложение основ.....	74
2.7. Выводы к главе 2.....	77
Глава 3. Имя прилагательное как генератив производных с оценочной семантикой.....
3.1. Субъективная оценка качества.....	79
3.2. Языковой статус эмоционально-оценочных адъективов.....	80
3.3. Функциональная характеристика прилагательных субъективной оценки...	84
3.4. Деривационная характеристика эвалюативных суффиксов имен прилагательных.....	92
3.5. Эвалюативные приставки имен прилагательных, аффиксоиды; сложение основ	117

	3
3.6. Выводы к главе 3.....	120
Глава 4. Эвалюативное словообразование в системе неизменных частей речи. Наречие. Категория состояния.....	
4.1. Языковой статус категории наречия.....	122
4.2. Морфолого-семантические группы наречий и их словообразовательная характеристика.....	124
4.3. Эвалюативное словообразование у предметно-обстоятельственных наречий.....	139
4.4. Деривационная характеристика аффиксов наречий, аффиксоиды, сложение основ	141
4.5. Деривационные средства выражения оценки в словах категории состояния.....	149
4.6. Выводы к главе 4.....	150
Глава 5. Субъективно-оценочные глаголы в современном русском языке. Оценочные дериваты, мотивированные структурными словами	
5.1. Глаголы с оценочным компонентом в истории изучения.....	153
5.2. Способы действия глаголов и оценочная семантика.....	153
5.3. Семантические группы глаголов с оценочным компонентом в семантической структуре слова	156
5.4. Структурные слова в системе частей речи.....	161
5.5. Отмеждоментные оценочные производные.....	162
5.6. Местоимение как производящая основа эвалюативов.....	172
5.7. Формально-семантические отношения между частицами и их оценочными дериватами.....	176
5.8. Выводы к главе 5.....	179
Заключение.....	183
Использованная литература.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические изыскания последних десятилетий осуществляются в русле новой научной парадигмы, что предполагает, в частности, выявление языковой репрезентации тех или иных категорий с учетом их онтологической и когнитивной значимости.

До недавнего времени в русском языкознании категория оценки рассматривалась в основном лексикологами в плане изучения коннотативного значения слова (Е. М. Вольф “Оценочные значения и соотношение признаков “хорошо / плохо” (1986), В. И. Говердовский “Опыт функционально-типологического описания коннотаций” (1984), И. И. Квасюк “Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики” (1983), Т. А. Космеда “Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки” (2000), Н. А. Лисицына “Лексико-семантическая группа социально-оценочных прилагательных в современном русском языке” (1985), Л. А. Сергеева “Качественные прилагательные со значением оценки в современном русском языке” (1980), В. Н. Телия “Коннотативный аспект семантики номинативных единиц” (1985), С. Г. Шейдаева “Категория субъективной оценки в русском языке” (1998), Г. А. Якубова “Лексико-семантическое поле “оценки” в русской разговорной речи” (1992) и др.).

Большинство этих работ посвящено категории оценки с точки зрения аксиологии и ее изучению на лексическом уровне. Параллельно подтверждался факт возможности и деривационной репрезентации категории оценки, но исследования в этой области были фрагментарными.

В дериватологии же, а до ее выделения в самостоятельную науку в языкознании вообще, оценка традиционно ассоциировалась с аффиксами, имеющими размерно-оценочное значение. В настоящее время “специфіка прояву категорії оцінки на словотвірному рівні досі залишається недостатньо дослідженою проблемою” [77, 249].

Начало изучения оценочных образований представлено уже в первой русской научной грамматике – “Российской грамматике” М. В. Ломоносова,

где впервые описываются имена существительные и прилагательные, имеющие уменьшительные и увеличительные суффиксы. В дальнейшем в трудах К. С. Аксакова, А. А. Барсова, Ф. И. Буслаева, А. Х. Востокова, В. В. Виноградова, Н. И. Греча, Г. П. Павского, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова и др. можно найти немало сведений, относящихся, в частности, к проблемам образования и функционирования оценочных слов в русском языке.

В истории изучения слов, имеющих оценочное значение, и в современных исследованиях русского и украинского языков внимание ученых привлекали и привлекают, прежде всего, имена в синхронном и диахроническом аспектах ([1], [52], [53], [60], [68], [73], [76], [82], [109], [113], [114], [117], [118], [120], [125], [127], [134], [135], [147] и др.) и частично наречия ([51], [54], [55], [93], [80], [158] и др.). В основном определялась семантика слов, в которых формантами выступали оценочные аффиксы, и выявлялся состав этих морфов.

Значительное количество исследований, посвященных оценочным образованиям и направленных на решение вопросов лексической, деривационной семантики и определение языкового статуса этих производных, свидетельствует об **актуальности** данной проблемы. В середине XX в. возникла дискуссия о том, являются ли подобные дериваты самостоятельными словами или формами слов. Поскольку проблема не была решена однозначно, и в современной дериватологии **актуальным** остается вопрос о роли оценочных аффиксов в формировании различных словообразовательных типов, в разграничении мутационной и модификационной деривации. Решение этого вопроса предполагает и необходимость разграничения понятий субъективная и объективная оценка, экспрессивность, эмоциональность, оценочность, что также является **актуальным** (см. работы И. В. Арнольд, А. А. Ивиной, Н. А. Лукьяновой и др.).

Связь работы с научными программами, планами, темами. Тема диссертации связана с научным направлением НПУ имени М.П.Драгоманова “Изучение проблем гуманитарных наук”, что входит в план научно-исследовательской работы кафедры русского языка и является частью комплексной темы “Сравнительный анализ славянских языков”.

Цель настоящего исследования – выявить средства репрезентации категории оценки в морфемно-словообразовательной структуре слова и установить словообразовательный потенциал слов всех частей речи русского языка в плане их способности образовывать оценочные производные.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) разграничить понятия “аксиологичность” и “эвалюативность”; соотнести понятие “эвалюативность” с понятиями “оценочность”; “эмоциональность”, “эмотивность” и “экспрессивность”; охарактеризовать понятия “субъективная оценка” и “объективная оценка” в их соотношении;
- 2) определить:
 - а) потенциал имен существительных в плане образования оценочных производных;
 - б) способы производства эвалюативов, мотивированных субстантивами;
 - в) реестр аффиксов, используемых при создании отсубстантивных эвалюативов;
- 3) установить:
 - а) потенциал имен прилагательных в плане образования производных с оценочной семантикой;
 - б) способы производства последних;
 - в) реестр аффиксов, используемых при создании отадекативных эвалюативов;
- 4) выявить:
 - а) потенциал наречий и слов категории состояния (КС) в плане образования дериватов с семантикой оценки;
 - б) способы производства отнаречных эвалюативов и мотивированных словами КС;
 - в) реестр аффиксов, используемых при создании эвалюативов от слов этих частей речи;
- 5) определить:
 - а) возможности глаголов в плане порождения оценочных дериватов;
 - б) способы производства отглагольных эвалюативов;
 - в) реестр аффиксов, используемых при создании эвалюативов-девербативов;
- 6) установить:

а) способность / неспособность структурных слов (местоимений, числительных, предлогов, союзов, частиц, междометий, вводных слов и др.) создавать оценочные дериваты;

б) способы производства последних;

в) аффиксы, используемые при создании эвалюативов от структурных слов.

При исследовании эвалюативных дериватов в работе использовался и слово-, и текстоцентрический подход и применялись различные **лингвистические методы**: описательный для характеристики синхронных явлений языка, в частности, такой прием описательного метода как внешняя интерпретация в разновидности приема “слов и вещей”, т. е. эвалюативы изучались “в тесной связи с реалией, которую слово называет и обозначает” [66, 12], что дало основание для различия объективной и субъективной оценки; логико-психологический прием “который исследует связи содержания языковых единиц и категорий с единицами и категориями мышления” [Там же, 16]. Это вызвало необходимость применения дистрибутивного анализа, предполагающего изучение окружения исследуемых единиц. Описательный метод дополнялся элементами сравнительно-исторического метода, поскольку языковые факты современного языка осмысливались с учетом динамики их формирования и сопоставления с близкородственным украинским языком. В нашем исследовании нашел применение структурный метод, что выразилось в понимании языка как системы. Активно использовался прием классификации и систематизации, направленный на выделение разновидностей эвалюативов.

Анализ материала был выполнен с применением функционального метода, нацеленного на изучение и описание функций эвалюативов, выявления закономерностей их функционирования.

Научная новизна. В научных трудах, посвященных описанию оценочных производных, обычно исследуются имена существительные, прилагательные, редко – наречия; практически не исследовались глаголы и структурные слова, хотя анализ фактического материала свидетельствует об их

наличии в языке. Научная новизна данной диссертационной работы состоит в том, что **впервые** исследуется деривационная репрезентация категории оценки в словах всех частей речи, допускающих образование оценочных дериватов. **Впервые** на основе разграничения аксиологии и категории эвалюативности, субъективной и объективной оценки противопоставляются экспрессивы, эмотивы и эвалюативы, что позволяет уточнить функцию аффиксов, используемых в их образовании. **Ранее не анализировались** способы словообразования, используемые для создания оценочных производных.

Теоретическая значимость работы. Уточнение функций служебных морфем, используемых в образовании оценочных дериватов, внесет определенный вклад не только в теорию морфемики и комплексных единиц словообразования, но и в целом в теорию номинации.

Практическая значимость. Фактический материал может стать основой создания словаря оценочной лексики русского языка, а теоретические положения – использоваться при чтении курсов “Дериватология” и “Лексикология”.

Источники исследования. Поскольку предполагается и слово- и текстоцентрический анализ языковых единиц со словообразовательной оценочной семантикой, источником фактического материала являются различные лексикографические издания и тексты. Нами проанализировано более тысячи дериватов, полученных путем сплошной выборки из словарей (БАС-1, БАС-2, МАС, БТС, словари Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, В. И. Даля, “Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия” под ред. Г. Н. Складневской и др. – всего 23 словаря (см. библиографию), а также из художественных, публицистических произведений XIX-XX веков, фольклорных текстов.

Предметом исследования является словообразовательная семантика, **объектом** – оценочное значение в парадигме других деривационных значений.

Апробация результатов диссертации, публикации

По теме диссертации было опубликовано 5 статей в сборнике научных работ “Система і структура східнослов’янських мов: Сучасні тенденції ро-

звитку слов'янських мов” НПУ имени М. П. Драгоманова: “Адвербиальные дериваты как репрезентанты категории оценки” (2001); “Лексическая деривация: функциональная характеристика прилагательных субъективной оценки”(2002), “Субъективно-оценочный компонент в семантике глаголов” (2002); “Стилистическая маркированность разновидностей субъективно-оценочных образований” (2003); “Структурные слова как производящая база эвалюативов”(2003). Материалы диссертации были представлены на Всеукраинской научной конференции “Сучасні тенденції розвитку слов'янських мов (присвячується пам'яті М. М. Пилинського)”, на отчетных научно-практических конференциях кафедры русского языка НПУ имени М.П. Драгоманова в 2002, 2003 годах.

Структура диссертации и краткое содержание. Алгоритм исследования определяет структуру диссертации, которая состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, новизна, определяется объект, цель и задачи исследования, теоретическая и практическая значимость работы, методы исследования и источники фактического материала.

В **главе 1 – “Эвалюатив как элемент языковой картины мира”** – представлено теоретическое обоснование выдвигаемой концепции, определяется понятийный и терминологический аппарат работы.

В **главе 2 – “Имя существительное как производящая база оценочных производных”** – проанализированы имена существительные с точки зрения их способности образовывать дериваты с оценочным значением с учетом отнесенности слов этого грамматического класса к различным лексико-грамматическим рядам. Устанавливается парадигма аффиксов, используемых в лексической деривации при создании мутационных и модификационных типов. Глава заканчивается предварительными выводами, сообразно поставленной задаче.

В **главе 3 – “Имя прилагательное как генератив производных с оценочной семантикой”**, в **главе 4 – “Эвалюативное словообразование в**

системе **неименных частей речи. Наречие. Категория состояния**”, в главе 5 – **“Субъективно-оценочные глаголы в современном русском языке. Оценочные дериваты, мотивированные структурными словами”** – подобным образом анализируются соответственно имена прилагательные, наречия, слова категории состояния, глаголы и незнаменательные части речи. Каждая глава заканчивается краткими выводами.

В **заключении** подводится итог проведенного изыскания и излагаются общие выводы, полученные в результате исследования.

В **диссертации приняты следующие условные обозначения:**

термины: СЗ – словообразовательное значение, СГ – словообразовательное гнездо, СП – словообразовательная парадигма, СЦ – словообразовательная цепочка, СТ – словообразовательный тип, ЛСВ – лексико-семантический вариант;

научные и лексикографические издания:

АГ-70 – Грамматика современного русского литературного языка. – М.: АН СССР, 1970;

РГ-80 – Русская грамматика, ч.1. – М.: Наука, 1980;

БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.-Л.: Наука, 1948-1965;

БАС-2 – Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е. – М., 1991-1993. – Т. 1-4;

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.;

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981;

СД – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1981;

СлСРЯ – Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – М.: Рус. яз, 1985.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.; **СУ** – Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия, 1935-1940;

ГЛАВА 1

ЭВАЛЮАТИВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. Понятие языковой картины мира

1.1.1. Понятие языковой картины мира сформировалось в русле антропологического подхода к языку, выдвинутого В. Гумбольдтом (концепции Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, неогумбольдтианство). При помощи языка человек отражает наиболее значимые для него факты объективной действительности. Таким образом, проблема существования языковой картины мира возводится к детерминистическим отношениям “мышление – язык” и “сознание – язык”. Мы разделяем точку зрения, согласно которой языковая картина мира есть результат взаимодействия языка как системы и языковой деятельности человека в познании мира [131, 35].

Акту как вербальной, так и невербальной коммуникации предшествует акт познания и оценки реальной действительности, формирование понятия в сознании индивидуума при помощи определенных знаков-символов. Следовательно, если речь идет о языковой системе коммуникации, то необходимо отметить, что словесно-логическое мышление функционирует на базе языковых средств, используя понятия.

1.1.2. Язык через связь с мышлением и сознанием обнаруживает свою общественную сущность, сохраняя и отражая особенности определенного социума. Однако язык не представляет собой прямого отражения, “слепок” мира, в нем осуществляются акты интерпретации мира человеком. Согласно гипотезе О. Г. Почепцова, “отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, т.е. те его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир” [131, 111]. Таким образом, складывается языковая менталь-

ность, которую О. Г. Почепцов определяет как “соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением” [Там же].

1.1.3. В языке отражена обобщенная работа сознания: категории языка, хотя бы и косвенно, соответствуют категориальному членению мира. В речи всегда отражено конкретизированное представление мышления о материальном мире. В плане лингвистики личностный смысл свободнее формируется на базе значений, реализованных в разговорно-бытовой и художественной речи; в деловой и научной речи этот процесс затруднен.

1.1.4. Языковая картина мира создается таким образом, что существующие в природе основные типы отношений находят свое выражение в специфических языковых средствах. На каждом из уровней языка эти отношения представлены единицами, строго определенными всей историей развития языка как системы. Отношения между одноуровневыми единицами и иерархия разноуровневых единиц, в конечном счете, реализуют способ человеческого представления реального мира. Характер номинации, грамматические категории, способы синтаксической связи, наличие системы функциональных стилей, наличие языковой нормы на этапе создания литературного языка – все это есть реализация человеческого восприятия, представления действительности специфическими средствами.

1.1.5. Таким образом, языковая картина мира есть отражение человеческих мыслей и чувств, которые “интересуют лингвиста в той мере, в какой они имеют определенные формы и типы выражения в самом языке” [18, 3]. .

1.2. Связь эвалюативности с философскими категориями качества и количества

1.2.1. В лексикологии опираются на понимание оценки, близкой к толкованию ее в философии, в частности, в аксиологии (гр. < axiōs – ценный) – “философском учении о духовных, моральных, эстетических и др. ценностях” [196, 42]. Именно такое понимание оценки представлено в научных

трудах Т. А. Космеды – “Агентивные имена морально-этической оценки в современном русском языке” (1987) и “Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики”(2000) – одной из последних работ, посвященных категории оценки: “Аксиологическая оценка – это результат наложения ... ситуации на так называемую “ценностную картину,” которая является частью общей “картины мира,” свойственной языковому сознанию данного коллектива, иными словами, это оценка, производимая в терминах “добра” и “зла”; аксиологический оценочный компонент включает в себя предикат “плохо / хорошо” [49, 57]

1.2.2. В лингвистических работах, посвященных изучению категории оценки, как правило, ориентируются на аксиологический аспект, понимая оценку как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п.» [191, 305], то есть оценка – «одна из составных частей стилистической коннотации» (Там же).

В то же время, суждение говорящего может содержать и параметрическую оценку, объектом которой становится размер предмета, интенсивность проявления признака, действия и т.д. При этом коннотативный компонент может присутствовать, но не является обязательным. Следовательно, категория оценки шире аксиологичности и именно в таком объеме должна исследоваться в плане ее репрезентации на деривационном уровне.

В работах, посвященных изучению оценки, констатируется, что коннотативное значение создается в том числе и особыми словообразовательными средствами, в частности, аффиксами, имеющими размерно-оценочное значение (выделено нами – Л.Л.). Так как специальный термин, обозначающий деривационное значение оценки (в отличие от аксиологической оценки в лексикологии), на сегодняшний момент никем не предложен, то мы оказались перед необходимостью использования термина *эвалюатив* (от фр. *evaluatif* ‘оценочный’)¹.

¹ Термин употреблен Е.М. Вольф в описании аксиологической оценки [35].

Таким образом, эвалюативное значение выступает как значение, приносимое в семантику слова размерно-оценочными аффиксальными операторами либо посредством другого деривационного средства; носитель эвалюативного значения определяется как эвалюатив.

Эвалюативность – это понятие дериватологическое, коррелирующее с аксиологичностью так, как соотносятся лексическое и словообразовательное значение слова. Поскольку “все элементы квалификации (оценки) зависят друг от друга и функционируют взаимосвязанно, определяя общее построение квалификативной структуры”, а “кваликативная структура не существует отдельно от денотативной, они образуют слияние, амальгаму, где часть элементов накладывается друг на друга” [35, 67] и “поскольку... само значение оказывается зависимым не только от выбора деривационного средства, но и от выбора источника наименования” [87, 4], эвалюатив может определяться с учетом эмотивных характеристик мотивирующего слова, то есть его аксиологичности.

1.2.3. В рамках эвалюативности мы различаем понятия “субъективная” и “объективная оценка“, поскольку они связаны с разными словообразовательными процессами и наличием / отсутствием нового языкового значения (“семантического сдвига”[87]) у производного слова. “Результаты семантических сдвигов в актах словообразования можно классифицировать, исходя из того, в каких терминах следует описывать “смысловое расстояние” между производящей и производной единицами. Если при деривации производного появляется новый компонент... мы имеем дело с морфологической мутацией....При внутрикатегориальных сдвигах – переходе от одного семантического разряда к другому внутри одной части речи – место имеет лексическая деривация: а именно модификация” [87, 157]. Отнесение эвалюативного суффикса к разряду модификационных или мутационных обусловлено различными функциями самого форманта. Мутационные форманты приносят в лексическое значение слова оценочное значение (квалитативное или квантитативное), модификационные – эмоциональное и стилистическое [96].

Характеризуя аффиксальную систему русского языка, В. Г. Головин делает следующий вывод: “Русским аффиксам свойственна полифункциональность, которая впервые была отмечена у так называемых субъективно-оценочных суффиксов” [42, 145].

1.2.4. В настоящей работе квалификацию эвалюатива получают производные лексем, деривационное значение которых содержит “нормативно-ценностное основание номинации” [148, 10], а именно, указание на размер, количество, меру признака и его интенсивность, эмотивное восприятие факта действительности в сочетании с гипокористической или пейоративной эмоциональной оценкой или без нее. В русском языке подобный семантический компонент способен привноситься в общее лексическое значение слова деривационным аффиксом. В таком случае статус эвалюатива могут получать слова различных лексико-грамматических разрядов. Прежде всего, это имена существительные (наиболее многочисленная группа), имена прилагательные и наречия, в некоторых случаях инфинитив, структурные слова. Круг лексем-эвалюативов с учетом их частеречной принадлежности шире, чем принято думать, что аргументируется в настоящей работе в разделах 4-5.

1.2.5. В данном исследовании к разряду эвалюативов относятся все производные лексем, сопровождаемые в толковых словарях пометами “уменьшительное”, “уменьшительно-ласкательное”, “увеличительное”, “усилительное”, “смягчительное”, а также обозначающие различные оттенки эмоций в сочетании с параметрическими признаками. Возможность трансформации деривационного значения подобных лексем в различных контекстах оговаривается в работе особо.

1.2.6. Способность человеческого мышления рационально оценивать и эмоционально воспринимать действительность нашло свое выражение в языке в том числе и в категории эвалюативности. “Установлено также, что в той сфере обозначений, которая ориентирована на понятийный ряд, а, следовательно – отражает продукцию собственно человеческого сознания, выделяются значения, ориентированные не на вычленение действительности, а на выражение та-

кого отношения к ним, которое основано на представлении о ценности обозначаемого (эвалюативности) [Вольф 1978]” [148, 10].

Языковедами давно отмечено, что в одних языках выражение эвалюативности на морфемном уровне развито более, а в других менее или не развито вообще. М. В. Ломоносов по этому поводу писал, что такие свойства языков “от собственной склонности каждого народа происходят”, что “уменьшительных имен, как *дворикъ, платьице, девушка* не во всяком языке равное довольство. Российский и итальянский весьма оными богаты, немецкий скуден, французский еще скуднее” [91, Т.7]. Прежде всего, это связано с типом языка. Хотя и в языках одного и того же типа (флективных, например) разница в этом соотношении может быть также велика.

При сравнении различных языков в плане эвалюативного словообразования Н. Г. Чернышевский отмечал: “В латинском языке довольно много уменьшительных окончаний, но увеличительных (*мужище* и т.п.) решительно нет;... в греческом гораздо меньше, нежели в латинском, уменьшительных нарицательных имен; зато есть уменьшительные собственные имена, впрочем, довольно мало употребительные, и едва ли не в одном только пошлом смысле... В немецком только одно окончание для уменьшения... В английском уменьшительную форму принимают только собственные имена; во французском также, и эта форма бывает в обоих языках почти всегда только одна для каждого имени. У нас этих форм множество” [169, 51-52].

Категория эвалюативности в русском языке в сравнении со многими другими языками есть явление специфическое, оригинальное.

Выражение субъективной оценки для русского восприятия мира – это одна из его сущностных характеристик. Подтверждение этому находим у многих русских философов: “У русских и у всех славян высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в славянских языках в обилии уменьшительных, увеличительных, уничижительных имен. Уменьшительные имена, выражающие чувства нежности, особенно распространены и разнообразны” [95, 293]. В “Истории

русской философии” В. В. Зеньковского находим: “одна из коренных особенностей русской мысли вообще – сплетение теоретического и аксиологического (оценочного) подхода к бытию” [64, т.1., ч.2., 83].

Основой, источником при оценивании предмета речи являются размерные характеристики названного. “Именно размер, понимаемый широко как величина предмета и интенсивность признака, размер, который познается в сравнении, является тем внесубъектным началом, которое лежит в основе субъективного суждения о предмете” [178, 25]. А. М. Родимкина, говоря о четырех ступенях “семантической градации” уменьшительно-оценочных существительных, первой ступенью считает значение “реальной, объективной уменьшительности” [134, 15].

В лингвистике размерную оценку обычно называют объективной, тем самым противопоставляя ее субъективной. Но субъект может определить эти размеры только путем сравнения. Вне сравнения нет понятия о размере. Размерной можно назвать такую оценку, которая является результатом противопоставления объектов разного размера либо в парах “малый – большой”, либо в триадах “малый – нормальный – большой”, а также оценку интенсивности проявлений признака предмета.

В современном русском языке центральной оппозицией категории субъективной оценки является противопоставление значений уменьшительности и увеличительности. Это ядро категории субъективной оценки. Все остальные значения (эмоционально-оценочные) являются производными от размерно-оценочных, а значит, вторичными. Возможность такой семантической производности значений была обусловлена “связью представлений о норме и размерах предметов с эстетической и этической ценностной ориентацией человека в мире” [178, 25]. И сегодня все разновидности субъективно-оценочного значения, располагающиеся между понятиями о “хорошем и плохом”, как бы накладываются на оппозицию о “малом и большом”: “Малому свойственно быть милым” (Аксаков К. С.).

В русском языкознании продолжается дискуссия о том, включать или не включать образования с чисто размерными значениями в категорию эвалюативности. На том основании, что производные с уменьшительными и увеличительными значениями обозначают не отношение говорящего к предмету речи, а реальный размер этого предмета, их выводили из категории оценки.

Но значения чисто размерные у таких образований встречаются редко, а чаще сопровождаются отношением субъекта к размеру названного им предмета. Известно также, что современные эмоционально-оценочные значения суффиксов сформировались на базе размерно-оценочных морфем, т.е. они являются вторичными, производными от размерно-оценочных. “Суффиксальные образования имен существительных эмоционально-оценочного характера постепенно развились из старых средств языка – из способа выражения категории уменьшительности и увеличительности” [180, 313], “на определенном этапе развития русского языка уменьшительные и увеличительные слова... при сохранении и собственно уменьшительного и увеличительного значения стали использоваться для выражения различительных эмоций, отношения к предмету, оценки его. Старая форма наполнилась новым содержанием: образовались новые функции суффиксов эмоционально-оценочного характера” [180, 314]. Следует отметить, что увеличительные суффиксы в русском языке начинают активно использоваться позже уменьшительных, поэтому они в меньшей степени развили в себе способности выражать эмоционально-оценочные значения. Иногда у них отмечается значение грубости, которое отдельные исследователи интерпретируют как “качество самого предмета, а не отношение к нему говорящего” [178, 28]. Данный тезис мы считаем спорным.

1.2.7. Следовательно, за языковым классом эвалюативов стоят логическая и философская категории количества и качества, которые отображают общее и единое в вещах и явлениях, характеризируя их с точки зрения относительного безразличия к конкретному содержанию и качественной природе. Поскольку количественное сравнение становится возможным только после качественного познания предметов, исследование количественных отноше-

ний связано с процессом абстрагирования. Следовательно, значение эвалюативов может быть рассмотрено как указание либо только на количественную сторону предмета, либо как указание на ту количественную сторону, которая диктуется качеством. Итак, лексическое значение эвалюативов отражает два этапа в познании свойств объективной действительности: 1-ый этап – познание конкретной сущности свойства, 2-ой этап – абстрагирование более высокого порядка, когда в сравнении качеств можно выявить количество.

1.2.8. Поскольку лексическое значение эвалюатива базируется на логическом акте сравнения, можно сказать, что это лексическое значение есть результат субъективной оценки объективных свойств, так как “уже при самом рождении слова является в нем противоположность объективности и субъективности” [129, 40]. Ввиду того, что в природе категория количества неразрывно связана с категорией качества и количество является конечным этапом в познании сущности признаков, то результат этого познания – слово – мы можем воспринимать как свернутое суждение, что в полной мере относится к лексическому значению эвалюатива.

1.2.9. Таким образом, лексическое значение эвалюатива через его словообразовательное значение должно складываться из вещественного значения корня (соотношения с объективной действительностью) и деривационного значения форманта (соотношение с миром субъективной оценки качества и количества), то есть, одновременно с номинацией оно выражает еще и субъективную оценку. Субъективная оценка, выражаемая деривационным аффиксом, иногда может содержать эмоционально-экспрессивную коннотацию, что само по себе уже определяет принадлежность к ограниченному числу функциональных стилей.

1.2.10. Экспрессия уменьшительности и ласкательности, рассматриваемая как коннотативное значение, распространяется на весь номинативный потенциал производимых лексем. В качестве аргумента в пользу этого утверждения можно указать на слова К. С. Аксакова, рассуждавшего о значении эмоционально-оценочных суффиксов: “Милому свойственно быть ма-

лым. Самая ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляется уменьшительное... При этом даже вовсе не берется иногда в расчет самый наружный вид предмета”, и еще: “Чтобы представить предметы милым, чтобы высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, становятся милыми... Оттенки отношения к предмету уменьшенному многочисленны. Кроме милого предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем ... Кроме чувства, что этот предмет мне дорог, в говорящем высказывается часто и чувство собственного смирения, для чего и предмет представляет он в смиренном виде” [5, 63-64]. Это высказывание русского лингвиста характеризует психолингвистический аспект данной проблемы. Субъективно-оценочные видение предмета представляет собой в русском языке явление именно языка (системы), а не только речи. Поэтому, как справедливо замечает Шейдаева С. Г., “значение субъективной оценки, закрепленное в языковой форме, – это обобщенное, типизированное отношение к предмету речи, а не психологически-индивидуальное” [178, 23]. Подтверждение этой мысли находим и в монографии “Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка” (1987) В. И. Шаховского: “эмотивное значение носит такой же социальный характер, как логико-предметное значение: оно соотносимо с соответствующими эмоциями любого носителя данного языка. В стандартных эмоциональных ситуациях люди данной языковой общности испытывают и выражают принципиально одинаковые эмоции. Каждый индивид, естественно, варьирует типизированную эмоцию, подгоняя ее под то или иное слово (знак этой эмоции) в зависимости от своего индивидуального опыта, но в предметах социального (обобщенного) опыта” [176, 48].

1.2.11. Рассматриваемые группы эвалюативов русского языка в своей семантике содержат концептуальное начало, которое Ш. Балли определяет как активную мыслительную операцию, производимую субъектом над фактическим содержанием явлений объективной действительности [10, 80].

Именно на это свойство слов, содержащих эмоционально-оценочные суффиксы, указывал в свое время и А. А. Потебня, считая эти слова не просто символами конкретных понятий, а знаками, способными всей своей семантикой передавать определенные представления: “Отличая объективную уменьшительность или увеличительность от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи, можно думать, что в последнем случае настроение, выразившееся в ласкательной форме имени вещи (относительного субъекта), распространяется в той или другой мере на ее качества, качества ее действий и другие вещи, находящиеся с нею в связи. Это и есть согласование в представлении” [130, 92].

1.2.12. Основываясь на таких философских категориях, как качество и количество, а также являясь средством выражения субъективной оценки фактов действительности, эвалюативы в своем лексическом значении могут содержать несколько семантических компонентов.

Как знаки языка, эвалюативы с точки зрения семантики можно условно сравнить с дескрипциями, то есть со сложными наименованиями, представляющими собой сочетание определенных единиц, но выражающими один семантический предмет [149, 36-37]. Использование термина “дескрипция” в словообразовательном аспекте позволяет понять семантику производного слова как “поле”, которое включает в себя наименование некоего факта и некую переменную величину, характеризующую данный факт; *глубокий – достаточно глубокий*.

1.2.13. Словообразовательные операторы (в данном случае аффиксы) функционально уподобляются “переменным характеризующим”, что становится возможным в силу аффиксальной полисемии. Словообразовательные аффиксы эвалюативов русского языка включают в свое деривационное значение два компонента: указание на количественную сторону обозначаемого основой факта и на его качественную природу. Количественная сторона отражает денотативно-сигнификативный аспект лексического значения, качественная – прагматический аспект.

1.3. Степень изученности категории оценки в лингвистической литературе

1.3.1. Оценочная лексика – один из наиболее традиционных объектов лингвистических исследований в славянском языкознании, в частности, русском. К описанию ее специфики в той или иной степени обращались почти все ведущие языковеды прошлого. Более того, выделение в классе имен образований с уменьшительными суффиксами восходит еще к учениям древнегреческих авторов. В “Риторике” Аристотеля можно прочесть: “Уменьшительным называется выражение, представляющее зло и добро меньшим, чем они есть на самом деле; Аристофан в шутку говорил в своих “Вавилонянах” вместо золота – золотце, вместо платья – платьице, вместо поношение – поношеньице и нездоровьице” [6, 179].

1.3.2. Начало научному описанию субъективно-оценочных имен было положено еще в работах ученых древнего мира и перенесено на русскую почву грамматистами XVI – XVII в.в. Это были первые попытки анализа данного вопроса. Но только в середине XVIII в. подобная группа производных имен получила первое достаточно полное системное описание в “Русской грамматике” М. В. Ломоносова. В этой работе все субъективно-оценочные образования рассмотрены в одном разделе “О именах увеличительных и умалительных”. Однако почти за 90 лет до Ломоносова Юрий Крижанич в 1666 г. в ссылке в Тобольске написал “Грамматично изказание об руском езику”, где подробно рассмотрел образование уменьшительных имен (не только существительных, но и прилагательных). Интересен и сам термин, выбранный им, – “имена уменьшаема”, то есть “уменьшительные”. Этот термин, вытеснив собою термин “умалительные”, снова появляется в грамматиках только в следующем веке.

В первой половине XIX в. о деминутивных производных писали Н. И. Греч, Г. П. Павский, А. Х. Востоков.

Во второй половине XIX в. новые исследования в области субъективно-оценочного словообразования были представлены в трудах Ф. И. Буслаева,

А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, Ф. Ф. Фортунатова, А. И. Соболевского, В. К. Поржезинского, Д. Н. Ушакова и др., в которых можно найти немало ценных сведений, относящихся к проблемам образования и функционирования деминутивно-оценочных имен в русском языке. Советскими языковедами в основном уже был изучен и обобщен ценный опыт отечественной лингвистики в этой области (А. Н. Кожин, Л. С. Новикова, С. С. Плямоватая и др.). Следует отметить, однако, что внимание русистов прошлого века было направлено главным образом на семантику субъективно-оценочных суффиксов, причем чаще всего эти вопросы освещались попутно, в связи с проблемами грамматического или лексического характера.

1.3.3. В настоящее время словообразовательные средства выражения оценки в русском языке стали объектом самостоятельного изучения и привлекают внимание многих лингвистов. В последние десятилетия в этой области выполнены оригинальные многоаспектные исследования на большом фактическом материале – современном и историческом.

К современным исследователям данной проблемы в области словообразования следует отнести в русистике М. Г. Даниелову, Е. А. Земскую, И. А. Карабань, В. В. Лопатина, Е. И. Нещерет, Н. С. Николаеву, В. Н. Покуц, Л. А. Сергееву, В. А. Сирцева, Т. В. Шевчук, и др., в украинистике Д. Х. Баранникова, О. К. Безпояско, К. Г. Городенскую, Т. О. Грязнухину, Н. Ф. Клименко, Т. Г. Линник, М. М. Пешак и др. Однако следует отметить, что наиболее часто эвалюатив как центральный объект изучения выступает в диссертациях, в остальных случаях данная проблема является лишь частью какого-либо аспекта монографического исследования, как, например, в работе Т. А. Космеды [77].

1.4. Языковой статус субъективно-оценочных образований

1.4.1. Термин “категория субъективной оценки” был введен в лингвистическую науку А. А. Шахматовым, применившим его к группе производных существительных, образованных при помощи уменьшительных, увели-

чительных и уничижительных суффиксов. В курсе лекций по современному русскому литературному языку (1911-1912 гг.) А. А. Шахматов называл группу имен этого рода “категорией умалительности, уничижительности и увеличительности” [174]. Здесь же он рассматривал эту категорию в ряду других грамматических категорий имени существительного.

В изданном посмертно труде “Синтаксис русского языка” (1927 г.) для названия данной категории А. А. Шахматов ввел термин “субъективная оценка”: “Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки” [175, 3].

Позднее В. В. Виноградов сделал вывод о том, что “по мнению А. А. Шахматова, уменьшительные, ласкательные, увеличительные или уничижительные образования какого-нибудь слова должны быть признаны не разными словами, не отдельными словами, а формами того же слова” [29, 97].

Таким образом, в русском языкознании началась дискуссия о языковом статусе субъективно-оценочных образований.

1.4.2. В русской лингвистической традиции субъективно-оценочные дериваты рассматривались то как самостоятельные по отношению к исходным словам (В. К. Порзежинский, В. Н. Сидоров, А. И. Соболевский, Д. Н. Ушаков, Ф. Ф. Фортунатов), то как формы слов (Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, А. Х. Востоков, М. В. Ломоносов, С. И. Ожегов, Г. П. Павский). Колебался в решении этого вопроса Л. В. Щерба. В современной лингвистической литературе представлены оба эти направления.

1.4.3. Можно сравнить противоположные точки зрения, представленные, с одной стороны, в работах Ю. А. Карпенко, А. Н. Кожина, Р. Маркаряна, В. М. Никитина и О. А. Никитиной и, с другой, в работах А. Д. Зверева, А. М. Родимкиной, П. М. Чайкуна, Н. В. Шемборской.

1.4.3.1. Некоторые современные исследователи склонны рассматривать образования с субъективно-оценочными суффиксами как нечто промежуточное между собственно словами с особыми лексическими значениями и

грамматическими формами слова (Л. И. Осипова, В. А. Червова) или как синтез того и другого, “формословы”. Этот термин М. Г. Даниелова предложила в своем труде в восьмидесятые годы XX века. И хотя автор предупреждает, что “здесь не подразумевается промежуточный характер деминутивов”, но далее разъясняет: “своеобразие данной категории заключается в совмещении некоторых признаков словообразования и формообразования” [50, 4].

1.4.3.2. Другие исследователи предлагают дифференцировать такие производные: наименования, выражающие значение реального уменьшения, считать отдельными словами (*рот – ротик, нос – носик, дом – домик*), а те, что не связаны с указанным значением, рассматривать как формы слова (*время – времечко, час – часик*) (С. К. Антонов, Е. М. Галкина-Федорук, С.С. Плямоватая, М. Н. Янценецкая).

1.4.3.3. Иначе разграничивает формообразующие и словообразующие суффиксы В. Н. Покуц. К формообразующим она предлагает относить такие уменьшительные суффиксы, которые образуют производные как со значением эмоциональной оценки, так и со значением объективной уменьшительности. Словообразующими считаются суффиксы, посредством которых образуются производные со значением конкретизации (*шубка – “детская шуба”, яблонька – “молодая яблоня”*), а также уменьшительные суффиксы в полисемантических формах. Автор также указывает на наличие группы производных (“морфологических вариантов”), в составе которых уменьшительные суффиксы не обнаруживают признаков ни словообразования, ни формообразования: *тетрадка, скамейка* [126, 20].

1.4.3.4. Еще один подход к проблеме формо- /словообразования в сфере уменьшительно-оценочных имен представлен в работе Л. С. Новиковой, по мнению которой данные производные являются самостоятельными словами с лексикографической точки зрения и представляют формы производящего слова с точки зрения лексикологической [113, 91].

Из этого можно сделать вывод, что вопрос о том, являются ли субъективно-оценочные слова объектом формо- или словообразования, продолжает оставаться открытым.

1.4.3.5. Несмотря на остроту проблемы, уже наметилась тенденция к однозначному осмыслению субъективно-оценочной деривации в качестве словообразования. Но такое решение вопроса родилось как бы за пределами данной проблемы – в связи с разработкой семантических типов словообразования. Предпринятое Е. Куриловичем разграничение деривации лексической (мутация и модификация) и синтаксической [89, 57-70] означало, что вопрос о природе оценочной деривации решен в пользу словообразования. Позже в нескольких работах по деминутивному словообразованию (Л.И. Осипова [117, 13], А.Н. Кожин [76, 5]) используется термин “модификация”.

В «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. А.А. Лопатин не только употребляет этот термин, но и трактует данное понятие: “В системе суффиксальных существительных, мотивированных существительными, слова с общим значением “носитель предметного признака” (признака, выражающегося в отношении к предмету, лицу, явлению) противопоставлены словам с модификационными значениями. Сущность словообразовательной модификации заключается в добавлении к основному значению мотивирующего слова некоторого дополнительного признака. Среди суффиксальных существительных выделяются модификационные значения женскости, невзрослости, подобия, собирательности, единичности; стилистической модификации” [45, 168]. О том, что субъективно-оценочное значение слова относится к модификационным, пишут такие исследователи, как Е. А. Земская [62], Л. М. Васильев [27], Е. С. Кубрякова [87] и др.

1.4.3.6. Итак, наиболее принята точка зрения, согласно которой субъективно-оценочное образование в русском языке – это процесс, формирующий модификационное словообразовательное значение.

Нельзя, правда, не видеть, что такое решение проблемы – это вместе с тем и постановка новых вопросов: о границах и внутренних градациях моди-

фикационного СЗ, о месте экспрессивно-оценочного СЗ среди других видов словообразовательной модификации и о правомерности их объединения в один семантический тип словообразования.

1.4.4. Границы модификационного словообразования не вполне ясны. В АГ-70 и РГ-80 модификационному словообразованию отводятся довольно широкие семантические границы: значение женскости, невзрослости, подобия, собирательности, единичности, субъективно-оценочные значения, значение стилистической модификации. В результате понятие “дополнительный элемент смысла”, выдвигаемое в РГ-80 [138, 183] в качестве семантического критерия при определении границ модификационного словообразования, не является вполне определенным, поскольку не указано, по каким признакам можно было бы отличить такой “дополнительный элемент смысла” от самостоятельного смысла, а, следовательно, по каким признакам можно на практике отличать модификационное словообразование от мутации. Сам по себе перечень возможных модификационных значений не решает проблемы. Создается впечатление, что модификационное словообразование в том виде, как оно представлено в академических грамматиках, объединяет в себе разнородные явления.

До настоящего времени актуальной остается необходимость “выработать четкие принципы выделения модификационных значений в их отличии от других видов словообразовательной и грамматической (формообразовательной) семантики” [87, 186]. Учитывая все это, вопрос о статусе субъективно-оценочного значения вряд ли можно считать до конца ясным и вполне решенным.

1.5. Терминологический и понятийный аппарат работы

1.5.1. В нашей работе мы разграничиваем термины – деривационное значение и словообразовательное значение, хотя их часто используют как синонимичные. Под словообразовательным значением мы понимаем значение, присущее лишь производному слову: “такое значение заложено в каждом отдельном производном слове” [58, 22].

Словообразовательное значение устанавливается на основании семантического соотнесения производных и производящих с ориентацией на деривационное значение форманта; это семантический компонент, который входит в лексическое значение деривата: *учи(ть) + -тель* → *учитель*: “тот кто преподает какой-либо учебный предмет в школе, преподаватель” (БТС). Словообразовательное значение выражается перифразой “тот, кто учит”, которая коррелирует с лексикографическим определением “тот, кто преподает”. Все остальное – “какой-либо предмет в школе, преподаватель” – входит только в лексическое значение.

Деривационное значение (*derivatio* – отвод) – типизированное значение словообразовательного аффикса. Оно более абстрактное, его можно определить на основе обобщения лексического значения нескольких однотипных дериватов: *учитель, мучитель, заместитель, преподаватель, издатель, хранитель* – “лицо, совершающее действие, названное производящей основой”. Деривационное значение участвует в формировании словообразовательного значения производного слова путем координации с вещественным значением корня: с помощью суффикса *-тель-*, обладающего деривационным значением «лицо, совершающее действие, названное производящей основой» в сочетании с основой глагола *учить* производится дериват *учитель*, который имеет словообразовательное значение “лицо, которое учит” = “тот, кто учит”.

Если деривационное значение – значение аффикса, то закономерно в этом же значении употреблять термин *аффиксальное значение*. Однако деривационное значение может быть выражено другим способом, например, редупликацией основы. Любой носитель деривационного значения определяется как *дериватор* [122, 188].

В деривационном значении, как и в лексическом, можно выделить денотативный и коннотативный компоненты, например, в слове *домище -ищ-* имеет денотативный компонент ‘размер’ = ‘большой’ и коннотативный компонент ‘эмоция’. Коннотативная сема реализуется в контексте и может при-

обретать оттенки гипокористического или пейоративного значения, что будет рассмотрено в последующих главах.

1.5.2. Проанализированный нами фактический материал, позволяет сделать вывод о необходимости различия понятий “субъективная оценка” и “объективная оценка”. Значение прилагательных *субъективный* – “относящийся только к данному субъекту, отражающий только его мысли, переживания и т.п., личный, индивидуальный” и *объективный* – “лишенный предвзятости, беспристрастный” [196] несколько меняется в терминологизированных сочетаниях *субъективная* или *объективная оценка*.

Субъективная оценка, на наш взгляд, предполагает выражение определенных эмоций. Слово, выражающее субъективную оценку, содержит семантический компонент, который как бы накладывается на денотативно-сигнификативное значение слова. Он указывает на отношение говорящего к объекту речи или к адресату речи, что легко обнаруживается в именных частях речи, но присутствует также в глаголах и структурных словах.

Объективная оценка указывает на реальные изменения исходного значения слова.

1.5.2.1. Как было отмечено выше (см. 1.2.7.) , в русском языкознании давно ведется дискуссия о том, включать или не включать образования с чисто размерными значениями в категорию субъективной оценки. Не раз предпринимались попытки вывести производные с уменьшительным и увеличительным значениями за пределы категории субъективной оценки на основании того, что они обозначают не отношение говорящего к предмету речи, а реальный размер этого предмета. Анализ фактического материала показывает, что значения абсолютно размерные встречаются редко и сопровождаются обычно отношением субъекта к названному им предмету, его размеру. Примечательно в этом плане высказывание В. Н. Покуц, которая отмечает, что существительные, выражающие реальную уменьшительность, все же “сохраняют в себе часть той экспрессии, которая присуща им при выражении субъективной оценки” [126,10].

Исходя из этого, можно, наверное, говорить о затруднительных случаях, о преобладании объективного над субъективным и наоборот, но ни в коем случае не объединять эти два понятия.

Доминирующую сему в данных производных позволяет определить контекстное окружение, так называемые “сигнализаторы подчеркивания”. В тех случаях, когда в ближайшем контексте отсутствуют “сигнализаторы” того или иного варианта многозначного СЗ, это СЗ реализуется (воспринимается адресатом) совокупно, нерасчлененно. То есть, актуализация одного из вариантов полисемантического аффикса может осуществляться лишь в широком (вербальном и невербальном) контексте, а может оставаться и неосуществленной. Но это, по справедливому замечанию Д. Н. Шмелева, “не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью “совмещения” некоторых из них в определенных контекстах” [185, 87]. И хотя здесь речь идет о лексической полисемии, это же можно сказать и о многозначности модификационного СЗ.

В нашей работе дериваты с абсолютно размерным значением рассматриваются как оценочные производные, но относятся к примерам объективной оценки. Эвалюативы объективной оценки в данной работе классифицируются на деминутивы и аугментативы (в рамках имени существительного); на квантитативы и квалитативы (в рамках имени прилагательного, наречия, структурных слов).

1.5.3. В данном исследовании мы считаем уместным говорить о разграничении понятий “оценочность”, “экспрессивность”, “эмоциональность”, “эмотивность”.

Оценочность – это компонент содержания слова, передающий рациональное и / или эмоциональное (положительное или отрицательное) отношение говорящего к характеризующемуся явлению.

Эмотивность – это компонент коннотативного содержания, передающий эмоциональное отношение говорящего к характеризующемуся явлению. В отличие от рациональной оценки в эмотивности доминирует эмоциональное начало [150, 22], выше роль субъективного фактора. Эмотивность и оценочность тесно связаны и часто взаимозаменяемы, что дало основание для объединения их в один компонент значения, который Н. А. Лукьянова называет эмоциональной оценкой [96, 11-12].

Также представляется уместным разграничить понятия “эмоциональность” и “эмотивность”. Под эмоциональностью В. А. Маслова понимает психологическую характеристику личности, состояния, качеств и уровня ее эмоциональной сферы [104, 185]. Эмотивность – это понятие языковой системы. В. А. Маслова рассматривает данное понятие как совокупность языковых средств, способных произвести эмоциональный эффект, то есть, вызвать у реципиента соответствующие эмоции [104, 185]. У В. И. Шаховского можно найти следующее толкование этого понятия: “Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции” [176, 24].

Некоторые отечественные и зарубежные лингвисты отождествляют эмотивность и экспрессивность, употребляя эти термины как синонимы (Ш. Балли, В. Матезиус, К. А. Рогова, Р. О. Якобсон и др.). В последнее время в научной литературе четко проявляется тенденция дифференциации этих явлений. О. И. Блинова, А. И. Ефимов, Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский, В. Н. Телия признают экспрессивность категорией более широкой, чем эмотивность. Под экспрессивностью речи обычно понимается ее ненейтральность, деавтоматизация, придающие речи необычность, выразительность. Явление экспрессивности включает в себя также эмоциональность и образность, потому что именно они служат средством усиления впечатления, усиления прагматической функции. “Экспрессив – это языковая единица, основной семасиологической функцией которой является экспрессия, то есть

увеличение воздействующей силы за счет сем усиления образности и др.” [176, 25]. Эмотивность и экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка, в том числе и деривационному. Деривационные средства включают, прежде всего, широкий диапазон аффиксов, а также словосложение.

1.5.4. Исходя из этого, эвалюативы (как оценочные дериваты с размерно-эмотивными аффиксами) классифицируются на *эмотивы*, *экспрессивы* и *собственно эвалюативы* (со своими разновидностями в зависимости от части речи), что будет описано в последующих главах.

1.5.5. В работе употребляется термин “словообразовательный оператор”, который, как отмечает В. П. Изотов, «вполне уместен ... поскольку речь идет об операции создания слова» [70, 5].

Вслед за Т. И. Плужниковой, коррелятом к термину “дериват” мы используем термин “генератив” для обозначения производящей основы (от латинского корня *generāre* – “порождать, производить”), мотивирующее слово, наряду с принятым в дериватологии термином “мотиватор”, определяем как “мотивант”, а мотивированное – “мотиват” [122, 188].

1.5.6. В тексте работы термины “адгерентная экспрессивность”, “ингерентная экспрессивность” употребляются в значении, представленном в словаре О.С. Ахмановой: *экспрессивность адгерентная* – “Экспрессивность, приобретенная словом или выражением только в данном речевом контексте”, *экспрессивность ингерентная* – “Экспрессивность, внутренне присущая данному слову (или выражению) как элементу (единице) языка [191, 523].

1.6. Выводы к главе 1

1.6.1. В языке отражена обобщенная работа сознания: категории языка, в том числе и категория оценки, соответствуют категориальному членению мира и организуются в условную структуру, получившую название языковая картина мира.

1.6.2. Категория оценки в языке соотносится с такими философскими категориями, как аксиологичность, с одной стороны, и количество и качество, с другой. Термин аксиологичность используется и в языкознании для обозначения морально-этической оценки. В пределах категории эвалюативности реализуется и это значение, и размерно-оценочное.

1.6.3. До настоящего времени объектом лингвистического анализа были в основном аксиологические характеристики лексем, изучавшиеся лексикологами. В дериватологии же не было специального исследования реализации категории оценки на деривационном уровне, однако достаточно изучен реестр морфов, используемых в образовании отыменных оценочных производных, прежде всего, субъективно-оценочных.

1.6.4. В рамках эвалюативности нужно различать понятия субъективной и объективной оценки, поскольку они связаны с разными словообразовательными типами и определяются в связи с наличием / отсутствием нового значения у деривата. Объективное оценочное значение (квалитативное и квантитативное) свойственно производным, полученным в результате мутации, эмоциональное и стилистическое наполнение характеризует модификационные дериваты.

ГЛАВА 2

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ КАК ПРОИЗВОДЯЩАЯ БАЗА ОЦЕНОЧНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ

2.1. Актуальность эвалюативной лексики

2.1.1. Наиболее изученными в современной научной литературе предстают имена существительные, что объясняется древним происхождением самостоятельных слов – имен, в пределах которого выделяются прежде всего существительные.

Если анализировать накопленные в науке сведения об именах с эвалюативными аффиксами, то можно выделить следующие вопросы, на которых акцентируется внимание лингвистов: 1) актуальность эвалюативной лексики; 2) феномен эвалюативных аффиксов, их деривационная история, границы, функции, особенности функционирования; 3) содержание и статус эвалюативной семантики, ее динамика. К этим вопросам мы бы добавили практически не изученный, но актуальный вопрос разграничения эмотивов, экспрессивов и собственно эвалюативов, образованных от имен существительных.

2.1.2. Вопрос об актуальности оценочной лексики является дискуссионным. Во-первых, расходятся мнения исследователей о степени регулярности эвалюативных производных в свойственном им стиле – разговорной речи. Одни лингвисты обращают внимание на широкое распространение коллоквиального уменьшительного словообразования [115, 29], [43, 11], другие утверждают, что в разговорной речи сравнительно редко используются данные производные [143, 58-60]. Во-вторых, с одной стороны, исследователи описывают важные речевые функции, выполняемые оценочными образованиями, которые не только выражают размерное значение, передают положительное или отрицательное отношение к предмету высказывания, но и употребляются для создания вежливой окраски, экспрессии, усиление признаков предмета высказывания, интимизации изложения, придают речи характер живой, непринужденной беседы [138, 211]; [134, 17-18]; [127, 69]; [43, 11]. С другой сто-

роны, высказывается отрицательная оценка употребления в обиходной речи уменьшительно-ласкательных образований, которые характеризуются как “мещанская фразеология” [133, 96] или “ласковые словечки” [65, 68]. Некоторые лингвисты относят эвалюативные морфемы к разряду стилистических: “Сердцевину стилистических ресурсов в словообразовании составляют суффиксы и префиксы субъективной оценки” [78, 133]. Н. В. Шемборская же отмечает, что “суффиксированные слова эмоционального характера... следует рассматривать в плане грамматико-лексикологическом” и только частично в стилистическом, с точки зрения использования их в разных стилях речи [181, 12]. Того же мнения Т. Г. Винокур [33, 60] и А. А. Дементьев [51, 6-7]. С. С. Плямоватая в своей монографии отмечает: “Проблема оценочного суффикса – это прежде всего проблема лексико-морфологическая” [125, 5].

Функция стилистического маркирования может развиваться у оценочных морфов в том случае, если у них нейтрализуется деривационное значение, если они семантически опустошаются, т.е. перестают указывать на разницу в значении производного и производящего слов. Тогда остается лишь их связь со стилистической окраской. Однако С. Г. Шейдаева полагает, что «субъективно-оценочные морфемы хотя и имеют обычно сниженную, разговорную окраску, но это совсем еще не означает, что данные словообразовательные средства можно отнести к стилистическим, поскольку они при этом остаются морфемами, с помощью которых в русском языке создаются новые лексические единицы с определенным, выраженным формально, словообразовательным значением, относящимся к разряду модификационных» [178, 90].

2.1.3. Несовершенной остается и лексикографическая фиксация стилистической принадлежности оценочных слов, в том числе и с эвалюативными аффиксами. Непоследовательность в употреблении стилистических помет при уменьшительно-оценочных образованиях была отмечена еще В. В. Виноградовым при анализе “Толкового словаря русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова [30, 239]. С тех пор в этой области мало что изменилось. Вопросу адекватности лексикографических помет значению эмоционально-экспрессивных стилистически маркирован-

ных слов, в частности, посвящены статьи Н. В. Хруцкой [160, 161]. Автор справедливо отмечает, что “одно и то же слово в зависимости от того, кто, по отношению к кому, в какой ситуации и с какими коммуникативными интенциями его употребляет, может служить средством выражения различных видов ЭОО” [161, 292]. Во многом соглашаясь с автором, мы, исходя из темы нашего исследования, не разделяем мнение, что “...эмотивность представляет собой исключительно (выделено нами. – Л.Л.) речевую (текстовую) категорию” [161, 291].

2. 2. Вопрос о семантической классификации эвалюативных аффиксов

2.2.1. В языкознании существует немало классификаций эвалюативных аффиксов. Главное их различие состоит во взгляде на соотношение размерных и оценочных сем в их семантической структуре. Обращается внимание насколько обязательно присутствие оценочной семы в семантической структуре суффиксов, связанных с представлением о размере объекта действительности. На сегодня данный вопрос не получил однозначного решения.

2.2.2. Семантическая классификация эвалюативных суффиксов у разных авторов имеет различную степень детализации. Выделяются такие, например, группы деминутивно-оценочных суффиксов, как ласкательные и уничижительные, уменьшительно-ласкательные, ласкательные, уменьшительно-уничижительные [113]; суффиксы, связанные или не связанные (оценочные) с понятием о размере [125]; суффиксы с положительной или отрицательной эмоциональной оценкой [134]; суффиксы с уменьшительно-ласкательным, только ласкательным, уменьшительно-уничижительным, только уменьшительным, только уничижительным или пренебрежительным значениями [138].

2.2.2.1. Подробный семантический анализ существительных с оценочными суффиксами дан В. Н. Покуц. В работе представлено 9 семантических групп существительных – деминутивов: 1) существительные, обозначающие

часть предметов; 2) существительные, обозначающие особенности реально малых предметов или результат их действия; 3) существительные, обозначающие небольшие углубления, возвышения, специфические участки суши и водоемов; 4) существительные, обозначающие небольшие нежелательные изменения нормального состояния поверхности; 5) существительные, обозначающие небольшие куски; 6) существительные, называющие маленькие подсобные помещения; 7) существительные, называющие домашнюю утварь небольшого размера; 8) существительные, называющие небольшие органы человеческого тела; 9) существительные, выражающие незначительность действия, состояния [126, 6]. Подобная рубрикация, несмотря на определенную условность, довольно точно соотносит оценочные дериваты с фактами действительности.

2.2.2.2. Более обобщенной и неполной выглядит семантическая характеристика оценочных существительных в работе М. Г. Даниеловой: “Оценочное значение присуще деминутивам вещественным, абстрактным, собирательным, некоторым конкретным, а также одушевленным, обозначающим людей” [50, 12]. В данном тезисе вызывает сомнение как ограничение круга одушевленных существительных, способных к порождению эвалюативов, разрядом личных субстантивов, поскольку языковые факты (*собачка, лошадка, кабанчик* и др.) свидетельствуют о возможности оценочных образований и от зоонимов, так и включение в этот ряд собирательных существительных.

2.2.2.3. Существуют классификации оценочных производных, основанные на иных критериях. Так, В. В. Виноградовым предложен морфологический критерий для разделения указанных лексем на группы. Основанием послужил тип склонения (мужской твердый; среднего рода с экспрессивными суффиксами *-шико, -енко*, перешедший в парадигму женского склонения; склонение слов среднего рода, женский твердый тип), отнесенность существительного к собственным именам, отдельно рассматриваются оценочные суффиксы в классе слов среднего рода как формообразующие [29, 77- 124].

2.2.2.4. Так или иначе, во всех рассмотренных классификациях систематизация оценочных суффиксов основана на их понимании как факта языка. В то

же время ряд ученых, в частности, Н. В. Шемборская, считает, что этот разряд аффиксов можно рассматривать только в речи: “эмоционально-оценочные суффиксы полисемантчны, семантика их может быть выявлена только в контекстуальной связи, – поэтому деление их по семантическим группам, как это обычно принято в научной и учебной литературе (уменьшительно-ласкательные, ласкательные, пренебрежительные, уничижительные и т.д., а вместе с этим и собственно уменьшительные и увеличительные) нецелесообразно, во-первых, потому, что это не является предметом грамматики, это предмет лексикологии...; и, во-вторых, потому, что деление суффиксальных слов данного типа по семантическим группам не соответствует их действительным функциям в языке. ... При классификации суффиксов необходимо придерживаться только генетического, а не семантического признака” [180, 13].

Т. А. Космеда по этому поводу отмечает: “Іноді важко здійснити семантичну класифікацію емоційно-оцінних суфіксів тому, що відтінки їхніх значень не завжди можуть чітко диференціюватися. Традиційно описуються такі суфіксальні суб’єктивно-оцінні значення: зменшувально-пестливі, пестливі, зменшувальні, збільшувані. Суфікси зі значенням здрібнілості належать до специфічних засобів вираження суб’єктивної оцінки, які використовуються переважно у розмовному мовленні” [81, 256].

2.2.3. Если говорить о месте оценочных компонентов в семантике эвалюатива, то следует отметить их периферийное положение. Е. И. Нещерет предлагает следующую схему семантической структуры слов с суффиксами субъективной оценки: 1) общекатегориальный признак, указывающий на лексико-грамматическую отнесенность слова; 2) конкретизирующий признак слова, дифференцирующий слова согласно их тематической принадлежности; 3) указание на нейтральный или экспрессивно-оценочный характер слова; 4) классифицирующее значение слова: количественно- или эмоционально-оценочное; 5) собственно-оценочное значение слова (уменьшительное – увеличительное, положительное – отрицательное); 6) модифицирующий признак слова [109]. 1 и 2 компоненты выделяются как ядерные компоненты значения.

2.3. Эвалюативные образования и их производящие как члены словообразовательной оппозиции

2.3.1. Учитывая семантическую отнесенность и структуру эвалюативов, становится возможным определить их словообразовательный потенциал и структуру комплексных единиц словообразования с исходным эвалюативом.

2.3.2. Механизм действия словообразовательных законов таков, что чем дальше находится слово от исходного члена гнезда, тем меньше его словообразовательный потенциал. При этом значение уменьшительности – ласкательности порождается на 1-2 ступени словопроизводства. Ввиду большого количества имен существительных с уменьшительно-оценочными суффиксами в русском языке возникает необходимость рассматривать данные языковые единицы как на уровне синтагматики, так и на уровне парадигматики. Парадигматические отношения характерны для субстантивных эвалюативов в том случае, когда от исходного существительного производится несколько кодериватов-эвалюативов. В подобном случае производные находятся между собой в синонимичных отношениях, “таким образом, существует асимметрия между означаемым и означающим: одно и то же деривационное значение может быть выражено с помощью разных аффиксов” [50, 13]. Однако необходимо отметить, что у рассматриваемых дериватов характер эмоциональной оценки способен колебаться от положительного к отрицательному полюсу, принимая различные оттенки:

<i>Борода</i> ² → <i>бородка</i> → <i>бородочка</i>	<i>Баба</i> → <i>бабенка</i> → <i>бабеночка</i>
→ <i>бородушка</i>	→ <i>бабочка</i>
→ <i>бороденка</i>	→ <i>бабешка</i>
→ <i>бородишка</i>	→ <i>бабища</i>
→ <i>бородища</i>	
<i>Голос</i> → <i>голосок</i> → <i>голосочек</i>	
→ <i>голосишко</i>	
→ <i>голосище</i>	

² Примеры здесь и дальше приводятся по СлСРЯ А. Н. Тихонова

→ *ГОЛОСИНА*

Здесь исходное нейтральное имя может быть уподоблено номинативной форме в словоизменительной парадигме. Членами субъективно-оценочной словообразовательной парадигмы являются все имеющиеся в языке на данном этапе его развития производные субъективной оценки, соотнесенные с одним и тем же исходным словом. От субъективно-оценочного образования может быть образовано другое производное с эвалюативным морфем, и от последнего тоже может быть произведено слово с эвалюативным аффиксом, то есть они выстраиваются в словообразовательную цепь.

Хотелось бы обратить внимание на то, что двухэтапное строение является существенной особенностью всей эвалюативной системы, но остается малоизученной областью словообразования. Значимо исследование О. Ю. Крючковой “Вторичная деминутивно-оценочная деривация: современное состояние и развитие” (Саратов, 1991), которая считает процесс образования вторичных деминутивов самостоятельным словообразовательным типом. В частности, деминутивы 2-й ступени играют роль завершающего элемента в микросистемах синонимических средств выражения словообразовательной коннотации. Характерным является то, что вторичные деминутивно-оценочные дериваты активно образуются в тех СГ, где уже имеются развитые подгнезда (пучки) производных с экспрессивно-оценочным значением. Следует заметить, что вторичные деминутивы в сравнении с синонимичными им производными первой ступени встречаются намного реже (см. данные “Частотного словаря...” под ред. Л. Н. Засориной). Однако это общее правило формирования словообразовательных цепочек: по мере удаления от корневого слова, частотность производных убывает, т.е. глубина словообразовательной структуры слова обратно пропорциональна его семантической сложности и частотности употребления.

2.3.3. Реализация в речи словообразовательных оппозиций может происходить не только по синонимическому типу, где возможна взаимозаме-

на слов с целью уточнения, замещения, сопоставления для номинации одного и того же понятия, а и по типу “родовое – видовое”, где возможна замена первым второго, но не наоборот и по антонимическому типу, где взаимозамена невозможна [112, 136-141], например: *В 1775 году Версальский сад претерпел страшное опустошение; безжалостная секира подрубила все густые, высокие деревья, для того (говорят) что начинали стариться и походили не на лесочки, а на лес* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, с. 373); *На одной стороне равнина, где извивается величественная Темза, опушенная лесочками, а на другой – большая гора, покрытая густым лесом* (Там же, с. 441); *Мрачные леса, прекрасные лесочки...* (Там же, с. 439).

В приведенных примерах слову *лес* в эмоциональном и размерно-оценочном отношении противопоставляется именно *лесочек*. В первых двух предложениях слова *лес – лесочек* выступают контекстуальными антонимами, и оппозиция между ними возникает в пределах семантического признака ‘размер’, который в слове *лес* актуализируется в семе ‘большой’, а в слове *лесочек* – в семе ‘маленький’, эксплицированной в суффиксе. В последнем примере на синтагматическом уровне актуализируется семантический коннотативный признак, который в словосочетании *прекрасные лесочки* эксплицирован в прилагательном и в эвалюативном суффиксе, а в словосочетании *мрачные леса* – только в прилагательном *мрачные*, которое, детерминируя общее значение синтагмы, эмоционально окрашивает и нейтральное слово *лес*.

В паре *лесок – лесочек* члены ее синонимически заменяют друг друга, например: *...лесок, насажденный самими ореадами, с маленькими цветущими лужками...Вы не имеете времени осмотреть всех красот сего лесочка, сих умильных рощиц....* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, с. 283).

2.3.3.1. Крючкова О. Ю. отмечает и другие случаи, когда “денотативные различия между деминутивом и его производящим проявляются только в определенных синтаксических позициях. Например, словосочетания “*маленький человек*” и “*маленький человечек*” в позиции сказуемого выполняют разные номинативные функции. Ср. *Денисов был маленький человечек с*

красным лицом (Л. Толстой). Замена “*человечек*” на “*человек*” в данном контексте сделало бы высказывание бессмысленным” [86, 40]. Различия означаемых у производящего и производного при модификационном словообразовании является следствием их объективно-оценочных и экспрессивно-стилистических различий. Поэтому в этом смысле можно говорить о том, что эвалюативная модификационная деривация является одновременно и источником новых номинативных слов. Эти возможности эвалюативов актуализируются в определенных речевых ситуациях.

Роль эвалюативов – служить средством субъективной оценки и выполнять номинативные функции – определяется особенностями структуры и лексического значения. Крючкова О. Ю. уточняет, что “номинативность деминутивных образований по-разному представлена в разных семантических полях – в поле вещи, в поле деятеля и в поле абстрактных понятий” [86, 42].

2.3.3.2. Синтагматические отношения реализуются в СЦ разного типа с исходным субстантивом. В силу многозначности исходных лексем, с одной стороны, и аффиксальной полисемии, с другой стороны, возможны различные вариации формально-смысловых отношений в СЦ. Так. М. Г. Даниеловой выделены следующие структурные типы деминутивных словообразовательных цепочек по признаку положения мотивирующего слова в цепи: “1) исходное слово мотивирует 1 и 2 деминутивы по одним и тем же лексико-семантическим вариантам (*ковш – ковшик – ковшичек*), 2) исходное слово цепи мотивирует 1 и 2 деминутивы по общим ЛСВ, но 1 деминутив мотивируется большим количеством из этих ЛСВ, чем 2 (*круг – кружок – кружочек*); 3) исходное слово цепи мотивирует 1 и 2 деминутивы по общим ЛСВ, но 2 деминутив мотивируется большим из этих ЛСВ, чем 1 (*сестра – сестрица – сестричка*)” [50, 13].

2.3.3.3. Крючкова О. Ю. основными чертами деминутивно-оценочных производных называет следующие: “1) обязательное присутствие оценочных сем в таких словах (*грибок – грибочек – “хороший, хорошенький, приятный мне”* и подобное); 2) сугубо субъективный, т.е. не рациональный, а эмоцио-

нальный (продиктованный исключительно настроением, мироощущением говорящего) характер оценки (ср. рациональную оценку в слове *лгун* – “человек, часто прибегающий к неправде, а, следовательно, плохой, ненадежный человек” – и добавочную эмоциональную оценку в слове *лгунишка* – “плохой, ненадежный, такой, который во мне вызывает презрительные чувства”); 3) широкий диапазон оценки; 4) наличие степеней оценки” [86, 37].

В данном случае, соглашаясь в целом с предлагаемой автором квалификацией оценочных производных, можно оспорить приводимые экземпляры.

2.4. Разновидности субъективно-оценочного значения

имен существительных: языковой факт и история его изучения

2.4.1. На ранней стадии развития языка имена с уменьшительными суффиксами использовались для обозначения предметов малого размера. Мнение о том, что в древнерусском языке основная функция деминутивов – передача объективного размерного значения, неоднократно подтверждалось высказываниями в лингвистической литературе. Например, В. В. Колесов пишет: “В Древней Руси уменьшительность значения, введенная с помощью соответствующего суффикса, не была выражением ласковости и умиления...” [79, 88]. (Об этом пишут также Азарх Ю. С. [1, 267-268]; Червова В. А. [167, 4]; Покуц В. Н. [127, 6] и др.).

Существует, однако, и противоположное мнение, согласно которому, уже в самые ранние эпохи деминутивы выступали как эмоционально окрашенные, экспрессивные формы (см.: Голубева А. В., 1984). По мнению О. Ю. Крючковой, обе названные функции были присущи древнерусским деминутивам 1-ой степени. Деминутивы 2-ой степени имели единственное значение – значение уменьшительности. Вторичная деминутивная деривация возникает как средство утраченного или затемненного деминутивного значения 1-ой степени: “...на определенном этапе развития русского языка

уменьшительные и увеличительные слова... при сохранении и собственно уменьшительного и увеличительного значения, стали использоваться для выражения различных эмоций, отношения к предмету, оценки его. Старая форма наполнилась новым содержанием: образовались новые функции суффиксов эмоционально-оценочного характера” [86, 214].

Таким образом, уже в древней истории русского языка (древнерусский период XI-XIV вв., старорусский период XV-XVII вв.) были языковые факты, позволяющие говорить о понятии деминутивов и эмотивов.

2.4.2. Вопрос разновидностей субъективно-оценочного деривационного значения имеет свою историю. Первые сведения о динамике перерастания деминутивов и аугментативов в собственно эвалюативы можно найти в “Русской грамматике” М. В. Ломоносова. В разделе “О именах увеличительных и умалительных” говорится об именах уменьшительных и увеличительных. Об увеличительных автор поначалу сообщает только то, что они представляют “вещь огромную”, но в следующем параграфе добавляет: “значат вещь грубую” [91, § 246]. Таким образом, М. В. Ломоносов впервые обратил внимание на то, что уменьшительные и увеличительные образования помимо размерной могут выражать эмоциональную оценку.

2.4.2.1. С конца XVIII века в русской письменности начинает использоваться глагол “уменьшать” вместо “умалять”, что нашло отражение в Грамматике А. А. Барсова: синонимичное употребление “имена уменьшительные” [12, 283] вместо устаревшего “умалительные”.

2.4.3. Подобное описание находим и в первой академической “Русской грамматике” (1802), где даются следующие определения деминутивов и аугментативов: “Уменьшительное имя бывает существительное или прилагательное, означающее вещь менее обыкновенной, или недостаток вещи в качестве и в состоянии. Умалительные по знаменованию своему разделяются на приветственные и уничижительные, напр: *дом* уменьшительное, приветственное *домик*, уничижительное *домишко*” [137, §135], а “увеличительное слово есть имя существительное или прилагательное, представляю-

щее вещь большею против обыкновенной, также излишество, избытие одной вещи пред другой в качестве, в состоянии и пр. Таковы слова кончаются на ище, ища, ина, ехонек и ешенек” [137, § 130].

Таким образом, предпринимается попытка выяснить дифференцирующие языковые признаки разновидностей эвалюативного значения. В этой же грамматике термин “ласкательное” заменяется на “приветственное”, вместо термина “презрительное” вводится термин М. Смотрицкого “уничижительное”, который применяется до сегодняшнего времени.

2.4.3.1. В 1831 году в грамматиках А. В. Востокова отмечено, что увеличительные имена показывают “огромность и иногда даже нескладность предмета, а уменьшительные – “малость предмета”, но служат также смягчительными именами для предметов, которые нельзя уменьшить, например *день, денек, солнце, солнышко, вода, водица*” [36, 11]. То есть, речь идет об эмотивах. Здесь же впервые высказывается мысль о том, что существуют “уменьшительные в собственном смысле” [36, 15], а именно, собственно размерно-оценочные образования.

2.4.3.2. Об увеличительных субъективно-оценочных производных подробнее написано в грамматике В. Г. Белинского (1837), где противопоставляются “степеням сравнения” “степени величины”, которые “показывают величину предмета или качества без сравнения с другою известною величиною того же предмета или качества” [14, 615]. “Степени величины”, по В. Г. Белинскому, характерны именам. У уменьшительных имен автор выделяет три функции: “простое выражение уменьшения”, “выражение ласки и умиления по причине малости или красоты предмета”, “выражение презрения» [Там же]. То есть, автор говорит о деминутивах, собственно эвалюативах и эмотивах.

2.4.3.3. В 1858 году была издана первая историческая грамматика – “Опыт исторической грамматики русского языка” Ф. И. Буслаева, где четко показана двойственность семантики субъективно-оценочных производных и различаются функции размерно-оценочных и собственно субъективно-оценочных имен: “Наш язык, имея способность к наименованию предмета присовокуплять представление о его величине или достоинстве, образовал, помощью некоторых суффиксов, це-

лый ряд имен, известных под названием увеличительных или уменьшительных, ласкательных или смягчительных и унизительных” [23, 226].

2.4.3.4. В 1860 году появляется первая часть “Опыта русской грамматики” К. С. Аксакова, где новым есть обращение автора не к производности форм, а к производности их значений. Например, значение увеличительности у суффикса *-ищ(е)* автор выводит из первоначального значения особенности, необыкновенности, значение увеличительности у суффикса *-ин(а)* – из значения “выделительности”, “личности предмета” [4, 56-57].

2.4.4. В 1913 году вышло первое издание “Общего курса русской грамматики” В. А. Богородицкого, где ученый описывает существительные со словообразовательными значениями увеличительности, уменьшительности, уничижительности, ласкательности как производные имена, принадлежащие к одной языковой группе, обращает внимание на наличие в уменьшительных имен эмоционально-оценочного значения.

2.4.4.1. В работе “Русский язык” (1972) В. В. Виноградова можно найти авторские попытки определить разновидности эвалюативов: “... уменьшительно-ласкательные суффиксы – суффиксы не словообразующие, а формообразующие. При их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок” [29, 98].

2.4.4.2. В 40-х годах XX столетия появились статьи А. А. Дементьева: “Суффикс *-ик* и его производные”, “Имена существительные с утраченной уменьшительностью”, “Уменьшительные слова в русском языке”, где впервые автор пытается обнаружить объективные языковые критерии определения той или иной разновидности субъективно-оценочного деривационного значения: “Значение уменьшительной формы зависит прежде всего от лексического значения неуменьшительного слова” [51, 6]. Уменьшительно-ласкательное значение “бывает в том случае, если неуменьшительное слово означает предмет, имеющий определенный объем, величину, размер... Значение объективной уменьшительности в этих случаях неразрывно связано со

значением ласкательности”, ласкательное значение появляется тогда, когда с “лексическим значением неуменьшительного слова не связано значение размера, а величины, объема, когда неуменьшительное слово означает предмет, о котором нельзя сказать, большой или малый” [Там же].

2.4.4.3. В 1954 году А. А. Гребнев и Н. В. Шемборская одни из первых в пределах категории субъективной оценки выводили эмоционально-оценочное значение суффиксов из их размерной семантики.

2.4.4.4. Так, А. А. Гребнев отмечает: “Несомненно, что первоначальным, исходным во всем многообразии современных значений форм субъективной оценки явилось обозначение физической малости вещей-предметов” [46, 20]. Он показывает семантическую связь между разными субъективно-оценочными значениями, подчеркнув при этом первичность размерно-оценочного значения: “малость – мелкость – незначительность – мизерность – уничижительность – пренебрежительность и др.” [46, 8].

2.4.4.5. Н. В. Шемборская подчеркивает, что “суффиксальные слова эмоционально-оценочного характера обнаруживают тесную связь с лексическим значением основы” [181, 12], а также говорит о “контекстуальной связи”, что “придает суффиксальному слову полисемию, а не общее, единое значение” [Там же]. Она же предлагает отграничивать собственно-уменьшительные и увеличительные суффиксы от эмоционально-оценочных.

2.4.4.6. В 60-е годы в работах исследователей этой темы в основном представлена версия, что значение размерной оценки и эмоционально-оценочное тесно связаны между собой и функционально, и генетически.

2.4.4.7. В АГ-70 указывается, что значения “уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное”, выражаемые суффиксальным способом, относятся к “субъективно-оценочным” [45].

2.4.4.8. А. М. Родимкина (1980) также описывает три уже известные разновидности словообразовательной семантики имен существительных:

значение “реальной, объективной уменьшительности”, “уменьшительно-оценочное” и “эмоционально-оценочное” [134, 3].

2.4.4.9. Исходя из вышеизложенного, в настоящее время в рамках деривационной категории эвалюативности можно выделить следующие значения суффиксов имен существительных: размерно-оценочное (уменьшительное, увеличительное), допускающее и объективную и субъективную оценку; эмоционально-оценочное (ласкательное, пренебрежительное и др.); размерно-эмоциональное (уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительно-пренебрежительное и др.).

Мы считаем возможным говорить еще и об экспрессивном значении (усилительно-ласкательное, усилительно-пренебрежительное и др.).

2.4.5. Опираясь на мнение многих лингвистов (Крючкова О. Ю., Мандельштам И. Э., Шемборская М. В. и др.), можно утверждать, что принадлежность полифункциональных суффиксов к эмоционально-оценочному или размерно-оценочному значению зависит от семантического типа производящей основы, т.е. от ее принадлежности к семантическому полю вещи, деятеля или абстрактных понятий. Абсолютное большинство деминутивов поля вещи в старорусских текстах употребляется со значением реальной уменьшительности. Совсем незначительное количество деминутивов поля вещи употребляется с уменьшительно-эмоциональным значением. Первые производные употреблялись в текстах делового содержания (хозяйственных актах, различного рода описях, приходно-расходных книгах), другие – в народных песнях, былинах.

В поле деятеля и в поле абстрактных понятий деминутивы старорусского языка очень последовательно употреблялись в уменьшительно-ласкательном значении, т.е. как эмотивы с гипокористическим значением. Этот же принцип разграничения данных дериватов используется и в современной лингвистике.

2.4.5.1. Разграничение деминутивов и эмотивов не составляет труда, если опираться на семантику мотивирующего слова: наличие в семантической структуре мотиватора количественно-параметрического признака делает возможным образование деминутива или аугментатива (разновидностей объективной оценки): “... се-

мантическая дефиниция производного слова не только сложна по составу, но и ...предопределена хотя бы частично мотивирующей единицей, ибо обязательно ее включает” [87, 9]. Размерно-оценочное значение может контаминировать с эмотивным значением. У слов, не имеющих в семантике параметрического признака, дериваты могут иметь только эмотивное значение, например: ... *влюбленной парочкой* разъезжали они по мотелям и скромным пансионатам (Нов. мир, 2003, № 4, с. 65); *А Луков продолжал пить, погруженный в какие-то свои подпольные делишки* (Нов. мир, 2003, №4, с. 42); *Три или четыре минуты ушло на восточное обгладывание и разговорчики о детях и женах* (Там же, с. 53); ...*нужная должностенка в аппарате посольства уже нашлась* (Там же, с. 65).

В данных предложениях эвалюативные дериваты выступают в разновидности эмотивов, как не имеющие в семантике количественно-параметрического признака.

2.4.5.2. Различение же дериватов объективной оценки и эмотивов, мотивирующихся основами с параметрическими признаками, зависит от контекста, где в соответствии с коммуникативными задачами возможно позиционно обусловленное доминирование той или иной семы, которое осуществляется посредством различного рода “сигнализаторов” (подробно о разновидностях таких “сигнализаторов” пишет О. Ю. Крючкова [86]). Теоретическое подтверждение наших наблюдений находим у Т. А. Космеды: “ Специфіка прагматичної частини лексичного значення імен зі значенням оцінки залежить від таких чинників, як мотивуюча основа, суб’єктивно-оцінні суфікси, префікси, а також від таких екстралінгвістичних чинників, як комунікативно-прагматичне налаштування, яке визначається контекстом, синтаксичними зв’язками слів з семантикою оцінки” [81, 257], практическое – в фактах речи: *На вершине пологого холма... виднелась небольшая деревенька* (Тургенев И.С., Рудин); *Года три просидел он у себя в благоприобретенной деревеньке и вдруг женился на богатой, полуобразованной помещице...* (Там же).

2.4.5.3. В первом предложении слово *деревенька* выступает как деминутив, что подтверждается в контексте словом *небольшая*, актуализирующим в эва-

люоативном производном семантический признак ‘размер’. Мы относим данное производное к примерам объективной оценки, так как речь идет о реальном изменении параметрической характеристики интересующего нас предмета. Во втором предложении в слове *деревенька* параметрический признак вторичен: возможно, деревня небольшая, поскольку благоприобретенная, то есть “приобретенная лично, не наследственная” [197, 82], а герой небогат, значит, большую деревню купить не мог. Осознание ничтожности этой собственности приводит к употреблению автором эмотива с уничижительным значением.

2.4.5.4. В контексте “сигнализаторы” чаще являются синтагматическими партнерами слов с размерно-оценочным значением, например: *Огромные ручищи Гриши угрожающе высовывались наружу* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Ей богу, в маленьком городке у жителей остается больше свободного времени* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). *Больной – еврей, у него небольшое пятнышко сухой экземы под мышкой* (Нов. мир, 2002, № 1, с. 166); *Народу на крохотном пятачке теснилось немерено* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Все деминутивы данных предложений мы относим к примерам объективной оценки. Сочетание подобных производных с “сигнализаторами” можно рассматривать как избыточное, поскольку здесь размерно-оценочное значение эксплицируется в морфемной структуре самого существительного, что дополнительно подтверждается на синтагматическом уровне. С другой стороны, отсутствие “сигнализаторов” переводит дериваты объективной оценки в примеры слов субъективной оценки.

2.4.5.5. В то же время употребление в контексте “сигнализатора” с семантическим признаком ‘размер’ может быть единственным средством реализации этого значения у определяемого существительного: *Да вы просто маленькая злобная крыса, ... которая жрет отходы на помойке общества и первая бежит с корабля* (А. Маринина. Украденный сон).

2.4.5.6. Эвалюативные дериваты могут использоваться в тексте параллельно с нейтральными: *Я... налила боржомом в стоявшую рядом чашку. Боржомча безостановочно слова благодарности, она опустошила емкость и уронила ее.*

Слабо звякнув, чашечка развалилась на две ровные половины (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). *Все! Пропал свитерок! Весь залит красным!...Кровь хлынула на многострадальный свитер* (Нов. мир, 2003, № 5, с. 17).

Дериват *чашка*, исторически образованный от *чаша*, в результате опрошения утратил значение уменьшительности, т.е. произошла лексикализация демунивативной формы (контекстуально подтверждается синонимичным употреблением слова *емкость*). Следовательно, его можно считать оценочно-нейтральным, а слово *чашечка* – эвалюативным коррелятом 1-ой ступени образования. В тексте нет “сигнализаторов”, указывающих на размерное оценивание, что определяет интересующий нас эвалюатив как эмотив с гипокористическим значением.

Аналогично можно охарактеризовать и производное *свитерок*, актуализации эмотивного значения которого способствует аксиологически маркированное слово *многострадальный*.

2.4.5.7. Столкновение в одном контексте производящего и его эвалюатива чаще всего предполагает размерно-эмотивное значение последнего: *В ней стоял рояль, шкафчики в углу были забиты книгами и нотами...Рядом с пианино – застекленный шкаф со всякой всячиной* (Нов. мир, 2002, № 12, с. 16). Речь идет о разных предметах с параметрическим значением. В тексте нет “сигнализаторов”, указывающих на доминирование размерной или эмоциональной сем, единственным средством передачи такого значения выступает суффикс *-чик-*, поэтому перед нами пример эвалюатива уменьшительно-ласкательного характера. Если идет “столкновение” нейтрально-оценочного производящего и оценочного производного, которые выступают контекстуальными антонимами, то оппозиция между репрезентантами возникает в пределах семантического признака ‘размер’. *Все прочие замедленно аккуратно собирали вещи, вещички, пакеты пластиковые...* (Нов. мир, 2002, № 7, с.24).

2.4.5.8. Иногда наблюдается столкновение оценочных производных, в которых размерное значение эксплицируется морфом со значением ‘маленький’ и слов - “сигнализаторов” со значением ‘немаленький’: *Я увидела довольно большое окошко примерно в полуметре от асфальта* (Т. Полякова.

Барышня и хулиган). Данное несоответствие переводит дериват из объективной оценки в субъективную (о чем свидетельствует и наречие меры и степени *довольно*) и считается собственно эвалюативом, как совмещающим в своем значении сему 'размер' и сему 'оценка'. В принципе сочетание *большое окошко* не выглядит оксюмороном только потому, что использован эвалюатив 1 ступени производства, содержащий в потенции сему 'маленький', которая может быть реализована в деривате *окошечко*. Если само слово *окошко* является параметрической оппозицией слову *окно*, которое в этом случае выступает точкой параметрического отсчета: *окно* (обычного размера, маленькое) – *окошко* (меньшего размера по сравнению с обычным), то в паре *окошко* (маленькое) – *окошечко* (меньшего размера по сравнению с маленьким) оно может определяться как "большого размера, чем окошечко". Таким образом, синтагму *большое окошко* объединяет классема 'большой'.

В то же время столкновение в тексте "сигнализатора", имеющего размерное значение, антонимичное размерному значению эвалюатива, может привести к нейтрализации самого семантического признака 'размер', что делает дериват эмотивом: *Еще на курсах стал я присматриваться к поведению разных пташек, которыми никогда не интересовался, **мелких и крупных зверушек*** (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). В эвалюативном производном доминирует эмоционально-оценочная сема, эксплицируемая морфом *-ушк-*. Гипокористическое значение деривата усиливается употреблением в том же контексте эвалюативного производного с ласкательным значением *пташки*.

2.4.5.9. Примером актуализации эмотивного значения в словах с деминутивными суффиксами могут служить тексты, в которых речь идет о детях, о частях тела ребенка, имеющих объективно малый размер: *Маленький-маленький, а уже ходит и смеется, и **зубочка** у него четыре – беленькие*. (Нов. мир, 2002, № 1, с. 170). Понятно, что у ребенка зубы меньшего размера, чем у взрослого, то есть у него *зубки*: малый размер в этом случае – норма, его не надо эксплицировать. Деминутив 2 ступени *зубочек* реализует эмоционально-оценочную сему, которая актуализируется на синтагматическом уровне словом *беленькие*.

2.4.5.10. Подобного рода производные по-иному комментируются в контекстах, где речь идет о взрослых людях: *Хорошо был виден коротенький, слегка вздернутый носик и пухлая нижняя губка* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Уж не знаю, каким образом Дегтяреву удалось уговорить судью, страшно противную тетку лет пятидесяти, с маленькими злобными глазками и тонкими губами, сжатыми в нитку* (Там же). В данных предложениях представлены примеры собственно эвалюативов, где размерно-оценочное значение эксплицируется в морфемной структуре существительных и в лексической семантике прилагательных *коротенький, вздернутый, маленькие*. При этом в первом предложении сочетание *коротенький носик*, а в последнем *маленькими глазками* можно рассматривать как суперизбыточное, поскольку эвалюативное значение эксплицируется в обоих словах размерно-оценочным формантом и в лексической семантике прилагательного.

2.4.5.11. Актуализация эмоционально-оценочных сем происходит и в случае определения существительного с оценочным суффиксом качественным прилагательным с непараметрическим значением: *...в лице моем отчетливо проступили черты Лени Филатова, школьника и патриота, хорошего мальчишки* (Там же, с. 64); *Скромный, чистый парнишка, не таящий зла на людей и власть, к такому милиционеру не прицепиться...*(Там же, с. 67); – *Угрозы! Мне угрозы, – дерзкая девчонка* (А.С. Пушкин. Дубровский). Полисемантность аффикса закономерно ведет к усилению роли контекста в определении функционального значения: “...чем полисемантичнее слово, тем больше оно зависит от контекста” [9, 96].

2.4.5.12. Актуализация одного из значений полисемантического морфа может и не осуществляться в том или ином контексте. В тех случаях, когда в ближайшем контексте отсутствуют “сигнализаторы” того или иного варианта многозначного эвалюативного деривационного значения, то последнее реализуется контаминантно, недифференцированно: *Везут домашние пожитки, кастрюльки, стулья, сундуки* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин); *Иногда болтаешь по телефону с подругами, а бабушка жарит котлетки и подает их прямо в*

кровать (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Посмотрел на огород, на пруд, дальше, на тот берег с **избушками**, заборами, **сараяшками*** (Нов. мир, 2002, № 11, с. 21). Данные эвалюативные дериваты совмещают в соответствующих форматах и размерную и эмоциональную семы без явного доминирования какой-либо из них, поэтому относятся к собственно эвалюативам.

2.4.6. Взаимная нейтрализация размерной и эмотивной сем ведет к усилению стилистической функции: "...в разговорном стиле суффиксы уменьшительности или увеличительности в существительных часто не указывают на большие или малые размеры реалий, а выполняют лишь стилистическую функцию. Формирование суффиксов со стилистическим значением, их отмежевание от суффиксов, с которыми связано грамматическое значение, отмечается как характерная черта развития современного русского литературного языка" [77, 122].

Стилистическая роль эвалюативных производных возрастает, как правило, когда значение этих лексем оказывается направленным не на обозначаемые ими реалии, а на собеседника, ситуацию общения и чаще всего встречается в диалогической речи, в обращениях к кому-то, чему-то: – *Дай, барыня, ручку*, – *пролетела она* (И. С. Тургенев. Рудин); – *Сюда, сюда, вот в этот уголочек!* – *говорила хозяйка, усаживая гостью в угол дивана* (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

2.4.7. Субъективно-оценочное значение, с одной стороны, обусловлено всем широким языковым контекстом, в котором оно существует, а с другой стороны, и само воздействует на него: "Мы имеем не слово, создающее эмоциональную атмосферу, а единство слова и контекста" [170, 128].

О двоякой взаимозависимости субъективно-оценочного образования и контекста, в котором оно употребляется, не раз упоминалось в лингвистической литературе, например, А. А. Гребнев говорил об "огромной роли контекста и словесного окружения в наполнении форм субъективной оценки теми или иными семантическими оттенками" [46, 13]. Г. Г. Санина наоборот подчеркивала, что эмотивы сами воздействуют на контекст, потому что "суффиксы эмоциональной оценки сообщают экспрессивную или эмоцио-

нальную окраску не только одному слову с таким суффиксом, а всему высказыванию” [140, 96]. С. С. Волков пишет о том, что распространенным недостатком описания субъективно-оценочных суффиксов есть описание их вне контекста [34, 40]. Поэтому мы используем и слово- и текстоцентрический подход к изучению языковых единиц с оценочной деривационной семантикой.

2.4.8. Исследователи проблемы дифференциации деминутивов и эмотивов также указывают на грамматический признак, имеющий место прежде всего в истории русского языка.

В старорусский период деминутивы могли образовываться с помощью суффиксов *-ушк-/юшк-*, *-шук-/ышк-*, *-онк-/енк-*, *-енц-*, имеющих яркую эмоциональную окраску. Производные с перечисленными суффиксами могли приобретать флексии среднего рода (*о, е*), тем самым отличаясь своим грамматическим оформлением от производящих существительных, принадлежащих к женскому или мужскому роду: *армяк – армячонко; дорога – дороженко; царь – царишко; лава – лавчишко; сын – сынчишко*.

Родовое отличие производных с указанными формантами от своих производящих в старорусский период – явление редкое. Чаще такие производные характеризовались вариантностью флексий *а, о, е*.

Явление родового варьирования, сопровождающее словопроизводство эмоционально окрашенных имен существительных не раз описано историками языка: “... в увеличительных, уменьшительных, ласкательных и унижительных (формах) господствует род средний” [24, 135]. По наблюдению Ю. С. Азарх, средний род таких производных служил средством дифференцирования “экспрессивов и деминутивов” [1, 270]. (Следует уточнить, что исследовательница не ставила целью разграничение понятий экспрессивов и эмотивов, поэтому то, что она называет экспрессивами, мы относим к эмотивам).

Средний род описываемых дериватов в старорусском языке был формальным средством выражения определенной семантики – средством определения эмотивов как субъективно-оценочных производных. С другой стороны, соблюдение родовой корреляции между производящим и производным также было грам-

матическим средством выражения размерного значения: “одинаковая родовая принадлежность производящих существительных и деминутивов обусловлена, видимо, необходимостью усиления корреляции членов словообразовательной пары, различающихся по признаку “уменьшительность – неуменьшительность” [1, 268].

2.4.9. К концу старорусского периода родовой признак, дифференцирующий деминутивы и эмотивы, утрачивается. Устанавливается одинаковая как для эмотивов, так и для деминутивов, корреляция в роде с производящими именами. Это связано, как пишет Ю. С. Азарх, “со специализацией словообразовательных типов экспрессивов и со становлением категории одушевленности / неодушевленности” [1, 270].

Постепенно появление в старорусском языке большого количества деминутивов и эмотивов способствовало четкой структурной оформленности соответствующих словообразовательных типов, что привело к избыточности наличия дополнительного грамматического дифференциатора (более развитая система требует меньшего числа оппозиций для различения тех или иных элементов). Вместе с тем постепенное взаимодействие соответствующих словообразовательных типов приводит к размыванию семантических границ между ними: “...деминутивы в контексте могли иметь и оттенки ласкательности, уничижительности, что поддерживало их синонимию с субъективно-оценочными именами, для которых эти значения были словообразовательными. Это привело к постепенному установлению соответствия в роде субъективно-оценочных слов с производящими существительными” [2, 68].

Следует также обратить внимание, что гипокористическое образование в отличие от всех экспрессивов других типов (в нашей терминологии эмотивов) исконно “подобно деминутивам сохраняют грамматический род производящих слов” [2, 73]. Причину этого Ю. С. Азарх видит в близости гипокористического значения деминутивному [2, 29]. Источником сходства пейоративного словообразовательного значения с деминутивным является постоянное взаимодействие параллельно развивающихся самостоятельных словообразовательных типов. Поэтому неоднородность родового оформле-

ния разных типов экспрессивов (в нашей терминологии эмотивов) – одно из свидетельств их неодинакового происхождения.

2.4.10. Ставя вопрос о необходимости разграничения понятий “эмотивы” и “экспрессивы”, обратимся к работе О. Ю. Крючковой, которая отмечает, что “вторичные деминутивы в современной языковой статике в основных своих значениях являются экспрессивными синонимами как к производящим, так и к предпроизводящим словам” [86, 26]. Хотя автор и не предполагал разграничивать данные понятия, но в этой же работе говорится: “Исследователи отмечают, что русскому языку свойственна тенденция к большей выразительности длинных морфов в сравнении с морфами, имеющими краткую форму” [86, 38]. И дальше: “Таким образом, деминутивно-оценочные СЗ (на ряду с СЗ стилистической модификации) составляют семантическое ядро модификационного словообразовательного поля, а их “надпонятийная” природа служит основной причиной, стимулирующей “продвижение” таких производных по шкале степеней экспрессивной оценки: *адрес – адресок – адресочек, дочь – дочка – дочечка, час – часок – часочек*” [86, 39]. То есть, вторичная деминутивная деривация, обусловленная потребностями лексической системы, производит лексемы с экспрессивно-оценочным значением. Другими словами, процесс образования экспрессивов – это процесс “нанизывания” суффиксов, что сопровождается процессом “нанизывания” субъективно-оценочного значения в разных его разновидностях. Из этого следует, что характерными признаками вторичных деминутивов есть сложность морфной структуры и малопродуктивность формантов. Чем ниже продуктивность словообразовательного форманта, тем выше его эмоционально-экспрессивный потенциал. Это положение соответствует вероятностно-статистическому закону количества информации К. Шеннона, согласно которому величина информации тем больше, чем менее вероятна комбинация знаков, представляющая сообщение [182, 260]. Длина морфа и степень его экспрессивности, наоборот, находятся в прямопропорциональных отношениях. В частности, К. С. Аксаков о возможности образования от уменьшительного имени нового

уменьшительного, пользуясь суффиксом *-к-*, писал, что “уменьшительное второго слоя показывает еще большую уменьшительность, но преимущественно показывает личное впечатление, производимое над человеком такими малыми размерами предмета. Здесь более видно собственное желание человека выразить, как мал предмет. Т.к. здесь передается более личное впечатление, то отсюда эти уменьшительные носят разные и многообразные оттенки” [4, 75].

2.4.10.1. В словарях современного русского языка экспрессивы фиксируются редко, в то же время в устной разговорной речи, в произведениях художественной литературы они представлены достаточно широко: *А она, усаживаясь у раскаленной печечки-временочки, уже почти заснувшая, пролетела...* (Нов. мир, 2003, № 3, с. 126); *...на слюдяных окошечках – марлевые занавесочки, а то и вышитая думочка, набитая травой...Наволочечка – из портянки* (Там же, с. 122); *Ну что ж...Перебираю их, любезных...Ком- компле-комплексу-комплексушечки мои родненькие. Их как родимок на моем теле* (Нов. мир, 2002, № 7, с. 37); *Я знал и верил, что судьба обольет меня счастьем, как теплым дождичком в пересушенный жаркий день* (Нов. мир, 2002, № 4, с. 19).

По мнению С. И. Ожегова, такие слова “появляются в связи с многообразными потребностями, в том числе и стилистическими”. Их своеобразие в том, что “они обычно не закрепляются в языке, не лексикализируются, не входят прочно в словарный состав, а существуют как живая потенция” [115, 173].

2.5. Эвалюативные суффиксы имен существительных

2.5.1. Имя существительное обладает значительным потенциалом в образовании эвалюативов. “Специфическим средством выражения субъективной оценки, используемым преимущественно в разговорной речи, являются уменьшительные и увеличительные суффиксы, которые могут передавать ласкательность, презрительность, уничижительность, одобрение, иронию и т. п.” [32, 80]. Нам представляется необходимым уточнить и парадигму эвалюативных значений, и реестр аффиксов, с помощью которых они выражаются.

2.5.2. Как уже было отмечено (см. 1.2.1.), у субъективно-оценочных формантов первичным было уменьшительное значение. К одним из самых древних эвалюативных суффиксов с уменьшительным значением относятся суффиксы *-еу-*, *-иц(а)*, *-иц(е)*, *-иц(а)*, *-иц(е)*, *-иц(о)*, *-ок-*, *-ек-*, *-к(а)*, *-к(о)*, *-очк-*, *-ечк-*, *-ик-*, *-чик-*.

2.5.2.1. Данные суффиксы появились еще в праславянский период. О некоторых из них, например, о суффиксе *-еу-* упоминается еще в грамматиках Ю. Крижанича [83], в трудах А. Х. Востокова [37], Ф. И. Буслаева [23]; позже Г. И. Рожковой [135], которая отмечает сокращение количества деминутивов с суффиксом *-еу-* в XX веке.

2.5.2.2. Имена существительные с уменьшительным суффиксом *-иц(а)* древнерусского языка были исследованы В.А. Черновой [165, 68]. Автор отмечает, что количество уменьшительных слов с данным суффиксом значительно сокращается от древнерусского языка раннего периода до языка XV-XVII вв. В то же время это не связано с характером мотивирующих основ: это всегда имена женского рода, связанные с конкретными предметами или лицами.

2.5.2.3. Об уменьшительном суффиксе *-ек-* как варианте *-ок*, представлены сведения уже в “Российской грамматике” А. А. Барсова [12]. О возможности образования от уменьшительного имени нового уменьшительного, используя суффикс *-к-*, писал в XX веке, например, К. С. Аксаков, замечая, что “уменьшительное второго слоя показывает еще большую уменьшительность, но преимущественно показывает личное впечатление...” [4, 75]. Им же, видимо, первым сделан семантический анализ слов типа “*листок – листик*” [4, 64].

2.5.2.4. Н. В. Крушевский обратил внимание на то, что параллельно с суффиксом *-ик-* в русском языке используется суффикс *-чик-* [85, 104]. Раскрыл процесс формирования этого суффикса А. М. Пешковский: “В древнем языке были слова: *пальчикъ*, *коньчикъ*, *ларьчикъ* и т.д., образовавшиеся от слов *палець*, *коньць*, *ларьць* и т.д... при помощи уменьшительного суффикса *-ик-* Таким образом, слова наши расчленились в тогдашнем сознании на *пальч-икъ*, *коньч-икъ* и т.д. Мало-помалу, однако, народное сознание стало расчленять эти слова иначе, именно...на *паль-чикъ*, *конь-чикъ* и т.д. Это *чикъ* и стали прибавлять

ко всевозможным основам и создавать такие слова, как *самоварчикъ*. ... Здесь, значит, из имевшегося уже в языке суффикса путем слияния с отщепившейся частью основы создавался новый суффикс” [119, 26-27], то есть речь идет о переразложении, следствием которого явилось создание нового суффикса.

2.5.2.5. В современном русском литературном языке самостоятельно используется сложный эвалюативный суффикс *-очк-*, образовавшийся в результате слияния двух уменьшительных суффиксов *-к-*, а также сложный суффикс *-ечк-*. А. А. Дементьев посвятил специальную статью существительным со сложными суффиксами субъективной оценки [52].

2.5.3. Собственно размерное значение данных суффиксов как первичное сохраняется и в производных в современном русском языке. Но это, как правило, дериваты, указывающие на реальные изменения параметрических или количественных характеристик предметов, а не на субъективное отношение к ним. Подобного рода производные относятся нами к словам с объективной оценкой: *Вышла в сквер через низкие воротца* ... (Нов. мир, 2002, № 12, с. 29); *Я совершенно не способна проглотить даже крошечный кусочек* (Д. Донцова Уха из золотой рыбки); *Юбочка на ней была коротенькая* (Там же); *...позади дома обнаружили маленький скверик* (Т. Полякова. Барышня и хулиган).

Субъективная же оценка представлена в дериватах, либо лишенных параметрического значения: *Ты не бойся, ...сделают небольшой укольчик* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Отчего не прожил в гражданском браке годик-другой* (Нов. мир, 2003, № 3, с. 15), либо в том случае, когда не наблюдается реального изменения предметов, понятий, а лишь прослеживается отношение к ним с точки зрения актуализации размерной семы *Она наскакивала на меня, сжав крошечные ладошки в кулачки* (Нов. мир, 2003, № 3, с. 15) (речь идет о взрослой женщине).

2.5.3.1. Что касается суффикса *-ец-*, то фактические примеры подтверждают мнение лингвистов, что в настоящее время используются производные с данным суффиксом, за которыми закрепились значения, не связанные со значением уменьшительности (см. у Г. И. Рожковой [135]). О наличии умень-

шительно-ласкательных дериватов с суффиксом *-ец-* в XIX в. писали А. Х. Востоков [37], Ф. И. Буслаев [23]. В русском языке современного состояния, на что указывал В. В. Виноградов, суффикс *-ец-* и его варианты имеют ласкательное значение с ярко выраженными оттенками сочувствия, участия, уничижения и других эмоций [29, 108]: *чуть приподняв ... ножку с легким **копытцем**, замер ... барашек* (Нов. мир, 2002, № 12, с. 30); *А был уже апрель, с **морозцем** по ночам* (Нов. мир, 2002, № 4, с. 82). В данных примерах субъективно-оценочные производные относятся к собственно эвалюативам, потому что совмещают в деривационном значении обе семы: ‘размер’ (‘интенсивность’) и ‘эмоция’. В контексте это подтверждается отсутствием доминирования одной из них.

Языковые факты свидетельствуют, что сочетание суффикса *-ец-* с основной существительного, имеющего лексическое значение собирательности, формирует негативную словообразовательную семантику последнего: *Эти всегда в первых рядах... самый хреновый **народец*** (Нов. мир, 2003, № 3, с.15).

2.5.3.2. Говоря о суффиксе *-иц-*, В. А. Червова отмечает, что значение уменьшительности его стало более затемненным: данный суффикс имеет “не объективно-количественное, а экспрессивное значение” [165, 68]: *...и неряшливая фланелевая **тряпица** оттуда свисала...* (Нов. мир, 2003, № 3, с.24). Мы хотим отметить, что это характерно прежде всего для слов с неконкретной семантикой: ***Маслице** мы всегда берем у тети Поли* (Нов. мир, 2002, № 7, с. 19); *А не видно ли там вдалеке **движеньица**? Кликнул пикетчику другой, схоронившийся для лучшего обзора в дупле. **Шевеленьица, трепетаньица**?”* (пример из [202, 274]). Чаще всего это окказиональные производные: *... в Витиной душе сразу же начинало натягиваться некое скорбно-сладостное “ммм...”, не оставляющее места мелким **чувствованьицам*** (Нов. мир, 2003, №9, с.35).

РГ-80 у существительных женского рода с суффиксом *-иц-/-ец-* фиксирует такие словообразовательные значения, как “уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, только ласкательное, уничижительное или только уменьшительное” [138, 211].

2.5.3.3. Последовательно прослеживаются во многих современных текстах дериваты с суффиксом *-ок-/-ек-* и *-ик-* в функции выражения эмоций, причем как с положительным, так и отрицательным модулем оценки: *В чистеньком кабинетике мне поднесли мензурку с остропахнувшей жидкостью* (Нов. мир, 2003, № 3, с.24); *Домик – развалюха, а дом должен быть прям и тверд...* (Нов. мир, 2002, № 7, с.15); *И тут из-за какого-то мертвого угла вдруг драненький автобусик вывернул...* (Нов. мир, 2003, № 5, с.43). Все выделенные дериваты являются эмотивами с гипокористическим или пейоративным значением, что уточняется выделенными “сигнализаторами”.

Производные эмотивы, образованные от основ одушевленных существительных эмоционально-негативного значения, используют суффикс *-ок-* в качестве смягчительной морфемы: *Нас привели к майору, ехидному толстячку* (ср. *толстячок*), *который перед разговором с нами снял нарукавники...* (Нов. мир, 2003, № 3, с. 23).

2.5.3.4. В XIX веке лингвисты говорят о самостоятельном суффиксе *-чик-* [26, 37-38]. С одной стороны, существуют определенные фонетические ограничения для использования данного суффикса: он присоединяется, как правило, к мотивирующим основам на сонорные согласные (*стадиончик, турнирчик, бокальчик*), с другой стороны, отличается большей по сравнению с суффиксом *-ик-* эмоциональностью. В Словарных материалах – 77 под ред. Н.З. Котеловой представлены примеры объективной оценки в разновидности деминутивов: “*Отельчик*. Уменьшительное к *отель* (в разг. речи). ***Отельчик***, *где нам предстояло жить, мне сразу же понравился...*” (с.98) (хотя в этом конкретном случае мы склонны относить данное производное к эмотивам, что подтверждается на синтагматическом уровне), так и собственно эвалюативы: “*Охламончик*. Уменьшительно-ласкательное к *охламон* (в разг. речи). *У меня душа болит по этим маленьким охламончикам*” (с.99).

2.5.3.5. С положительной эмоциональностью связаны и дериваты с суффиксом *-к(а)*: *Сдували пылинки, соломку стелили, обхаживали меня, как невесту* (Нов. мир, 2003, № 3, с. 6); *Приветливо улыбнулась фармацевт, хо-*

рошенькая брюнеточка с яркими пухлыми губками (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Маленькая, аккуратно расчесанная головка* жены возникала в *окошке* (Нов. мир, 2002, № 12, с. 24). В последнем предложении собственно эвалюативное значение усиливается лексической семантикой контекстного окружения: *маленькая* (что есть избыточным).

В XX веке данный суффикс в субъективно-оценочных производных иногда сопрягается уже с выражением пейоративных эмоций: *Мартин все решал задачу: ничего у него не сходилось – угощение невиданное..., а квартир-ка-то нищенская, убожество* (Нов. мир, 2002, № 3, с. 90). В современном русском литературном языке суффикс *-к(а)* приобрел много новых значений. В свое время это отмечал Л. А. Булаховский [22], который писал, что с присоединением этого суффикса к слову “дочь”, последнее переходит в разряд разговорных и сопровождается оттенком сниженности: *дочка, книжка*. “Продуктивным морфологическим средством в словах с морфом *-к(а)* является чередование согласной, следующей за ударной гласной основы мотивирующего слова“ [138, 217]: “*Компашка*. Уменьшительно- пренебрежительное от компания (в разг. речи). *А вот десятого “Б”, сообщества, союза людей, в фильме, пожалуй, и не было. Были группы людей. “Составчики”. Компашки.*” [200, 63]; “*Забывашка*. Забывчивый человек (в разг. речи, ласково)” [202,86] (ср. *забываха*).

2.5.3.6. В современном русском языке регулярно встречаются и эмоции с самостоятельным сложным суффиксом субъективной оценки *-очк(а)-*, образованным в результате слияния двух уменьшительных суффиксов *-к(а)*: *кофточка, звездочка*.

2.5.3.7. Как и у существительных женского рода, в именах существительных среднего рода используется сложный эвалюативный суффикс *-ечк(о)*, который в диахронии был образован в результате слияния конечного суффиксального согласного основы *-ц-* и суффикса *-к-*: *времечко, местечко*: *Теперь, когда мегаполис стал ближе и я ощутил возникшую связь, мне вновь захотелось его спросить: найдется ли в нем для меня местечко ?* (Нов. мир, 2003, № 3, с. 14).

2.5.3.8. Следует отметить, что в современных текстах встречается столкновение эмотивов, форманты которых обычно выражают пейоративное значение, и “слов-сигнализаторов” с гипокористическим значением: *Какой **хорошенький** мужчинка* (Д. Вересаев. Черный ворон). Также отмечаются случаи, в которых за субъективно-оценочным суффиксом закреплено деминутивное значение, но в тексте данный дериват выражает аугментативное значение: *Мы въехали во двор и увидели трехэтажный дом... – Неплохой **домик**, – удовлетворенно заметил Шальнов* (Т. Полякова. Барышня и хулиган).

2.5.4. С начала XV века в русской письменности активно используется реестр новых эвалюативных суффиксов существительных: *-ишк-*, *-ушк-*, *-ышк-*, *-ищ-*, *-ин(а)*, *-онк-*, *-оньк-*. Хотя многие из них восходят к праславянской эпохе, но раньше в памятниках письменности они не регистрировались.

2.5.4.1. Первым об именах существительных, которые “кончаются на ишко”, писал М. В. Ломоносов, относя их к “презрительным” [91, § 248]. Лингвисты XIX в. имена с этим суффиксом относили к “уничижительным” (Греч Н. И., 1830), или к “унизительным” (Буслаев Ф. И., 1952). То есть данные субъективно-оценочные дериваты уже первоначально выступали как эмотивы.

2.5.4.2. Фактический языковой материал сегодняшнего времени определяет динамику развития образований с суффиксом *-ишк-* в направлении ослабления негативной семантики. Оттенки значения таких дериватов варьируются в зависимости от семантики мотивирующей основы. С. С. Плямоватая отмечает: “... один и тот же суффикс может одним словам придавать положительное, другим – отрицательное оценочное значение. Ср.: *братишка, сынишка, парнишка* и *актеришка, пиджачишко, умишко*” [125, 95]: – *Хоть бы **картузишко-то** купил себе! – кричал он с усмешкой* (И. А. Бунин. Деревня); “... Там, где большая трасса БАМа легла сквозь реки и хребты... Над **ручьишком** – **мостишко**, над речонкой – **мостчонко**...” [200, 80]. Об этом же писал и А. А. Дементьев: “... формы на *-ишк(о)* придают уничижительное значение тем словам, которые сами по себе имеют по-

ложительное значение” [51, 8]³: ... *Заводит себе **страстишку** в виде старичка-антиквара* (Т. Полякова. Барышня и хулиган); *Проветрись, успокой **нервишки**, потом придешь* (Т. Полякова. Барышня и хулиган); *Она, Америка, презирает **людишек** этих...* (Нов. мир, 2003, № 4, с. 67).

Пейоративное значение может конкретизироваться контекстуальными “сигнализаторами”: *Я близко ...общался с двумя немчиками... и понял, какие они **гадкие людишки*** (Нов. мир, 2002, № 3, с. 56). А. А. Дементьев уточняет: “Эти же формы...имеют снисходительно-осуждающее значение в тех случаях, когда суффикс *-ишка(о)* присоединен к основам слов, которые сами по себе имеют отрицательное значение: *вор – воришка...*”[51, 8].

Но в тоже время современные тексты используют производные с данным суффиксом, в которых совсем отсутствует пейоративная семантика: *Ко мне тут один, мол, **парнишка** в местное отделение придет, на **месячишко** всего* (А. Маринина. Украденный сон).

Динамику развития семантики суффикса *-ишк-* можно проследить на следующих примерах, где конкретное значение деривата зависит уже от контекстного окружения. ...*она так ненавидит ее, что обрушивает **домишко-кривишко** и исчезает вместе с ним* (Нов. мир, 2002, № 7, с. 16); – *Про пятиэтажки я знаю все, – говорит гость, – я их и строил, я в них и жил и сейчас донашиваю такой же **домишко*** (Там же, с. 53); ...*но необратимо проплывали мимо и исчезали ... необитаемые **домишки**...* (Нов. мир, 2002, № 12, с. 90). *Другие, совсем все побросав, уехали, углы снимают теперь, а у нас какой-никакой, но свой **домишко** и земля, главное* (Нов. мир, 2002, № 11, с. 15); *В Молотовской области живет моя матушка: **домишко**, корова, мой аттестат...* (Нов. мир, 2003, № 2, с. 100).

Субъективно-оценочную шкалу деривата *домишко* можно представить в следующем виде: пейоративная оценка (уничжительное значение) – пейоративная оценка (снисходительно-осуждающее значение) – отсутствие

³ Судя по приводимым далее автором примерам, речь идет о мотиваторах с эмоционально-нейтральным значением.

негативной оценки – гипокористическая оценка (ласкательное значение) – гипокористическая оценка (одобрительное значение).

Современные тексты также дают примеры дериватов с данным суффиксом, где явно доминирует оценочная сема, что эксплицируется на синтагматическом уровне “сигнализаторами”. *Около него вился **человечишка**, очень милый, ...добрый...* (Нов. мир, 2002, № 4, с. 75). В деривате *человечишка* актуализируется положительный семантический признак, который репрезентируется на синтагматическом уровне. Данный дериват – эмотив с гипокористическим значением.

Актуализироваться может уничижительное значение: ***Местшико** бы какое найти: хоть какое ни на есть плохонькое...* (Нов. мир, 2002, № 1, с. 171).

Встречаются примеры данных эмотивов с пейоративным значением, что также усиливается контекстом. *Она была в той квартире, выходила на хлипкий балконишко* (Нов. мир, 2002, № 7, с. 61); *...занимался торговлей обувью, а остался в уже потасканных летних туфлишках* (Нов. мир, 2002, № 12, с. 86).

Если в контексте актуализируются “сигнализаторы”, указывающие на сему ‘размер’, то перед нами пример собственно эвалюативов. *Я очень поздно пришла, а у тебя **сынишка** маленький, боялась разбудить* (А. Маринина *Украденный сон*); *В домике на окраине крохотного городишка...* (Нов. мир, 2002, № 4, с. 30). Эмотивная сема эксплицируется в морфемной структуре имени существительного, а размерная – на синтагматическом уровне, что есть для такой разновидности эвалюативов не избыточным, а обязательным.

2.5.4.3. Словообразовательное значение эвалюативных производных имен с суффиксом *-ушк-* в грамматике М. В. Ломоносова объясняется как ласкательное [91, §247], т.е. первоначально данные дериваты выступают как эмотивы.

Г. П. Павский обратил внимание на два омонимичных суффикса *-ушк-* – ударный и безударный: “Те имена, в которых уменьшительное окончание *ушка* (*юшка*) служит к унижению, имеют ударение на слогах *уш*, *юш*, а те, в которых оно служит просто уменьшительным, и притом ласковым, имеют ударение на коренном слоге перед *ушка*” [118, §49].

Это наблюдение подтверждается и современными лингвистами [51, 208-209; 68, 8-9]. Производные с безударным суффиксом *-ушк-* в настоящее время имеют “налет архаики”, используются в целях стилизации под “народную речь” [178, 167]. В то же время наблюдается тенденция роста количества дериватов с ударным суффиксом *-ушк-*, носителем пренебрежительного значения. Значение таких дериватов конкретизируется контекстом, например, “сигнализаторы” усиливают неодобрительное значение, эксплицированное суффиксом: *Лежали в кармане какие-то адресушки* (Нов. мир, 2002, № 7, с. 29) или смягчают пренебрежительное значение: *Может быть, повестушка оказалась ничего, вполне приличная...?* (А. Маринина. Украденный сон).

Эмотив с безударным формантом выражает ласкательное значение: *На камушках – бутылки, огурчики* (Нов. мир, 2002, № 1, с. 40). Гипокористическое значение также может усиливаться на синтагматическом уровне. *Вот в умных головушках и зародился гениальный план* (Т. Полякова Барышня и хулиган).

Встречаются примеры дериватов с данным суффиксом, мотивированные прилагательными: “*Симпатюшка*. О ком-чем-л. приятном, симпатичном (в разг. речи). *Ресторанчик, доложу вам, симпатюшка, уютненький.*” [203,180]. Аксиологическое (положительное) значение заложено в основе мотивирующего прилагательного *симпатичный*; суффикс выполняет только стилевую функцию. Дериват относится к транспозиционному словообразовательному типу лексической деривации в модификационной разновидности.

Если в тексте присутствуют “сигнализаторы” подтверждения семы ‘размер’, то имеют место собственно эвалюативы: *На холме раскинулась деревушка, домов пятнадцать, не больше* (Т. Полякова. Барышня и хулиган); *Сотрудники колонии... препроводили меня в маленькую комнату...Ждать пришлось довольно долго, но наконец- то в комнатушке появилась Лика* (Д. Донцова Уха из золотой рыбки); *Высыпал несколько штук на ладонь...Невзрачные на вид, крохотные таблетушки* (Нов. мир, 2003, № 5, с. 35).

2.5.4.4. От существительных среднего рода субъективно-оценочные дериваты образуются с помощью суффикса *-ышк-* с уменьшительно-

ласкательным значением: *Однокомнатка на Харченко за каких-то пару дней ее трудов превратилась в уютное, чистое гнездышко*. (Нов. мир, 2002, № 12, с. 39); *...старался не дышать, потому что продуктами распада самогона изба провоняла до последнего бревнышка*. (Нов. мир, 2002, № 4, с. 17). Дериват в первом предложении представлен эмотивом с ласкательным значением, что подтверждается контекстом. Субъективно-оценочный дериват во втором предложении выступает как собственно эвалюатив, который совмещает в значении обе семы: 'размер' и 'оценку'.

2.5.4.5. Унаследован из праславянского языка и увеличительный суффикс *-ищ(е)*. Со временем собственно размерные образования, развивая эмоционально-оценочное значение, переходят из аугментативов в разновидность собственно эвалюативов. Одним из первых на это обратил внимание М. В. Ломоносов: "...таким увеличительным словам присуща всегда также и некоторая пренебрежительность" [91, из примечания к §59], "все сии значат вещь грубую" [91, § 246]. Позже у существительных, мотивированных словами женского рода, изменяется окончание, появляются производные на *-ищ(а)*: *ножища, головища, ручища*.

В современном русском языке производные на *-ищ-* используются в основном в стилистически сниженных текстах [41]. Если в первой половине XIX века считалось, что "увеличительные имена нетерпимы в хорошем слоге" [91, 84], то сегодня продолжается тенденция к увеличению употребления производных с суффиксом *-ищ-*: *Стойка, за которой ходит бабища, подвязанная некогда белым фартуком* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Собственно эвалюатив в данном случае мотивирован одушевленным существительным с нейтральной семантикой, и к увеличительному значению прибавляется еще и эмоционально-оценочное (уничижительное). При оценочных основах суффикс *-ищ-* усиливает их семантику, поэтому дериваты выступают в разновидности экспресивов: *Узнаешь симптоматику? Но что ты глотнула, дурища?* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *От сапог вся вонища-то, мой не мой – без разницы* (Нов. мир, 2002, № 3, с. 89); *То подерется на вечеринке с хозяевами дома, то закатит скандалище в супермаркете* (Телнеделя, 2003, № 2, с. 32). Как окказионализм

можно прокомментировать фиксируемое Н. З. Котеловой слово *мирище*, которое выступает аугментативом к слову *мир* [203, 108].

Формант *-ищ-*, присоединяясь к основам существительных, которые имеют количественно-параметрическую характеристику, усложняет их семантику оттенком неодобрения: *А он ... все под зад-то сапогом, все сапогом, а сапожищи-то гвоздями подбиты* (Нов. мир, 2002, № 1, с. 161) или восхищения: *– Наклонись, говорю! – И прошептала в самое ухо: – Павианище ты мой любимый!* (Нов. мир, 2002, № 1, с. 79); *Но при всем этом каков голосище...* (Нов. мир, 2003, №8, с.13).

2.5.4.6. В лексикографических изданиях эвалюатив (в данном случае эмотив с положительным модулем окраски) может сопровождаться пометами, относящими их к профессиональной деятельности человека: *“Рудинка. Руда* (в разг. проф. речи). *– Здесь и берем рудинку, – ласково сказал директор”* [Котел – 82, 170]. В данном случае модификационный суффикс *-инк-* используется для образования эмотива.

2.5.4.7. Суффикс *-ин-* пришел в древнерусский язык из праславянского. В первых научных грамматиках русского языка говорится об увеличительном значении этого суффикса (М. В. Ломоносов, Н. И. Греч). Г. П. Павский отмечал, что “это увеличительное окончание принимают не только имена лиц мужского пола, но и вещей мужского рода. Например, дом, домина” [118, § 108]. В современном русском языке слова с увеличительным суффиксом *-ин(а)* образуются от существительных разной родовой принадлежности, но преобладают дериваты от имен мужского рода, например, СлСРЯ фиксирует дериваты *дом – домина, холод – холодина, яма – ямина*. Как видно из примеров, род мотивированного и мотивирующего не всегда совпадают, что отмечал А. Н. Гвоздев [41]. Аугментативное значение данных дериватов последовательно отражают толковые словари русского языка: «*Холодина* (разг.). Очень сильный холод. *Дом*. увелич. *домище* (к 1 знач.) и *домина* (к 1 знач.)» (СОШ): *Теперь бывает лишь случаем да летом косит там сено для своей скотины и на продажу, для заработка. И так же, как*

Рубцов, горюет: “Какой хуторина... Жить да жить...” (Нов. мир, 2003, №9, с.114). В данном случае мы склонны относить производное к собственно эвалюативам, так как суффиксом *-ин-* эксплицируется сема ‘размер’, эмоциональная сема актуализируется контекстом.

2.5.4.8. В «Грамматике...» М. В. Ломоносова среди ласкательных существительных женского рода отмечаются и слова на “*нька*”: *головонька, рученька* (§ 247). В современном русском языке ласкательный суффикс *-еньк- /-оньк-* является продуктивным в сфере имен существительных женского рода. В лексикографических изданиях довольно последовательно данные дериваты сопровождаются пометой *ласк.*, что определяет их как эмотивы с гипокористическим значением: «*Береза. ласк. березонька. Речка. ласк. Реченька. Рука. ласк. Рученька*)» (СОШ). И если, например, в словаре Ожегова лексема *доченька* представлена без помет, то в БТС к слову *доченька* есть помета *ласк.*

Эмотивы с суффиксом *-онк-* могут иметь и пейоративную окраску: ... *так и стала ждать: кто-нибудь по его черную душонку ко мне явится* (А. Маринина *Украденный сон*); ... *и вспомнил о недавно выздоровевшем чиновнике, который не гнушался мелкой работенкой* (Нов. мир, 2003, №4, с. 48).

2.5.5. С начала XIX века и до сегодняшнего времени в русском языке отмечается пополнение реестра эвалюативных морфем: новыми субъективно-оценочными образованиями можно считать производные с суффиксами *-аг(а), -уг(а), -ак(а), -ук(а), -ул(я), -ус(я), -ах(а), -ох(а), -ух(а), -ар(а)*.

Формирование этих суффиксов происходит на базе морфем, при помощи которых образовывались существительные, называющие лицо по признаку или действию. Если суффикс *-аг(а)*, при помощи которого образуются отглагольные имена, имеет деривационное значение ‘лицо, характеризующееся действием’ (*бродяга*), суффикс *-аг(а)*, при помощи которого образуются деадъективные существительные, имеют деривационное значение ‘лицо, характеризующееся качеством или признаком’ (*бедняга*), то суффикс *-аг(а)*, выступающий словообразовательным оператором десубстантивных существительных, – только эвалюативный. Нужно отметить, что производные выступают

в современной разговорной речи лишь в разновидности эмотивов с гипокористическим или пейоративным значением. Последнее определяется контекстом: *Устал коняга, да и ранки на его коже кровоточили* (Астафьев В.П. Восьмой побег). Производное *коняга* выступает эмотивом с положительным значением, которое актуализируется употреблением в тексте эвалюатива *ранки*.

2.5.5.1. В русском языке в основном в диалектной речи используется увеличительный / усилительный суффикс *-уг(а)*. В. В. Виноградов назвал производные слова с данным суффиксом “очень выразительным и непродуктивным типом” [29, 120]. С его помощью образуются десубстантивные эвалюативы - названия предметов, явлений. Наличие в значении суффикса размерной семы, а также оценки в положительном или отрицательном модусе определяет его как суффикс собственно эвалюативов. Данный формант чаще сочетается с основами негативной семантики, например, *бандит – бандюга; вор – ворюга* (СОШ). Яркую пейоративную оценку имеют и производные, мотивированные нейтральными оценочными словами. *За козла ответишь, – налил красной шоферюга* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *При похмелюге хорошо помагает*. (Нов. мир, 2002, №12, с.49). Как пример десубстантивного собственно эвалюатива с гипокористическим значением служит дефиниция: “*Мастерюга*. Опытный мастер (в разг. речи). ...*На эту стену [чтобы ее расписать] нужна бригада мастерюг... таких, знаешь, ух!*” [200,72], где суффикс *-уг-* вносит усилительное одобрительное значение, что дополнительно подчеркивается контекстом. В данных производных мотиватором могут служить имена прилагательные: “*Отчаюга*. Отчаянный человек (в просторечии): ... *эти отчаюги, эти ухорезы мои...* – Отчаянный + *-уг*” [203, 132], т. е. имеет место транспозиционный тип словообразования.

2.5.5.2. Деривационное значение отсубстантивных производных с суффиксами *-ак(а)*, *-ук(а)* определяется как увеличительное / усилительное с пейоративным значением (презрительным), что позволяет отнести эти производные опять же к собственно эвалюативам, например, *черт – чертяка; хо-*

лод – холодюка: – У тебя тоже давление, но ты с зонтиком не гуляешь холодюкой (Нов. мир, 2003, №2, с.61).

С помощью суффикса *-ак(а)* могут образовываться отадективные и отглагольные существительные, имеющие “значение лица как основное, причем с экспрессивной окраской неодобрительности” [28, 272]. Производные, мотивированные глаголами, имеют “ярко выраженный эмоциональный оттенок, означают обилие качества, выраженного глагольным корнем” [53, 56]. Этот эмоциональный оттенок всегда направлен в сторону негативного, отрицательного модуля, например, *служить – служака; писать – писака, злой – зляка; вожатый – вожака* (СД) (однако в контексте возможна корректировка семантики деривата: *он хороший служака*).

2.5.5.3. Суффиксы *-ул(я), -ус(я)* имеют оценочную сему ласкательности и используются для образования дериватов, в основном, от названий родственников. В этом случае производные квалифицируются как эмотивы с гипокористическим оттенком: – *А отчего же не пойти? У него дочка маленькая, я с ней играю, она меня дедулей зовет* (Нов. мир, 2002, №4, с.105); *Но у Веры были и мама, и папа, и бабуля Алла Юрьевна...* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки).

Данные субъективно-оценочные производные могут быть мотиваторами оценочных производных 2-й и 3-й степени и функционировать как экспрессивы. При этом эмотивное наполнение зависит от контекста: *Мамулечка, мамулечка! Закрывайся! Мы уплыли.* (Нов. мир, 2002, №1, с.79); *Мать, мама, мамусик (любит, когда Маришка так называет ее) вдруг превращается сразу в женщину...* (Нов. мир, 2002, №12, с.103); *Дочка хотела убежать, но противный дедулька схватил ее за плечо* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *...зная, что сегодня никто не остановит его, может, только, какая храмовая бабулька и скривит губы, а так никто...* (Нов. мир, 2002, №7, с.20);

Высокая частотность употребления оценочных производных 2-й степени с суффиксами *-уль-+-к(а)* привела к тому, что их сочетание стало восприниматься как сложный суффикс *-ульк-*, встречающийся в коллоквиализмах: *Гриня, тяжело сопя, полез внутрь “нежульки”* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки) –

производное от названия машины “Пежо” (в данном случае возможно и черес-ступенчатое словообразование).

2.5.5.4. В русском языке используются также субъективно-оценочные слова стилистически сниженного характера с суффиксами *-ax(a)*, *-ox(a)*, *-ux(a)*: – *Ну что ж – рюмаху приму с размаху! – рассудительно сказал я* (Нов. мир, 2002, №1, с.41).

Суффикс *-ux(a)* используется чаще всего с пренебрежительным значением, что определяет данные производные как эмотивы. Шейдаева С. Г. отмечает, что “... образования с данным суффиксом уже никак не связаны с выражением размерно-оценочной семантики, их основная функция – быть средством придания речи небрежности, неофициальности” [178, 183]: – *Ну, поверите еще. Поколоти вас житуха* (Нов. мир, 2002, №12, с. 80); ...*Представляю, как сейчас его сеструха Татьяна себя чувствует...*(Там же). Мотиватором могут быть целые словосочетания: “*Рацуха*. Рациональное предложение (в просторечии) ... *две рацухи в прошлом году толкнул*. Рациональное предложение + *-ux(a)*” [202, 219].

2.5.5.5. Значение небрежности, неофициальности речи, по нашему мнению, свойственно и словам с суффиксом *-ок-*, который используется для производства эмотивов. *Что, неужели у меня видок такой страшный?..* (Нов. мир, 2002, №12, с. 55).

2.5.5.6. Суффикс *-ар(a)*, присоединяемый к основе аксиологически маркированного слова, усиливает семантику мотиватора, и дериват квалифицируется как экспрессив: *Кто лес валил, знали: этому лучше не попадаться. Волчарой звали. Станешь волчарой !* (Нов. мир, 2003, №3, с. 15).

2.5.6. Г. П. Павский обратил внимание на морфемы, субъективно-оценочное значение которых выступает не как основное, а сопутствующее [113, § 32], например, суффикс *-ан-*, при помощи которого “изображают людей, имеющих в большей мере то, что означает корнем слова” [118, § 85].

В современном русском языке производные с таким суффиксом представляют собой “разговорно-просторечные синонимы мотивирующих существительных, составляющих, как правило, непродуктивные типы” [138, 218], то есть являются стилистически маркированными производными, собственно

эвалюативами: *То есть что я прикольный и что вообще неплох собой стари-кан* (Нов. мир, 2002, №5, с. 43).

2.5.7. У суффикса *-ур(а)* Г. П. Павский отмечал “унизительное” значение [118, §108]. РГ-80 характеризует этот суффикс так же, как суффикс *-ан-*, и в качестве примера приводит слова *пехтура, немчура*, сопровождая первое пометой *прост.*, а второе – пометами *прост.* и *устар.*[138, 218]. На наш взгляд, в приведенных дериватах суффикс имеет значение собирательности, осложненное оттенком пренебрежительности, то есть квалифицируется как эмотив: *Вот получай, немчура. В России люди ходят в гости очень часто, угощают друг друга, пекут пироги* (Нов. мир, 2002, №3, с. 91).

2.5.8. Для современного русского языка характерно расширение семантики имеющихся суффиксов, что может быть связано с развитием новых валентностей. Например, эвалюативным становится суффикс *-ат-* со значением детскости, присоединяемый к основе неодушевленного существительного: “*Унтыта. Уменьшительно-ласкательное к унты.*” ”[202, 280], суффикс *-чик-*, присоединяемый к основе существительного женского рода: “*Куртянчик. Куртка (в разг. речи): Он молод, спортивен, он в джинсах и кожаном черном куртянчике* ”[202, 43]. В результате образуются экспрессивы.

2.6. Эвалюативные приставки, префиксоиды имен существительных; сложение основ

2.6.1. По сравнению с суффиксальным отсубстантивным словообразованием префиксальное эвалюативное словообразование в русском языке встречается намного реже. В сфере образования эвалюативов-существительных используются русские и заимствованные приставки.

Среди русских префиксов можно назвать морф *рас-/раз-*: *раскрасавица, раскрасавец: Толя доложил о своей идее Валериану Ивановичу, тот чуть за голову не схватился – такую распотеху доставить горожанам* (Астафьев В. П. Кража); *Женщина ... пусть она даже ... раскрасотка... Она тебя*

принижает! (Нов. мир, 2003, №8, с.21). Эта приставка вносит в общую семантику дериватов значение усиления, “называют предмет, в высшей степени обладающий признаками того, что названо (кто назван) мотивирующим словом” [138, 230]. РГ-80 характеризует этот тип как продуктивный и широко используемый в окказиональных образованиях разговорной и художественной речи (Там же).

Такое же значение имеют и реже встречающиеся в современном русском языке эвалюативы с префиксом *сверх-*: *сверхизысканность, сверхзаинтересованность, сверхгигант, сверхзвук, сверхзадача, сверхдержава, сверхгалактика* (примеры взяты из БТС). В производных реализуются различные значения приставки *сверх-*: «2. Вносит зн. сл.: главный.» [197, 1156]: “*Специалисты Дальневосточного пароходства помогли судовым инженерам сделать необходимые расчеты, провести надежные опыты плавания со “сверхгрузом”*” [200, 125]; «3. Вносит зн.: превышение обычной меры, предела, нормы, выражающихся количественно” [Там же]: ... *чудесам не было конца, и все они каким -то особенным сверхчудом были еще и ею* (Нов. мир, 2003, №9 с.62).

2.6.2. Со значением оценки выступают в русском языке и существительные с заимствованными приставками *супер-* (“называет предмет или явление повышенного качества или усиленного действия” [138, 231]), *ультра-* (существительные с этим префиксом “имеют то же значение, что и с преф. *сверх-*” [138, 231]) : *супержулик, супернегодяй, суперхозяйка, супербоевик, супергерой, супердержава, суперконцерт, суперкубок, суперприз, суперхит, ультраконсерватор, ультрарасизм*. БТС , откуда взяты данные примеры, комментирует значение приставки *супер-*: “1. Обозначает высшее качество, повышенное усиленное действие. 2. Вносит зн.: главный, сверх” и приставки *ультра-*: “Обозначает: 3. Запредельные количественные характеристики”. Данные форманты приносят в значение, выражаемое денотатом, усилительное отрицательное или положительное коннотативное значение, детерминированное семантикой мотивирующего слова. *В этой суперэстетике большая*

заслуга арт-директора... (АФ, 13 дек., 2003, с.7); “ Ультрановизна. Нечто совсем новое ” [201, 232].

Значение усилительности (как основного оттенка в значении) позволяет характеризовать их как экспрессивы, усиливающие объективную оценку.

2.6.3. Эвалюативы могут образовываться с помощью аффиксоидов⁴, например, *полу-*, о котором в БТС написано: “3. Вносит зн. сл.: не совсем, не до конца, частично ... *полумрак, полусон, полутон*.”. Так же характеризуются подобные дериваты в словаре Н. Котеловой: “*Полудикость*. Недостаточная степень культуры, цивилизации” [202, 194]. В этом же источнике фиксируются производные *полулегенда, полуминутка, полупустырь, полуулица*. Данный аффиксоид привносит в общее значение эвалюативов параметрический признак, но поскольку мотиваты имеют неопределенно-количественное значение, их можно квалифицировать как примеры субъективной оценки.

2.6.4. Параметрический признак может быть выражен одним из компонентов сложения: “*Мини-парк*. Парк с малым числом автомобилей. В *Куйбышевской области 1910* таких “*мини-парков*”, *мини-перекур, мини-склад, мини-реактор, мини-юбилей*” [200, 78]. БТС лексему *мини* комментирует следующим образом: «*Мини*. Первая часть сложных слов. 1. Вносит зн.: маленький по размеру или значению», что квалифицирует дериваты как деминутивы.

Подобную семантику, но с компонентом ‘в большей степени’ имеет заимствованная часть сложных слов *микро*: «1. Вносит зн.: очень малый, мелкий. *Микроавтобус, микроавтомобиль, микроздание*» (БТС).

Аугментативное значение в общую семантику производных вносит первая часть сложных слов *макси*, которая «1. Обозначает большие размеры (а именно длину) одежды. *Макси-пальто*. 2. Вносит зн.: наибольший, сильнейший. *Макси-афера, макси-грохот, макси-калькулятор*” (БТС).

Аналогичную семантику имеют заимствованные части сложных слов *макро, мега*: *макромолекула, макропроект, макрорайон, мегамир, мегаспоры*.

⁴ «Компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции ... к аффиксу-суффиксу ... или префиксу...» [139, 26].

Первая часть сложных слов *гипер-* имеет значение “превышающий какую-л. норму; сверх”: *гиперактивность, гиперлогика* (БТС).

Примером передачи размерно-оценочного значения словосложением служат производные, фиксируемые «Словарными материалами-78» под ред. Н. З. Котеловой: “*Книжка-малютка*. О книге очень маленького размера. *Эта книжка-малютка* знакомит читателя с неповторимой красотой южного края. *Книжка-миниатюра*. Книга очень маленького формата” (с. 96). В этом случае второй компонент сложения «восстанавливает» размерную семантику суффикса *-к(а)*, утраченную им в подобных дериватах в истории развития языка. Таким образом, композит можно рассматривать как миниконтекст, где «сигнализатором» является второй компонент сложения.

2.7. Выводы к главе 2

2.7.1. Категория оценки на деривационном уровне широко представлена в разряде имен существительных и изучена как в плане диахронии, так и на современном этапе развития языка.

2.7.2. Различие существующих классификаций оценочных аффиксов базируется на разных подходах к вопросу соотношения размерных и оценочных сем в семантической структуре морфов. Детализация семантики субъективно-оценочных формантов может проявляться только непосредственно в контексте.

2.7.3. Эмоционально-оценочные разновидности эвалюативного словообразовательного значения являются вторичными, производными от размерно-оценочного. В современном русском языке существуют следующие разновидности эвалюативных существительных: размерно-оценочные, т.е. деминутивы и аугментативы (их мы относим к фактам объективной оценки); эмоционально-оценочные, т.е. эмотивы (гипокористики, пейоративы); размерно-эмоциональные, т.е. собственно эвалюативы и отдельно выделенные нами экспрессивы.

2.7.4. Способами разграничения данных разновидностей в современном русском языке можно считать: 1) семантический тип производящей основы (у

слов, не имеющих в семантике параметрического признака, производные могут выступать в разновидности только эмотивов; наличие в семантической структуре мотиватора количественно-параметрического признака относит данные производные к примерам объективной оценки; если этот признак сочетается с эмотивным значением, то дериват – собственно эвалюатив); 2) контекст, поскольку доминирование размерной или оценочной семы зависит от различного рода сигнализаторов; 3) длина морфа (вторичные субъективно-оценочные дериваты относятся к экспрессивам).

2.7.5. Современный русский язык имеет значительный реестр эвалюативных суффиксов имен существительных, которые появились еще в праславянский, древнерусский и собственно русский периоды. *-ец-, -иц(а), -иц(е), -иц(а), -иц(е), -иц(о), -ок-, -ек-, -к(а), -очк-, -ечк-, -ик-, -чик-, -ищ-, -ишк-, -онк-, енк-, -ушк-, -ышк-, -еньк-, -оньк-, -аг(а), -уг(а), -ак(а), -ук(а), -ул(я), -ус(я), -ах(а), -ох(а), -ух(а), -ар(а)*. Этот ряд является открытым.

2.7.6. Малопродуктивны в образовании десубстантивных эвалюативов приставки *рас-/раз-, сверх-, супер-, ультра-, гипер-*, детерминируя в деривате семантику субъективной оценки.

С помощью префиксоида *полу-* также образуются субъективно-оценочные дериваты.

2.7.7. Кроме аффиксального способа образования, субстантивные эвалюативы могут быть образованы словосложением. Первые части таких композитов – *мини, макси, микро, макро, мега, гипер* – содержат не только параметрический признак, но и элемент экспрессии.

ГЛАВА 3

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

КАК ГЕНЕРАТИВ ПРОИЗВОДНЫХ С ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ

3.1. Субъективная оценка качества

3.1.1. Проблеме образования и функционирования отадекватных оценочных производных в русской лингвистической литературе отведено значительное место. Круг исследователей данной проблемы представлен именами А. А. Аксакова, Д. Х. Баранника, В. В. Виноградова, А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, Е. А. Земской, И. А. Карабань, Е. С. Кубряковой, Т. Г. Линник, В. В. Лопатина, Л. А. Сергеевой, И. С. Улуханова и др.

3.1.2. Имя прилагательное – это часть речи, которая атрибутивна в силу своего категориального значения. Атрибутивность имеет различные параметры и представляет собой довольно широкий набор значений, в которых при оценке фактов объективной действительности семантика эвалюативности занимает определенное место.

Известно, что существуют семантические ограничения в производстве эвалюативных прилагательных. К ним следует отнести характер атрибутивной оценки, выражаемой прилагательным: способностью производить эвалюативы обладают только качественные прилагательные как обозначающие непосредственный признак. Это положение стало общим местом в лингвистической литературе: “Только качественные признаки могут противопоставляться как противоположные, потому что только качественные признаки могут быть мыслимы как переменные в количественном отношении, в отношении интенсивности” [184, 134]. Одной из важных особенностей качественных прилагательных является их способность “выражать реальное увеличение или уменьшение степени качества, передавать экспрессивно-эмоциональные субъективные оттенки восприятия качества” [69, 21]. Обра-

зовывать эмоционально-оценочные производные могут прилагательные не только с размерной семантикой, но и с семантикой любого другого качественного признака. А поскольку “уменьшительность” – термин, необходимый для характеристики значений аффиксов, но неудачный для характеристики словообразовательного значения как такового” [87, 141], считаем возможным использовать термин *эвалюатив* по отношению к формам субъективной оценки качества.

3.2. Языковой статус эмоционально-оценочных адъективов

3.2.1. В научной литературе об имени прилагательном одним из обсуждаемых вопросов является определение статуса эмоционально-оценочных адъективов. Как было отмечено, возможность производить эвалюативы имеют только качественные прилагательные.

Относительные прилагательные, выражающие признак опосредованно, не способны порождать субъективно-оценочные дериваты. В производных же типа *папенькин, сестрицын* значение оценки присуще самой производящей основе, а адъективы, подобные производным *жгутиковый, ресничковый*, образованы от лексикализовавшихся в силу терминологизации форм *жгутик* (зоол.), *ресничка* (зоол.).

Поскольку грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными подвижна, во многих случаях условна и, по словам В. В. Виноградова, “по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений” [29, 170], то эвалюативы могут производиться и относительными прилагательными, но лишь теми, которые переходят в разряд качественных. В. В. Виноградов считал, что “во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений” [29, 170]. Однако такая способность качественно-относительных прилагательных не находит своего последовательного от-

ражения в толковых словарях русского языка. Единичные примеры – *деревянное масло* (в употреблении Салтыкова-Щедрина, “Господа Головлевы”) со значением ласкательности – по-видимому, используются для вторичной номинации, либо являются окказионализмами.

3.2.2. В истории науки неоднократно поднимался вопрос о том, являются ли формы субъективной оценки качества грамматической категорией и можно ли их поставить в один ряд со степенями сравнения. С давних пор обсуждается проблема элитива, или синтетических форм превосходной степени прилагательных. Еще К. С. Аксаков бегло коснулся вопроса “о разных оттенках качества, которые показывают его свойства, количество и тому подобные отношения в нем самом со стороны внешней” [5, 127] и указал, что формы этого рода обособлены от категорий степеней сравнения, выражающих внутреннее распределение качества в предметах. Он также указывал, что уменьшительно-ласкательные и усилительные формы имен прилагательных, “определяя качество с его наружной стороны, еще не определяют самого качества, а выражают лишь его субъективную оценку. Они группируются около общего количества и составляют его переливы” [Там же].

А. Н. Гвоздев в “Очерках по стилистике русского языка” показал, что формы превосходной степени далеко не всегда указывают на то, что “один предмет обладает известным качеством в большей степени, чем другие... В других случаях эта форма служит простым обозначением большой меры качества, без сравнения с другими предметами ” [40, 109]. В. В. Виноградов среди трех значений форм на *-ейший*, *-айший* указывал значение “...с яркой экспрессивной или риторической окраской – это значение предельной степени признака или безотносительно большой меры признака (это значение в специальной лингвистической литературе называется элитивом)”, например: “погода чудеснейшая” [29, 205-206]. Однако последующие исследования этой проблемы позволяют заключить, что значения степеней сравнения и форм субъективной оценки сближаются в ряде значений. Характеризуя степени качества и формы субъективной оценки, В. В. Виноградов отмечал, что

семантической основой прилагательного являются понятия качества, мерой качества прежде всего является количество. Наглядным примером такой связи может служить та группа прилагательных, которые несут в себе эмоционально-оценочные значения, формально выраженные суффиксом. Так, например, словообразовательная микросистема качественного прилагательного *глухой* представляет следующие градуальные оппозиции: *глухой* – *глухонький* (со значением малости), *глухой* – *глухонек* (несколько глух – средняя степень признака), *глухой* – *глухохонек* (совершенно глух – крайняя степень проявления признака). В данном примере изменение градуального признака обеспечивается различными “переменными характеризующими”, дериваторами (суффиксами). Наряду с подобным явлением можно отметить случаи, когда изменение градуального признака передается благодаря многозначности самого суффикса, например БАС толкует слово *грустнек* как “уменьшительное от грустный”, *грубнек* – “несколько груб”, *горячнек* – “довольно, в максимальной степени горяч”. В. Н. Белоусов в энциклопедическом словаре “Русский язык” отмечает: “По значению семантические формы превосходной степени близки прилагательным типа *большущий*, *здоровенный*, у которых указание на высокую степень проявления качества входит в лексическое значение: поэтому некоторые лингвисты рассматривают образования типа *величайший* не как формы словоизменения, а как самостоятельные слова” [139, 333]. И. Г. Милославский говорит о том, что связь прилагательных типа *добрейший* с прилагательным типа *добрый* “является предметом словообразования, а именно того раздела, где рассматривается образование прилагательных от прилагательных, таких, например, как *огромный* – *преогромный*, *милый* – *миленький* и т.п.” [107, 119]. Составители “Орфоэпического словаря русского языка” прилагательные на *-ейший*, *-айший* подают как отдельные слова и уточняют, что эти образования “не считаются формами превосходной степени и, следовательно, не рассматриваются как члены парадигмы прилагательного” [206, 690].

Мы также относим элятив прилагательного к деривационной категории эвалюативности и рассматриваем такие производные как собственно эвалюативы, выражающие аугментативное значение: *В комнате по-прежнему неуловимо держался их тончайший запах* (Нов. мир, 2003, №8, с.72); *Опаздывал Мартин уже на полчаса, и Лидия, в чистойшей своей квартире, в белейшей блузке, перед накрытым столом все металась от двери к окну...* (Нов. мир, 2002, №3, с.89).

3.2.3. У прилагательных, которые в силу своей семантики не образуют степеней сравнения (или такое образование является непоследовательным), семантическую функцию последних выполняют формы субъективной оценки качества. Например, прилагательное *мертвый*, как обозначающее предельную меру качества, степеней сравнения не имеет, но производные от него эвалюативы могут указывать на градуальность признака – *мертвенький* (уменьшительно-ласкательное), *мертвехонький* (абсолютно без признаков жизни). В подобных функционально-семантических эквивалентах превосходной степени проявляется их стилистическая маркированность. В истории изучения имен прилагательных эвалюативные формы получили такую квалификацию: “начинательная степень” (с суффиксом *-оват-*), “длительная и учащательная степень” (с суффиксом *-оньк-/-еньк-*), “совершенная степень” (с суффиксом *-охонек/-ошенек*) [20, 195].

3.2.4. Особого внимания требует вопрос о соотношении количественного и качественного аспектов в семантике производных эвалюативов. Поскольку в русском языке существует ограниченное число прилагательных, семантика корня которых соотносится с параметрическими признаками (например, *высокий, длинный* и др.), следует считать качественные прилагательные иной семантики лишены квантитативности. В лингвистической литературе семантика подобных адъективов рассматривается как указание на меру признака предмета, но не на его количественную характеристику.

3.2.5. Рассматривая категорию субъективной оценки качества у имен прилагательных, Д. Х. Баранник указывал, что ее особенность состоит в том,

“що її інтенсивність спадає в напрямі від іменника до прислівника і дієслова. Найвиразнішою є вона в іменниках, де представлена обома типами форм: формами пестливості і формами зневажливості, згрубілості. У прикметниках, прислівниках і дієсловах вона виявляє себе в одному типі форм суб’єктивної оцінки – у формах позитивної емоційності, ...іншою особливістю категорії суб’єктивної оцінки є те, що вона пов’язана з категорією безвідносної міри. Дуже часто значення суб’єктивної оцінки буває ускладненим значенням розміру предмета або міри ознаки” [11, 176].

3.3. Функциональная характеристика прилагательных субъективной оценки

3.3.1. М. В. Ломоносов, анализирувавший имена прилагательные в плане их способности передавать различия в мере качества, подразделил их на умалительные и увеличительные. Об умалительных он писал: “... все значат некоторую малу часть тех свойств, которые сами имена изображают” [91, §250]. Говоря об увеличительных существительных, ученый характеризует и увеличительные прилагательные: “не грубое, как существительное, но нежное знаменование имеют” [91, §252]. Следует обратить внимание на то, что, эксплицировав в термине размерно-оценочную семантику подобного рода прилагательных, исследователь характеризует лишь их эмоционально-оценочную сторону.

3.3.2. В начале XIX в. Н. И. Греч охарактеризовал уменьшительные прилагательные как обозначающие “уменьшение качества против обыкновенного”, а увеличительные как выражающие “увеличение, усиление качества в предмете” [47, 202] и отметил также “изобилие, излишество качества в предмете” [47, 202]. В “Пространной русской грамматике” он же писал: “Сие правило требует, чтоб к уменьшительному существительному присоединяемо было и прилагательное уменьшительное; например: добренький старичок, маленькая девочка, полненькое личико, красненькие башмачки” [48, 201]. Речь идет о так называемом “экспрессивно-смысловом согласовании”.

3.3.3. В грамматиках 30 – 50-х гг. XIX в. упоминаются лишь уменьшительно-ласкательные и ласкательные значения прилагательных. А. Н. Гвоздев систематизировал значения субъективно-оценочных прилагательных, выделив уменьшительно-ласкательные, предельно большой меры качества с окраской ласковости, большой меры качества с отрицательным отношением к нему, объективного уменьшения или ослабления качества [41].

3.3.4. В работах, появившихся позже, например, Н. Ф. Ивановой, И. А. Карабань и др., описываются разновидности субъективно-оценочного словообразовательного значения имен прилагательных, обусловленные семантикой производящих слов (названия физических качеств человека, цвета и т.д.).

В АГ-70 указываются значения: “обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом”, “некоторое усиление признака с оттенком ласкательности”, “усилительное значение”, “усиление признака с интенсивным оттенком ласкательности”, “усилительно-ласкательное”, “усиленная степень качества” [§ 458-463]. В РГ-80 среди перечня модификационных значений имен прилагательных отдельно выделяется лишь “ласкательное экспрессивное значение” (с.332), а все другие их значения называются “традиционными”: “значение слабой степени проявления признака”, “чрезмерной степени проявления признака”. То есть, единого понимания системы значений и их терминологии до сих пор нет. В словарях русского литературного языка отражаются только наиболее общие значения адекватных эвалюативов. В БАС-2 используются лишь две разновидности помет: “ласк.” и “уменьш.-ласк.”. При описании значений усилительно-увеличительных употребляется слово “очень” и ему подобные.

3.3.5. Итак, несмотря на то, что традиция выделения адекватных с субъективно-оценочными морфами берет свое начало в XVIII в., единой системы в понимании их словообразовательного значения на сегодня нет.

Фактический словарный материал, собранный нами, дает основание определить, что с помощью эвалюативных адекватных одновременно номинируется признак и дается его субъективная оценка. Субъективно-оценочное зна-

чение, выражаемое аффиксом, может быть, как у существительных: либо размерно-оценочным (интенсивность проявления признака), либо эмоционально-оценочным, либо совмещать размерную и эмоциональную оценку. Исходя из этого, нам кажется целесообразным отадекватные эвалюативы разделить на следующие типы с учетом различных оснований оценки:

1. Эмотивы, т.е. такие производные, в которых говорящий передает свое отношение к тому, что названо производящей основой. В данном случае субъективная оценка может быть выражена одним и тем же суффиксом, а отрицательный или положительный модуль ее определяется денотативным значением слова, поскольку “денотация “предваряет” коннотацию: последняя квалифицирует то, что описывает обозначаемое как класс” [148, 37]. В случае “нейтральной” семантики производящей основы словообразовательное значение деривата детерминируется аффиксом. Подобного рода дериваты Шейдаева С. Г. определяет как эмоционально-оценочные [178, 201]: *Отворяется будто дверь, и входит старичок – такой...седенький, светленький такой* (Нов. мир, 2002, №1, с.169). Для их употребления в речи характерно дублирование оценки в нескольких производных либо той же части речи: *Он с парашютом сиганул ей-богу! Такой славенький, кучерявенький, беленький, глазки, как пуговички* (А. Фадеев Молодая гвардия), либо другой, но также с эксплицированным на морфемном уровне значением оценки: *А в ручке-то у него горбушечка беленького хлеба* (Нов. мир, 2002, №1, с.169). Это способствует текстовой аккумуляции оценочного значения, что создает необходимый коммуникативный эффект.

Производные этой группы способны содержать адгерентную экспрессивность (*хорошенькая история*), в таких случаях возможно говорить о фразеологичности семантики подобных выражений, приближающей их к устойчивым сочетаниям слов. В пользу последнего предположения свидетельствует воспроизводимость подобных сочетаний, поскольку субъекту речи и реципиенту заранее известен негативный характер оценки, заложенной в се-

мантике производного и в значении всей фразы. Эмотивы репрезентируют “эмоциональную” функцию аффиксов [42, 148].

2. Квантитативы, т.е. такие производные эвалюативы, в которых денотативное значение отражает параметрические характеристики предмета или явления, то есть в семантической структуре выделяется компонент ‘размер’. В данном случае актуальным в общей семантике деривата является усиление размерной характеристики предмета или явления (при отнесенности денотата к полю большого размера – *длинненький*, т.е. достаточно длинный), а также уменьшение, ослабление размерной характеристики (в случае отнесенности денотата к полю малого размера – *коротенький*, т.е. нечто меньшее, чем просто короткий): *Он услышал коротенькие стихи, которые мать так звучно и красиво прочла ему* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы); *Юбка была ей коротковата, и она ее все время одергивала* (Нов. мир, 2002, №12, с.27); *Мелкие, на тоненьких ножках – узенькие черные брючки закатаны выше высоких черных ботинок...* (Нов. мир, 2003, №10, с.68). Данные дериваты относятся нами к словам объективной оценки, что будет далее аргументировано.

3. Квалитативы, т.е. такие эвалюативные дериваты, в общей семантике которых актуальным компонентом является усиление / ослабление меры качества, например, *кисленький* – чуть кислый, *больнехонький* – совершенно больной: *Однако и в ней он успел ощутить некий источник, жиденьким, слабеньким эхом которого оказались все поползновения на изысканность...* (Нов. мир, 2003, №9, с.66). Квалитативы также выражают объективную оценку.

Поскольку как второй, так и третьей группе эвалюативов свойственна интенсификация признака, указанного производящей основой, в некоторых случаях целесообразно объединять их термином “интенсивы”. Интенсивы репрезентируют ограничительную функцию суффиксов [42,148].

Шейдаева С. Г. определяет данные эвалюативы (квантитативы и квалитативы) как размерно-оценочные [178, 201].

4. Собственно эвалюативы, т.е. такие дериваты, в значении которых одновременно интенсифицируется признак, названный производящей осно-

вой, и присутствует субъективная оценка факта действительности, например, *ветхенький, толстенький: На пороге появилась пухленькая девушка с толстеньким младенцем на руках* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Если предпочитаете полненьких девушек, пролистайте странички, пышечки в конце* (Там же). В последнем примере слово *полненький* образовано от слова *полный* в значении “Тучный, толстый человек” (БТС). Употребление деривата вместо мотиватора, возможно, вызвано тем, что адресант хочет указать, с одной стороны, на уменьшение интенсивности признака, то есть речь идет о девушках не толстых, а лишь немного превышающих нормативный вес, с другой, он демонстрирует свое положительное отношение к объекту речи, что контекстуально подтверждается использованием гипокористика *пышечки*.

Шейдаева С. Г. определяет данное словообразовательное значение как значение смешанного типа [178, 201]. Собственно эвалюативы занимают “промежуточное, переходное положение между формами слова и разными словами” [42, 146].

Безусловно, граница между указанными типами подвижна, и в речи такие образования могут употребляться в различных контекстах. Но на уровне языка подобные актуальные компоненты в значении эвалюативов реально существуют.

3.3.6. Объектом исследования в данной работе являются эвалюативы, структура которых определяется, с одной стороны, наличием отсылочной части, т.е. производящей основы, с другой, – формантной части, в данном случае суффикса. Поскольку отсылочная часть может представлять собой как основу немотивированную и нечленимую, так и основу, имеющую высокую с синхронной точки зрения степень членимости, необходимо отличать направленность референции у основ первого и второго типа. В первом случае основа референтна только по отношению к миру действительности, и в таком случае суффикс субъективной оценки служит для соотнесения денотата с категорией эвалюативности, при этом устанавливается двойная референция – к миру объективной реальности и к миру слов. Например, *короткий – коротенький, бледный – бледнешенький*. Во втором случае в производстве эвалюатива участвуют основы производного характера, например, *горб – гор-*

батый – горбатенький, пух – пушистый – пушистенный. В подобных производящих основах уже содержится двойная референция, и суффикс субъективной оценки выполняет в таком случае функцию квалификации, соотнося лексему вторичной номинации с оценкой качества.

3.3.7. Принимая во внимание то, что производное слово является в определенном смысле “словообразовательным конденсатом” [110, 15] и его значение может быть передано словообразовательной перифразой, необходимо установить, каков характер обобщения фактов реальной действительности. В таком случае определяется тип словообразовательных отношений и функция деривационного форманта. Суффикс, участвуя в создании новой лексемы, выполняет структурно-семантическую функцию, причем значение морфемы понимается более широко, чем смысловое понятие, так как “дериваційні морфемі мають свою градацію абстрагованості значень, згідно з якою ступінь узагальнення найвищий – у суфіксів” [13, 6].

3.3.8. Характеризуя эвалюативное прилагательное на словообразовательном уровне, следует учитывать, что суффикс субъективной оценки в известном смысле является носителем и реляционного значения, так как тесно связан с системой флексий мотивированного слова, составляет с ней единое словообразовательное средство. Поэтому образование слова с помощью определенного суффикса означает и отнесение его к определенной части речи, определенному типу склонения или спряжения, независимо от части речи и словообразовательного типа мотивирующего слова. Следовательно, суффикс субъективной оценки выполняет и классификационную функцию: выделяет лексико-грамматический класс прилагательных, а внутри прилагательных – еще и группу эвалюативов с единым словообразовательным значением, то есть, данный суффикс является унифицированным средством выражения лексико-грамматического значения и семантики эвалюативности.

3.3.9. Становится уместным определить, является ли вновь образованное слово грамматической формой или самостоятельной лексической единицей. В данном случае само денотативное значение мотивирующего слова не дополняет-

ся в семантическом плане, новый оттенок находится в сфере словообразовательной коннотации как проявление эмотивной и стилистической маркированности. Такая специфика основы производного эвалюатива в истории лингвистической науки не раз становилась предметом споров. Достаточно указать на известное замечание Л.В. Щербы об отсутствии границы (в некоторых случаях) между словообразованием и словоизменением. По мнению Л. В. Щербы, ярким примером отсутствия такой границы являются существительные (а, может быть, и слова других частей речи (выделено нами – Л. Л.) со значением уменьшительности: “...всегда есть в языке случаи неясные, колеблющиеся. Так, будет ли столик формой слова стол? Это не так уж ясно, хотя в языкознании обыкновенно говорят об уменьшительных формах существительных” [186, 77].

Это сомнение Л. В. Щербы в полной мере можно отнести и к именам прилагательным с эвалюативным значением. Если в производных адъективах не создается новое значение, а видоизменяется значение производящей основы, то словообразовательный тип характеризуется как модификационный, например, *голубенький* – ласк.; *веселенький* – ласк. и т.д. (БТС). В данном случае не происходит смыслового приращения в результате словообразовательного акта, между производящей и производной основами устанавливаются отношения эквивалентности. В случае полисемантической аффикса возникает приращение смысла в результате выбора одного из значений аффикса и конкретизации его в контексте. Последнее свойство дериватора обуславливает фразеологичность семантики эвалюатива. Как правило, приращенный смысл появляется, если имеет место: 1) многозначность основы; 2) многозначность аффикса. Необходимо отметить, что в данной ситуации слова употреблены в номинативных значениях, и изменение характера оценки, интенсификации / ослабления меры признака (качества) целиком зависит от набора деривационных значений суффиксов.

В данном случае создается несоответствие между словом как знаком языка и его употреблением в речи. Фразеологичность семантики деривата не

характерна для модификационного словообразовательного типа [15, 348], подобным свойством обладают мутационные типы.

3.3.9.1. В современном русском языке становится возможным говорить о возникновении мутационных отношений между адъективами с семантикой общего и конкретного размера: *крупный, мелкий, короткий, длинный, высокий* и т.д. и их дериватами. Квантитативный признак, имеющий место в семантике таких эвалюативов может актуализироваться на синтагматическом уровне “сигнализатором”, эмотивность же при этом остается имплицитной; производные, как правило, репрезентируют значение “достаточно”. Одним из показателей того, что в деривате формируется некий новый семантический компонент, не содержащийся в производящей основе, является нейтрализация в контексте значения модификационного суффикса. Эвалюатив с модификационным значением содержит указание на интенсивность эмоциональной оценки, выполняя в тексте функцию характеристики.

В случае, когда актуализируется интенсифицирующий компонент значения эвалюатива, словообразовательные отношения между производящей и производной основами можно определить как мутационные. В толковых словарях русского языка не всегда последовательно разграничиваются эмотивный и интенсифицирующий модусы значений эвалюативных дериватов, например, *коротенький* – уменьш.-ласк., *крепенький* – уменьш.-ласк. (БТС). Редкие случаи дифференциации этих модусов значений эвалюативов находим в БТС: *Сладенький*. Уменьш.-ласк. (1, 6 зн.). *Сладенький*. Усилит. (обычно в обращении к ребенку). *Сладенькое*. Ласк. Не учитывая омонимии словообразовательных типов, толковый словарь создает тем самым неполный “лексикографический портрет” [8, 124].

3.3.10. Актуализация того или иного компонента в семантике морфа, как правило, происходит в тексте, и деривационное значение аффикса как элемента словообразовательного значения слова, формирующего лексическое значение деривата, выступает контекстуально обусловленным, то есть в некоторых случаях контекст является носителем словообразовательного зна-

чения эвалюатива. В словообразовании подобную функцию выполняет формант, следовательно, можно сделать вывод о формантном значении контекста: “Текст служит средством актуализации различных сторон словообразовательного механизма. Производное слово в тексте обнаруживает свою специфическую природу, а именно конструктивный характер. При рассмотрении того, как производное слово создается в речевом акте в процессе построения текста, особенно ярко виден деятельный характер словообразования” [59, 17]. Таким образом, при имплицитной эмотивности и экспликации интенсивности качества показателем мутационных словообразовательных отношений является текст. Возникновение подобных отношений на уровне языка и на уровне текста (синтагматики) возможно благодаря бесконечной смысловой валентности слова [94, 24].

3.3.11. Так как оценочные производные, являющиеся результатом мутационной деривации, обозначают изменение значения, мы относим их к прилагательным объективной оценки; при этом эвалюативы называют объективно существующие свойства предмета, выполняя функцию номинации: *Перегородка тоненькая, всякий шепоток слышен* (Нов. мир, 2002, №1, с.167). Актуализация размерного значения производного *тоненькая* определяется контекстом в целом: *всякий шепоток слышен*, то есть слышен даже самый тихий шепот, следовательно перегородка *очень тонкая*. Аналогично: *Ледок, конечно, тоненький, ненадежный, да разбирать не станешь* (П. П. Бажов. Кошачьи уши). По мнению Е. М. Вольф, “характеризация – основная функция качественных прилагательных” [35,12], но в данном случае в эвалюативных дериватах размерной семантики эмотивность имплицирована и актуализируется квантитативный аспект значения.

3.4. Деривационная характеристика эвалюативных суффиксов имен прилагательных

3.4.1. Исходя из разновидностей субъективно-оценочных адъективных производных, уместно говорить о необходимости функциональной дифференциации эвалюативных суффиксов.

3.4.2. К “переменным характеризующим”, выражающим уменьшительно-ласкательное значение в русском языке относится, прежде всего, суффикс *-еньк-(-оньк-)*. Обработанный нами текстовый материал дает основание говорить о полифункциональности этого форманта.

3.4.2.1. Уменьшительное значение имеют эвалюативные производные, мотивированные прилагательными, в семантике которых имеются размерно-параметрические характеристики (такого рода производные выше нами квалифицируются как квантитативы): *Я вошла в **низенькое** здание самого обшарпанного вида* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); ***Коротенькие** ручки генерала вцепились в мой погон на правом плече...* (Нов. мир, 2002, №4, с.20-21); *Зайка влезла в **тоненький** красный свитерок* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Данные эвалюативные дериваты находятся в словообразовательной оппозиции к прилагательным с семой ‘размер’, поэтому и функция форманта – уменьшительная. В то же время контекстуально этот семантический компонент может быть нейтрализован, а, следовательно, квантитатив переходит в эмотив. Так, в экземплификаторе *Носик **пряменький**, голубые глазки* (Нов. мир 2003, №6, с.111) эвалюативный дериват реализует значение “нос без горбинки или не искривленный в сторону” мотиватора *прямой* (БТС), что является положительной характеристикой человека.

3.4.2.2. Суффикс *-еньк-* может присоединяться и к прилагательным, лексическое значение которых связано с выражением негативного признака. При этом роль форманта заключается в смягчении этого признака: *Стянув шапочку, помотала головой, вольно раскидав по плечам жидкие **грязненькие** волосики* (Нов. мир, 2003, №6, с.33); *Птичка села на решетку...на мою **фиговенькую** железную решетку* (Нов. мир, 2003, №8, с.15). При образовании данных эвалюативных дериватов используется словообразовательный оператор, значение которого модифицируется в направлении оценочного модуля, что определяет их как

эмотивы со смягченным пейоративным значением. В то же время в производных, мотиватор которых имеет негативное значение, может усиливаться этот семантический компонент, что определяется контекстом: *сколько учебных часов было отведено на разбор больше чем простенького⁵, незатейливого стихотворения* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); ... *с английским, тянувшимся еще со школы, и средненьким⁶ французским...рассчитывать было особенно не на кого* (А. Маринина. Украденный сон), то есть дериваты выступают эмотивами с усилительным пейоративным значением.

Если мотиватором является прилагательное с положительным лексическим значением, то функция суффикса направлена на усиление одобрения: *Та блондинкой тоже была молоденькой, хорошенькой, в белой юбочке, и ножки похожи* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Каменская девочка умненькая, хоть и неопытная, но головка у нее устроена правильно* (А. Маринина. Украденный сон).

3.4.2.3. Высокая продуктивность анализируемого суффикса не могла не привести к появлению в его деривационной семантике различных нюансов, что в свое время отмечал А. Н. Гвоздев: “эмоциональная окраска прилагательных с суффиксом *-еньк-* отличается широтой” [41, 241]. Так, присоединение данного суффикса, имеющего вне контекста семантический признак ‘маленький’ к основе слова, лексическое значение которого содержит параметрический признак, реализованный семой ‘большой’, не нейтрализует этот признак, но придает производному иронический, то есть, по сути, негативный оттенок: *Еще вчера казалось, что Даша так счастлива жизнью на богатенькой даче* (Нов. мир, 2003, №8, с.15); *Но затем бочком-бочком я с их богатенькой дачи отвалил. Ушел. (Не снес обиды)* (Нов. мир, 2003, №8, с.20). Мотиватор *богатый* реализует в производном *богатенький* свой ЛСВ₁ “Обладающий большим имуществом, большими материальными ценностями; зажиточный”. Такую дефиницию к вокабуле *богатый* приводит МАС,

⁵ Дериват реализует в данном случае ЛСВ мотиватора *простой* “Обыкновенный, ничем не примечательный, не выделяющийся среди других; заурядный” (БТС).

⁶ Дериват реализует в данном случае ЛСВ мотиватора *средний* “Ни хороший, ни плохой; посредственный” (БТС).

который производное *богатенький* не описывает. БТС использует то же определение слова *богатый*, а дериват *богатенький* подает с пометой “ласк.” к слову *богатый* в приведенном значении. Очевидна лексикографическая неточность в стилистической характеристике эвалюатива.

3.4.2.4. Суффикс *-еньк-* может использоваться и в квалитативах (эвалюативах объективной оценки), в общем значении которых в пределах семантического признака ‘степень качества’ актуализируется сема ‘маленький’, ‘меньше’, благодаря чему лексическое значение деривата указывает на ослабление меры качества: ... *и уже через месяц после второй операции Галина Тимофеевна перешла на воду и слабенький бульон* (Нов. мир, 2003, №7, с.111). Значение деривата *слабенький* определяется как ‘очень слабый’, поскольку мотиватор имеет значение “Не способный оказать сильное действие, не крепкий, не насыщенный” (БТС). Аналогично: *Если мы выживем, то всю жизнь ела бы одну пшеничную кашу... или манную... жиденькую, горячую, на воде сваренную, без масла, без прогорклой крупы даже...* (Нов. мир, 2003, №2, с.95). В деривате реализуется значение мотиватора “Негустой, водянистый” (БТС), усиленное актуализацией семы ‘в меньшей степени’, в результате чего семантика производного определяется как ‘очень жидкая’.

3.4.2.5. Вместе с тем морфема *-еньк-/оньк-*, используемая для производства адъективов, может одновременно выполнять размерно-эмоциональную функцию, при чем не обязательно уменьшительно-ласкательную: *Волос русый, скуластенькая, глаз быстрый и цепкий, охотничий глаз* (Нов. мир, 2003, №3, с.16) – то есть с не очень широкими, но все же выступающими скулами; что, однако, ее не портит; *Он не такой молодой потом оказался, хотя свеженький, полненький, лет ему сорок восемь было* (Нов. мир, 2002, №3, с.91) – не очень полный, то есть не худой, что вызывает у автора симпатию (ср. прилагательное *свеженький*, являющееся эмотивом, без размерного компонента); *Мы с тобой уже старенькие, многого от жизни не хотим* (А. Маринина. Украденный сон) – эвалюатив в этом примере является, по сути, функционально-семантически тождественным краткой фор-

ме прилагательного в значении избыточного признака, ср. *Мы с тобой уже стары, многого от жизни не хотим*, то есть суффикс эксплицирует эмоциональный и размерный признаки, но последний реализуется в семе ‘больше’. Фактический материал свидетельствует, что в данных эвалюативных дериватах суффиксом *-еньк-* репрезентируются семы ‘размер’ и ‘оценка’, и это определяет данные производные как собственно эвалюативы.

3.4.3. Следовательно, рассматриваемый формант *-еньк-/оньк-*, выполняя ограничительную функцию, способен градуировать названный основной признак в довольно широком диапазоне: от уменьшительности до средней степени проявления признака и, наконец, усиления признака. В пользу того, что суффиксы *-оньк-/еньк-* могут указывать на объективно убывающий, но еще имеющийся в достаточной мере признак (напр. *косенький* – “несколько косой”), говорит тенденция семантического сближения названных производных с формами степени качества, что находит последовательное отражение в БАС, например, *великенький*: “То же, что и *великоватый*”. Слово *мягенький* дается уменьшительно-ласкательная характеристика, а слово *мяжковатый* толкуется как “слегка, несколько мягкий,” где налицо уменьшение признака.

В то же время суффиксы *-еньк-/оньк-* и *-оват-* могут выступать синонимами в том своем значении, которое интенсифицирует, усиливает признак, например: *тоненький* – “довольно тонкий (1-5 зн.)”; *дороговатый* – “довольно дорогой (1 зн.)” (БТС).

При этом суффикс *-оват-* также способен выполнять ограничительную функцию. Эта особенность была отмечена В. В. Виноградовым, который указывал, что ряд дериватов на *-оват-* отличается своим значением от производящего прилагательного (... *глухой* и *глуховатый*, не совпадающие по кругу значений; ср. невозможность сказать: “сытое брюхо к учению глуховато”; или: “ходила глуховатая молва”, “испытывать глуховатое недовольство” и т. п.) [29, 196]. Объяснить это можно тем, что, во-первых, у производных возникает переносное, связанное значение, а во-вторых, суффикс сам способствует отграничению ряда производных значений от основных. Подобное семантическое рас-

хождение исходного и оценочного прилагательного еще раз доказывает, что это разные слова, а не формы одного и того же слова.

3.4.3.1. Следует особо отметить, что алломорфы *-еньк-* и *-оньк-* в некоторых эвалюативах выражают тождественное значение: *легенький* и *легонький*, *мягенький* и *мяконький*. Поскольку толковыми словарями подобные лексемы рассматриваются как полные эквиваленты, то суффиксы необходимо квалифицировать как варианты одной морфемы: употребление их в деривате не обусловлено позиционно. Но существует ряд случаев, когда деривационное значение этих суффиксов не совпадает: “имена прилагательные с суффиксом *-оньк-* по отношению к производящей основе имеют усилительное значение первой степени” [42, 108]. В таком случае суффикс *-оньк-* по своему значению приближается к значению суффиксов *-охоньк-/ошеньк-* и может считаться самостоятельной морфемой.

Помимо ограничительной функции, суффикс *-еньк-/оньк-* обладает функцией эмоциональности, образуя своеобразные лексические формы слова [39, 112], например, *сладенький* – ласк., *зеленький* – ласк., *серенький* – ласк. или уничиж. (1; 3-5 зн.), *веселенький* – ласк., ирон. и т. д. (БТС). В данном случае при образовании деривата имеет место не приращение смысла, а все та же ксенодотатная переадресованность оценки, не находящая материального выражения в деривационной перифразе, что доказывает факт формообразования.

Алломорфы *-еньк-/оньк* могут различаться по характеру эмотивности. В русском языке данный суффикс является носителем широкого спектра эмотивных значений, от ласкательного, одобрительного, шутливового, ироничного, сочувственного до пренебрежительного и уничижительного. Характер оценки в эвалюативном деривате обусловлен оценочным модусом корня или производящей основой (в случае ингерентной экспрессивности).

3.4.3.2. У суффикса *-еньк-/оньк-* можно отметить еще одну функцию, которую можно квалифицировать как функционально-стилевую. В толковых словарях русского языка ряд эвалюативных лексем не сопровождается никакими пометами, кроме функционально-стилевых, например, *махонький* – нар.-разг.,

глупенький – разг. и т. д. (БТС). Названные лексемы являются стилевыми модификациями исходных основ, поскольку не содержат в своем деривационном значении квантификации признака и интенсификации оценки. В случае маркированности производящей лексемы как разговорной или просторечной, дериват должен сохранять стилевую принадлежность мотиватора, поскольку анализируемые аффиксы относятся к тем морфемам, “значение которых... постоянно во всех контекстах” [155, 130], хотя это не последовательно отражается в словарях, например, *пузатый* – разг.-сниж., *пузатенький* – смягчит. (БТС).

3.4.3.3. Наиболее характерной чертой суффиксов *-еньк-/-оньк-* является их полифункциональность (с учетом стилевой принадлежности и стилистической окрашенности дериватов, в образовании которых они участвуют), что находит последовательное отражение в толковых словарях русского языка. Аффиксы эвалюативов способны сочетать в своем значении квантификацию признака, эмоциональную оценку и ее интенсификацию, а также указание на стилевую принадлежность деривата, выполняя одновременно ограничительную, эмотивную и стилевую функцию, например: *коротенький* – разг., уменьш.-ласк (1-4 зн.) (БТС).

Из приведенных примеров следует, что суффикс *-еньк-/-оньк-* может сочетать ограничительную и экспрессивную функции, а также – экспрессивную и стилистическую. Уточнение той или иной функции суффикса происходит либо во “внешнем” (на уровне словосочетания), либо во “внутреннем” (морфемном) контексте.

Квантитативное значение многозначного аффикса есть “социальный код, знание которого необходимо в той или иной мере для каждого носителя языка” [141, 16], поскольку квантитатив является самостоятельной лексемой, обладающей воспроизводимостью и регулярностью. С точки зрения языковой прагматики экспрессивная форма слова не является столь же обязательной и частотной, употребление ее обусловлено речевым поступком говорящего по отношению к реципиенту [148, 9].

3.4.3.4. Все выше описанные отадъективные эвалюативы образованы суффиксальным способом. В то же время, проанализированный нами лексический материал дает возможность, комментируя способ деривации эвалюативов, говорить о соединении суффиксального способа с графическим (см. более подробно об этом в 6.2.2.). – *Сейчас она придет... Та девица... Молоденькая!* (Нов. мир, 2003, №9, с.18); *Такая красивенькая, умненькая-разумненькая, р-румяненькая!* (Нов. мир, 2003, №10, с.114); *Такой ма-а-аленький нарядик...*[203, 115]. Графикация, на наш взгляд, в первых двух предложениях переводит эмотивы в собственно эвалюативы, эксплицируя сему ‘интенсивность’. В последнем предложении, на наш взгляд, дериват относится к интенсивам.

3.4.4. Особый словообразовательный тип представляют эвалюативы, мотиватором и производящей базой которых выступает краткая форма прилагательного. Специфичность таких образований обусловлена тем, что 1) грамматические особенности кратких форм прилагательных разрушают семантический и стилистический параллелизм между ними и полными формами [29, 195], 2) словообразовательное значение и стилистическая квалификация эвалюативных дериватов, образованных от полных и кратких форм прилагательных, различны; 3) в качестве эвалюативных формантов используются алломорфы *-енек*, *-ехонек/-ешенек*.

3.4.4.1. Выбор формантов для производства эвалюатива обусловлен грамматической формой прилагательного. Однако существующая в языкознании точка зрения, согласно которой аффикс “рассматривается как “вершина” структуры слова, определяющая его главные синтаксические и категориальные характеристики” [199, 60], делает возможным предположить относительную самостоятельность суффиксов *-енек/-онек*, *-ехонек/-ешенек* (*-охонек/-ошенек*) в выборе основы. Следует отметить, что, несмотря на некоторые отличия в деривационном значении, указанные суффиксы являются не самостоятельными морфемами, а алломорфами. Употребление их исключительно в основах прилагательных мужского рода обусловлено позиционно:

наличие беглого “е” в суффиксах зависит от характера окончания (нулевое или материально выраженное), например: *глубок – глубоконек, высок – высоконек, далек – далеконек, дурен – дурнехнек / дурнешнек, гол – голехнек / голешенек, грустен – грустнехнек – грустнешнек и т. д., ср. *глубока – глубоконька, глубоко – глубоконько и т.д.**

3.4.4.2. Основным свойством названных алломорфов является способность усиливать признак, названный производящей основой. Одновременно со значением усиления признака происходит стилистическое размежевание исходного и производного. Помимо стилистической окрашенности, суффиксы полной и краткой форм различаются степенью продуктивности в синхронном словообразовании. Так, суффикс *-еньк-* (в полных формах) относится к литературно-разговорной сфере употребления и высокопродуктивен, а краткая форма на *-енек* считается устаревшей и является принадлежностью народно-поэтической речи или средством стилизации. Следовательно, основной функцией алломорфов краткой формы в синхронном словообразовании является стилистическая функция; сохранена также эмотивная и экспрессивная функции: *Тяжеленек бывал солдатский ранец...* (Русские народные сказки. Ни то, ни се); *Живет она в прачках долго ли, коротко ли, не знаю, – мальчик уже великонек стал* (Русские народные сказки. Злая невестка); *...здоровенек, и растолстел так...* (Ф. М. Достоевский. Бедные люди).

3.4.5. К субъективно-оценочным формантам с увеличительным (усилительным) значением в русском языке относятся суффиксы *-охоньк-/-ехоньк-*, *-ошеньк-/-ешеньк-*, которые “встречаются обычно в краткой форме, что объясняется синтаксическим использованием их преимущественно в качестве сказуемого” [67, 18]. В. В. Виноградов называл эти суффиксы “крестьянско-фольклорными” [29, 198]. В “Русской грамматике” (1980) образования на *-охонький / -ошенький* определяются как обозначающие “усиленную степень качества в сочетании с ласкательностью” [129, 300], и дальше о вариативных суффиксах *-охонек/-ошенек*: “Сюда же *одинехонек* и *одинешенек*, *радехонек* и *радешенек*, мотивированные прилагательными *один, рад*, имею-

щими только краткую форму” (Там же). Уже в первой половине XIX века эти суффиксы были непродуктивными и нерегулярными [21, 95]. В настоящее время они характерны исключительно для слов народно-поэтической речи, а если употребляются в художественной литературе, то только с целью стилизации: “не все типы прилагательных, характеризуемых в лингвистической литературе как свойственные разговорной речи, ... действительно присущи разговорной речи... Прилагательное с суффиксами *-охоньк/-ошеньк-* используются при имитации разговорной речи в языке художественной литературы, но отнюдь не составляют типической особенности разговорной речи; в ней они практически не употребляются... Такие единицы составляют принадлежность сниженного (разговорного) стиля кодифицированного литературного языка и не входят в систему разговорной речи” [63, 106, 207].

3.4.5.1. В истории языка суффиксы *-охонек/-ошенек* имели две характеристики – размерную и оценочную. Однако еще на раннем этапе их существования квантитативная и гипокористическая функции четко не дифференцировались. В научной литературе они рассматривались не только как уменьшительно-ласкательные суффиксы, но и как усилительные [61, 8], поэтому следует констатировать, что данные форманты сочетают экспрессию ласкательности со значением полноты и высокой степени качества: *глуохонек* – совершенно глухой, *грязнехонек* – очень грязный, *грустнехонек* – очень грустный и т.д. Обычно производным со словообразовательным значением максимальной степени качества гипокористическая семантика вообще не свойственна, ср.: *грязнющий*, *здоровенный* и др., однако данным образованиям, как правило, не присуща отрицательная эмотивность.

3.4.5.2. С точки зрения сочетаемостных возможностей эти морфемы присоединяются к различным структурно-семантическим типам основ, как производным, так и непроизводным, с лексическим значением, содержащим и положительную, и отрицательную оценку. Отличительной чертой этих суффиксов является то, что они присоединяются к основам не независимо от того, содержат ли мотивирующие основы признак размера. Именно экспрессивная, а не квантитативная ха-

рактика является ведущей в общем значении подобных эвалюативов, что подтверждается использованием их с целью стилизации.

3.4.6. По семантике и функциональным свойствам эвалюативы с указанными суффиксами сопоставимы с элятивом, ср.: *желтехонький, желтехонек* – *желтейший* (очень желтый), *жаднехонький, жаднехонек* – *жаднейший* (очень жадный), *бледнехонький, бледнехонек* – *бледнейший* (очень бледный), *жирнехонький, жирнехонек* – *жирнейший* (очень жирный). Как и элятив, дериваты с данными суффиксами выражают интенсивность признака и высшую степень экспрессии. Значение основы, к которой присоединяются эти суффиксы, не способны двигаться по шкале градации признаков в сторону убывания и допускать уменьшительность. Следовательно, можно охарактеризовать эти суффиксы как суффиксы “статичной предикатности” [13, 123]. Хотя на уровне речевого контекста допустимо подобное употребление, что отмечается Е. Кржижковой: “В некоторых случаях, однако, даже признак точно очерченной границы подвергается релятивизации, результатом чего является возможность квантификации” [84, 128].

3.4.7. Говоря о морфонологических особенностях анализируемых суффиксов, следует отметить, что суффиксальные алломорфы *-ошеньк-/-ешеньк-* являются вариантами аффикса *-охоньк-/-ехоньк-*, так как семантически они тождественны и взаимозаменяемы (чередование *х/ш* происходит только при появлении гласного переднего ряда “е”), следовательно, они обладают теми же функциональными и семантико-стилистическими характеристиками, что и *-ехоньк-/-охоньк-*, ср.: *больнехонький* – *больнешенький*, *мутнехонький* – *мутнешенький*, *ладнехонький* – *ладнешенький*, *жалобнехонький* – *жалобнешенький*, *зеленехонький* – *зеленешенький*. Однако существуют случаи, когда суффикс *-охоньк-* не коррелирует с *-ошеньк-*. Так, например, БАС не фиксирует лексему *легошенький*, тогда как *легохонький* существует и приводится в качестве примера академическими грамматиками русского языка. В силу единичности таких примеров логично предположить, что здесь имеет

место не частичный вариант суффиксальной морфемы, а словообразовательная внутриязыковая лакуна.

3.4.8. Особенности деривационного значения и структуры рассматриваемых формантов приводят к выводу о производном характере их семантики и формального состава. Очевидно, что в русском языке названные суффиксы обладают большей степенью эмотивности и способны более интенсивно квантифицировать признак, чем суффиксы *-еньк-/оньк-*. Обязательным для этих суффиксов является также регулярное употребление элемента *-еньк-*. Учитывая семантические и структурные особенности данных морфем, возникает проблема идентификации элементов *-ох-*, *-ош-*. В лингвистике установилось несколько точек зрения на подобные сегменты. По мнению одних ученых, “если некоторый сегмент... всегда присутствует в образовании данного типа с одним и тем же суффиксальным морфом, то он является частью этого морфа”, однако “... в словах с одинаковым словообразовательным значением в качестве носителя этого значения выступает прежде всего общая повторяющаяся в этих словах аффиксальная часть (выделено нами – Л. Л.)” [92, 50]. Следовательно, сегменты *-ох-*, *-ош-* как не всегда повторяющиеся не наделяются словообразовательным значением и рассматриваются либо как субморфы, либо как интерфиксы. Иная точка зрения состоит в том, что эти сегменты могут создавать общее деривационное значение комбинированного аффикса: “Прилагательные типа *низешенький* имеют усилительное значение второй степени по отношению к *низенький*. Очевидно... имена прилагательные на *-охоньк-*, *-ошеньк-* образуются не от исходных слов, а от слов, имеющих усилительное значение первой степени при помощи инфиксов *-ох-*, *-ош-*” [42, 108]. Инфикс в таком случае понимается не как вставка в корень слова [199, 59], а в более широком смысле – как межморфемный аффикс; и в том, и в другом случае сохраняется “основной признак инфикса – вставляемость в производящую базу” [42, 106].

3.4.8.1. Говоря об аддитивном (суммарном) характере деривационного значения названных формантов, а также степени их продуктивности в синхрон-

ном словообразовании, можно квалифицировать их стилистическую и экспрессивную функции как основные функции данных суффиксов. Ограничительная функция не является релевантной, что приближает эвалюативы с данными суффиксами к лексическим формам слова и дает основание квалифицировать их как экспрессивы. *Вдруг, в теснотном Сталинграде, открывается целехонькая дивизия “внутренних войск”...*(Нов. мир, 2003, №8, с.156); *Радехонька бы умереть – да смерть-то не приходит* (Нов. мир, 2002, №12, с.161).

3.4.9. Говорящие по-русски прибегают иногда к использованию суффикса *-усеньк-/-юсеньк-* при основах, называющих малый размер: *малюсенький, тонюсенький* и др. РГ-80 характеризует этот суффикс как усилительно-ласкательный экспрессивный, а дериваты, его содержащие, относятся к непродуктивному типу [138, 300]. Однако производные с этим суффиксом, эквивалентные по своей семантике менее употребительным образованиям на *-ехонький, -ошенький*, более регулярно используются в разговорной речи: ... *на линии горизонта призрачно синела в дрожании жаркого воздуха тонюсенькая полоска леса.* (Нов. мир, 2003, № 8, с.69); *Мало того, выписалась из его роскошной квартиры, переехав в малюсенькую комнатку в общежитии театра* (Караван историй, 2002, декабрь, с. 320).

3.4.10. Аугментативное значение выражается при помощи таких суффиксов адъективов, как *-ущ-/-ющ-* и *-енн-*, например: *длиннющий, дорогущий, здоровенный, толстенный*. Н. Ф. Иванова отмечала, что функция данных формантов – “обозначать безотносительно высшую степень качества и выражать эмоциональное отношение говорящего к этому качеству, признаку” [67, 21]. По мнению А. Н. Гвоздева, эти суффиксы “целиком однородны” по своему значению [41]. Однако прилагательные с суффиксом *-енн-* обозначают “усиленную, чрезмерную степень качества” [138, 300], в отличие от прилагательных с суффиксом *-ущ-*, обозначающих только “усиленную степень качества” [138, 300]. Они менее частотны, например, в современном “Обратном словаре” представлено только семь слов-дериватов с аугментативным суффиксом *-енн-* : *здоровенный, тяжеленный, толстенный, широченный, высо-*

ченный, страшный, претрашенный (с. 114). В любом случае дериваты с этими суффиксами “относятся к разговорной и просторечной лексике с экспрессией грубости” [138, 300].

В русском литературном языке эвалюативные прилагательные с данными суффиксами начали использоваться недавно и до сих пор маркированы как сниженные: *А все потому, что щенок вырос и превратился в здоровенного пса* (Теленеделя, 2003, № 12, с.3) – слово *здоровенный* в МАС (1981 г.) описывается с пометой “прост.”, а в БТС (1998 г.) с пометой “Разг.- сниж.”.

В этом примере в общей семантике субъективно-оценочного деривата доминирует сема ‘размер’, что вообще характерно для производных с этим аффиксом: *Вошел молодой человек... в очках с **толстыми** линзами* (Т. Полякова. Барышня и хулиган) – то есть очень толстыми (БТС); *Многие звезды любят ходить на открытия... бутиков только потому, что им там вручают **дорогущие** подарки* (Теленеделя, 2003, № 12, с.3) – словари не фиксируют это производное, но по аналогии со словом *большущий* = очень большой (БТС), значение деривата *дорогущий* можно определить как “очень дорогой”.

В литературном языке приведенные значения передают с помощью сочетаний слов, которые, по сути, составляют деривационную перифразу анализируемых дериватов: “*в очках с очень толстыми стеклами*”, “*вручают очень дорогие подарки*”, однако смысловое тождество этих сочетаний с соответствующими производными еще более подчеркивает различие в их эмоциональной наполненности. Для того, чтобы адекватно передать на синтагматическом уровне надлежащую эмоционально-экспрессивную окраску, в предложение следует вводить определенные лексемы, например: “*в очках с вот такими (= о-очень) толстыми стеклами*”, “*вручают та-а-кие (= ого-какие) дорогие подарки*”.

Нередко характер эмотивности деривата подтверждается контекстом: *Заинтересовался всего один человек, **здоровенный** парень с лицом, похожим на переднюю часть машины “Газель”* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *...из него вылез **здоровенный** парень самого звероподобного вида*

(Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). В данных примерах формант *-енн-*, кроме размерной семы, в общее значение субъективно-оценочного деривата привносит и оценочную сему неодобрения. Такое суммирующее значение суффикса квалифицирует производное *здоровенный* как собственно эвалюатив. Аналогично у дериватов с суффиксом *-ущ/-ющ*: “*Так-то оно так, – пригорюнилась Катька, – но жена у него хитрющая*” (Т. Полякова. Барышня и хулиган); *Злющая, завистница, рылом не вышла, морда кирпича просит* (Нов. мир, 2003, № 6, с.106).

3.4.11. Суффикс *-оват-/-еват-* выступает словообразовательным оператором при субстантивных и адъективных основах (единичное образование от глагольной основы – *сиповатый* “со значением слабой степени проявления признака, названного мотивирующим глаголом” [138, 299])

3.4.11.1. Деадъективные прилагательные с суффиксом *-оват-/-еват-* имеют значение “обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом” [138, 299]. Это определяет семантику данного дериватора, привносимую им в общее значение эвалюативного, как размерную (уменьшительную): *Воздух вечерний был горьковатый, сырой* (Нов. мир, 2002, №4, с.104); *А ... после влажноватой, парной жары ... подул ветер* (Нов. мир, 2002, №11, с. 17). В данных дериватах актуализируется семантический признак ‘параметр’, ‘интенсивность’, поэтому их целесообразно отнести к квалитиватам: *Юноша был длинный... в серых в коричневую полосу коротковатых брюках* (А. Фадеев Молодая гвардия); *Маленький, растерянный, в слегка великоватом синем костюмчике-форме...* (Нов. мир, 2002, №11, с.30); *Обычное узковатое пространство между рядами выдвинутых сплошняком домов...* (Нов. мир, 2003, №8, с.66). В этих предложениях производные *коротковатых, великоватом, узковатое* представляют значения соответственно: “несколько короткий; немного короче, чем требуется” (БТС), “несколько большой; немного больше, чем требуется”, “несколько узкий; немного уже, чем требуется” (по аналогии, так как словарями не фиксируются). Доминирующим в общей семантике является уменьшение размерной (параметрической) характеристики. Это квалифицирует их

как квантитативы, содержащие объективную оценку (субъективная может эксплицитно выражаться в контексте: *в слегка великоватом*).

3.4.11.1. Деадъективные эвалюативы с суффиксом *-оват-* могут иметь краткую форму, синтаксическая функция которой (сказуемое) актуализирует параметрический признак в семантике деривата (сема ‘больше нормы’): Я, конечно, не красавица, нос **длинноват** (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Производное *длинноват* в данном контексте можно отнести к собственно эвалюативам, поскольку усиление признака, названного мотиватором (‘излишне длинный’), делает его нежелательным, то есть происходит актуализация и оценочной семы. Иногда аугментативное значение суффикса *-оват-* подкрепляется в контексте “сигнализаторами”: *С тобой как ни делись и чем ни делись – ты не урвешь, староват слишком* (Нов. мир, 2003, №8, с.21).

То, что суффикс *-оват-* “указывает на некоторый излишек качества (размера)” одной из первых заметила Н. Ф. Иванова [68, 72]. Позже в статье “Тепловатый – “слегка” или “слишком теплый” А. С. Цуккерман отмечает, что прилагательные на *-оват-* могут выражать деминутивное и аугментативное значение, а также “не только меры признака, но и субъективной оценки” [163, 97]. О возможности развития на базе деминутивного суффикса форманта со значением аугментативности в своих трудах говорили И. Э. Мандельштам [99], Г. И. Маманова [97]. В то же время противоположную точку зрения о принадлежности суффикса *-оват-/-еват-* к субъективно-оценочным средствам высказывает Н. М. Шанский [171, 74].

3.4.11.2. В трудах К. С. Аксакова отмечено, что суффикс *-оват-* “не выражает личного впечатления” [3, 490]. И действительно, долгое время значение суффикса *-оват-* связывали только с объективным уменьшением или ослаблением качества. “Неразвитость эмоциональной семантики в данном суффиксе, на наш взгляд, связана с относительной молодостью этой субъективно-оценочной морфемы, которая была образована семантическим путем на базе суффикса *-оват-*, при помощи которого образуются в русском языке отсубстантивные прилагательные типа *мужиковатый, угловатый*, которым

свойственно значение “слегка похожий на кого-, что-нибудь какими-либо качествами” или “имеющий в какой-то степени что-нибудь” [178, 204].

Прежде всего, следует отметить, что в данном случае речь идет о производных другого словообразовательного типа, то есть о десубстантивных адъективах с суффиксом *-оват-*. На наш взгляд, в пределах этого структурного типа необходимо выделить 2 подтипа: 1) прилагательные с суффиксом *-оват-*, мотивированные неодушевленными существительными и 2) производные адъективы-мотиваты одушевленных существительных.

В “Грамматическом словаре русского языка” А.А. Зализняка фиксируется 19 производных второй группы⁷, мотивированных личными и неличными субстантивами, которые обозначают: 1) интеллектуальные особенности человека: *дураковатый, придурковатый, чудаковатый*, 2) физические данные: *молодцеватый, медвежесватый, стариковатый*₁, 3) морально-этические характеристики: *жуликоватый, хамоватый, шельмоватый, плутоватый, вороватый, фатоватый, хлыщеватый, мужиковатый*, 4) эмоциональные особенности: *трусоватый, стариковатый*₂, 4) внешний вид: *щеголеватый, франтоватый*, 5) поведенческие особенности: *быковатый, бирюковатый*. Приведенная классификация лишь в грубом приближении систематизирует данную лексику, без учета синкретизма семантики некоторых из анализируемых слов, например, *фатоватый*: “(Разг.) Склонный к фатовству || Выражающий фатовство” [197, 1418], *фатовство* – это “поведение, поступки фата” [197, 1418]. Данная характеристика позволяет отнести производное в ряд слов, характеризующих человека с морально-этической точки зрения, но *фат* – то же, что франт, щёголь [197, 1418], то есть “ тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться” [197, 1434], следовательно, следует учитывать и параметр “внешний вид”.

Однако цель нашего исследования состоит в ином. Как отметил Ю. Д. Апресян, перечисленные слова должны иметь словообразовательные

⁷ Толковые словари не фиксируют слова *трусоватый* и *стариковатый*.

значения “слегка похожий на кого-, что-нибудь какими-либо качествами” или “имеющий в какой-то степени что-нибудь” [178, 204].

На основе словарных дефиниций можно сделать вывод об аксиологической маркированности мотиваторов анализируемых производных, большинство из которых обладает пейоративной коннотацией: “*Медведь*. 2. (Разг.) О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке (выделено нами – Л. Л.)” [197, 528], “*Хлыщ*. (Разг.) Франтоватый, развязанный и пустой человек; фат, прохвост” [197, 1446], (в МАС слово подается с пометой *неодобр.* [208, IV, 607]), “*Мужик* – 4. (Разг.-сниж.) О грубом, невежественном, невоспитанном, неопрятном мужчине” [197, 562], “*Бирюк*. – 2. (Разг.) Об одиноком, нелюдимом, угрюмом человеке” [197, 79] и т.д. Даже в словах с формальным положительным значением, например, “*Франт*. – Тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться. Щёголь” [197, 1434], “*Щёголь*. 1. Тот, кто нарядно, изысканно одет, кто любит наряжаться; франт” [197, 1509] присутствует элемент иронии. В слове *старик*, лишенном на уровне языка какой бы то ни было коннотации: “*Старик*. – 1. Мужчина, достигший старости” [197, 1260] – в процессе образования деривата *стариковатый*, который, на наш взгляд, выступает деривационным антонимом слова *молодцеватый*, обладая семантикой, сходной со значением слова *старообразный* (“1. Имеющий старческий облик, со следами старости (на лице, в походке и т.п.). 2. (Разг.) Занудный, поучающий, несовременный (О взглядах, манере разговора и т.п.)”), актуализируются прагматические семы ‘несовременный’, ‘немогущий’ и др.

Таким образом, те дериваты, которые содержат семантический компонент ‘имеющий в какой-то степени что-нибудь’ [8, 204], по сути выражают степень аксиологической оценки, что находит отражение в словарных дефинициях: “*Чудаковатый*. (Разг.) Несколько странный (выделено нами – Л. Л.), с чудачествами (о человеке). || Свойственный такому человеку” [197, 1485], “*Дураковатый* = *дурковатый*. (Разг.) Производящий впечатление придурка; несколько глуповатый (выделено нами – Л. Л.). || Свойственный такому че-

ловеку” [197, 288], “*Мужиковатый*. (Разг.) Недостаточно (выделено нами – Л. Л.) воспитанный; отличающийся отсутствием необходимого такта, манер в поведении, в отношении с кем-л. || Выражающий отсутствие достаточной (выделено нами – Л. Л.) воспитанности, культуры, образования; грубый” [197, 562], – выполняя ограничительную функцию.

В то же время нельзя не отметить факт известной фразеологизации семантики производного слова, поскольку в пределах структурно-семантической связи между производящей основой и производным актуализируется не весь объем семантики мотиватора, а лишь отдельные семантические признаки. Например, лексема *молодец* имеет три ЛСВ: “(Нар.-поэт.) 1. Молодой человек, достигший расцвета лет, крепкий и статный. 2. обычно: *мóлодец*. (Нар.-поэт.). Сильный и смелый герой; удалец и храбрец. 3. обычно: *молодѐц*. О том, чьи действия вызывают одобрение, удовлетворение у кого-л.” [197, 553], – а мотиватором к слову *молодцеватый* “имеющий бравый вид; статный, ловкий || Придающий такой вид” [197, 553] является ЛСВ-1, в частности, семы ‘статный’, ‘ловкий’. Нейтрализуется семантический признак ‘возраст’, в дефиниции нет указания на полноту / неполноту какого-либо качества. Общая положительная оценка передается уже всей основой слова, то есть семантика корня детерминирует деривационную семантику суффикса, который утрачивает размерно-оценочное значение и приобретает эмотивное значение.

В предложении *Жуликоватый незнакомец по имени Алеша подружится с ним* (Нов. мир, 2003, №3, с.11) стилевая отнесенность слова (оно дано с пометой “разг.”, как и большинство рассматриваемых нами в данном случае лексем), свидетельствует о динамике формирования семантической структуры данной лексемы. Толковый словарь определяет это производное не через существительное *жулик*, а как “склонный к жульничеству, мошенническим поступкам” [197], то есть аксиологическое значение корня слова *жуликоватый* корректируется деривационным значением суффикса. Различие в лексическом и словообразовательном значениях (“слегка похожий на кого-, что-нибудь какими-либо качествами” [8, 204]) и определяется, видимо,

оценочным компонентом в деривационном значении суффикса. В случае, когда суффикс утрачивает иные значения, кроме оценочного, а затем и его, вероятно, со временем происходит опрощение (ср. *чреватый*, *замысловатый*, *одутловатый*, *шероховатый* и др.), первым шагом к которому может быть развитие у относительного прилагательного качественного значения, например: – *По-прежнему он молодился – носил щеголеватые опойковые сапоги* (И. А. Бунин. *Деревня*). Прилагательные с суффиксом *-оват-* в РГ-80 характеризуются как имеющие общее значение “характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом”, а слово *щеголеватый* определяется по семантическому подтипу “имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом”, то есть ‘обладающий чертами щеголя’ [138, 288]. Толковые словари в семантике этого слова вообще не фиксируют значения отнесенности к лицу, фиксируя семемы: “1. Склонный к щегольству, 2. Нарядный изысканный, модный (об одежде, вещах и т.п.), 3. Молодцеватый, бравый [208, IV, 739]”, то есть очевидно развитие качественности. В приведенном примере лексема представлена в ЛСВ₂, и доминантной является аксиологическая семантика слова при нейтрализации размерно-оценочной семантики суффикса и развитии у него эмотивного значения.

Подобный механизм развития эмотивного значения у суффикса *-оват-* наблюдается и у некоторых производных, мотивированных неодушевленными существительными, например, *угловатый* в ЛСВ₃: “Лишенный естественной легкости, плавности движений; неуклюжий, неловки” и в ЛСВ₄: “Лишенный мягкости, грубоватый, резкий (в поведении, манерах)” [197, 1369].

3.4.12. К лексико-семантической группе прилагательных, продуктивных в сфере производства эвалюативов, в работе отнесены прилагательные цветовой семантики. Наиболее регулярными и продуктивными в русском языке являются образования от исконных, непродуцированных прилагательных. Прилагательные заимствованные, с членимой структурой основы, также способны сочетаться с суффиксами субъективной оценки, но с меньшей степе-

ную регулярности: *белый, черный, голубой, желтый, зеленый, красный, коричневый и салатový, сиреневый, жемчужный* и др..

В лингвистике существует неоднозначное понимание того, как прилагательные цветовой семантики подвергаются градации признака.

3.4.12.1. Некоторыми авторами колористические прилагательные определяются как носители объективно существующих свойств предметов, которые не подвергаются квантификации: “Эти свойства, которые можно назвать “натуральными”, всегда присущи объектам – если их отнять, то не станет объекта. Как известно, еще Аристотель считал, что цвет не приписывается, предидируется к субстанции, а присутствует в ней самой” [35, 36]. Однако наличие степени сравнения у данных прилагательных говорит о том, что цветовой признак способен подвергаться градации, в том числе и количественному уменьшению: ср. *голубой – голубее, менее голубой*. В данном случае *голубой* по отношению к компаративу воспринимается как менее интенсивный признак, а сочетание *менее голубой* свидетельствует о возможности уменьшения интенсивности проявления признака. Образования *голубоватый, голубенький* не означают в квантификации самого денотата, но позволяют сопоставлять различные степени его качества. Приведенные дериваты представляют собой “с одной стороны, разные грамматические степени, а с другой стороны, – обозначение разных степеней интенсивности с помощью разных словообразовательных аффиксов: увеличительности, уменьшительности, ласкательности. Это связано со способом восприятия мира как со стороны интеллектуальной, умственной, так и с чувственной стороны” [17, 319].

3.4.12.2. В пользу того, что цветовой признак подвергается градации, говорит способность данных прилагательных сочетаться с суффиксом *-оват-/-еват-*, образуя формы степени качества: “Прилагательные с суффиксом *-оват-* занимают особое место среди прилагательных, обозначающих степень признака. Они являются единственным средством объективного обозначения слабой степени, неполноты признака” [60, 344], в то время как суффиксы субъективной оценки создают субъективное восприятие признака, не давая представления об

объективных границах качества, ср: *беловатый, красноватый и беленький, краснехонький*. Наличие оттенка цвета само по себе говорит о квантификации признака: прилагательное *красноватое* может быть воспринято с ксеноденотатной семантикой, то есть как *розовое*, поскольку прилагательные с суффиксом *-оват-* “не выражают личного впечатления, а обозначают самое качество.”

3.4.12.3. В сочетании с суффиксами субъективной оценки прилагательные цвета могут создавать интенсивный эмоциональный тон высказывания в целом. Поэтому у адъективов данной группы в процессе производства эвалюативов может возникать как оценочный модуль (квантитативный), так и собственно эмотивный. Актуализация того или иного модуля происходит на синтагматическом уровне и в пределах принятого в социуме представления о свойствах предмета, поскольку “...не только “контекстуальное”, но и “внеконтекстное” значение слова всегда связано с определенными типами коммуникативных ситуаций” [141, 21]. Так, в предложении *Отец дал ему зеленоватую бумажку – трехрублевку...* (Нов. мир, 2002, №12, с. 89) использование прилагательного *зеленоватый*, а не *зеленый* (хотя, как известно, советские “трешки” были зеленого цвета) актуализирует оценочный компонент: возможно, денежная купюра уже не новая, потертая и именно поэтому утратила яркость цвета, он стал “менее зеленым”. В примере...*улыбалась матери и Галине Тимофеевне влажными голубоватыми зубами* (Нов. мир, 2003, №7, с. 113) используется адъектив *голубоватый* с ксеноденотатной семантикой, поскольку речь идет о белых зубах, высокая степень белизны которых подчеркивается таким образом. Оба деривата квалифицируются как квалитативы объективной оценки.

Субъективная оценка в колористических прилагательных на *-оват-* актуализируется в том случае, если употребленное прилагательное обозначает цвет, не свойственный данному предмету: *Помню, как мы были потрясены бездарностью этой роскоши, скрываемой от народа: диван и кресло в темно-бордовых... чехлах, ...стол... с графином желтоватой воды* (Нов. мир, 2002, №12, с. 38) – вода это “прозрачная, бесцветная (выделено нами – Л. Л.) жидкость” [197, 139], следовательно, дериват имеет негативный оттенок. Ср.: *Жел-*

товатый загар ровно покрывал тонкую, не суходольскую кожу ее широкоскуло-го лица, грубоватого, но почти красивого... (И. А. Бунин. Суходол) – *желтоватый* в отношении загара указывает на меньшую интенсивность пигментации кожи и синонимично слову *светлый*, что является положительной оценкой.

Наличие параметрического признака и субъективной оценки характеризует эти производные как собственно эвалюативы.

3.4.13. Субъективно-оценочный оттенок может быть привнесён в прилагательное и некоторыми другими суффиксами, не являющимися по своей природе субъективно-оценочными. Е. А. Земская не относит к оценочным прилагательным отсубстантивные адъективы, образованные с помощью суффикса *-ист-*: *лес – лесистый, жила – жилистый*. На наш взгляд, десубстантивные адъективы с суффиксом *-ист-* могут быть отнесены к оценочным дериватам, поскольку “прилагательное с суффиксом *-ист-* ... имеет общее значение “характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом”. Нередко к этому значению присоединяется дополнительная количественная оценка (выделено нами. – Л. Л.) (“обладающий большим количеством того, что названо мотивирующим словом...”) или качественная положительная характеристика (выделено нами. – Л.Л.)” [138, 289]. Вероятно, развитие у этого суффикса несвойственного ему оценочного компонента приводит к развитию у слова переносного значения: *Словно выставляя на показ жилистую свою фигуру, он так и вертится в кубе* (Нов. мир, 2003, №6, с.73-74) – *жилистый* в значении “сильный, крепкий, выносливый” [183]; *Затем ему представилось ненавистное, красивое ...самодовольное лицо... и с окладистой шелковистой бородкой...* (М. Вовчок. В глуши) – *шелковистый* в значении “блестящий, гладкий, мягкий” [197]; *Затем фигуристые красотки устроили в “Син Сити” показ мод* (АФ, 12 дек., 2003, с.28) – *фигуристые* в значении “имеющий хорошую или заметную фигуру» (СОШ).

Суффикс *-ист-* привносит в словообразовательное значение производных дополнительно качественное положительное значение, что квалифицирует последние как эмотивы с гипокористической оценкой.

3.4.13.1. Дериваты, в которых формант *-ист-* указывает на дополнительную количественную характеристику, определяются как качественные объективной оценки: *На окраине Омска в узкий болотистый залив с реки заплывали бревна...* (Нов. мир, 2003, №7, с.88) – “изобилующий болотами” [197, 89]. В «Словарных материалах-77» под ред. Н. З. Котеловой фиксируется окказионализм *правдистый* (с.111), где суффикс, эксплицируя сему ‘размер’, определяет дериват как интенсив.

3.4.14. Суффикс *-аст-*, с помощью которого образуются отсубстантивные прилагательные, например: *лоб – лобастый, глаза – глазастый, губа – губастый*, в грамматиках русского языка в значении суффикса субъективной оценки не значится. Е.А. Земская определяет данные дериваты как образованные “от основ имен существительных неодушевленных... с общим значением “наделенный тем, что названо производящей основой” [62, 281-282] (ср. “*молоткастый, серпастый советский паспорт*” (В. Маяковский). Грамматика-80 отмечает, что “прилагательные с суф. *-аст-* ... имеют значение “характеризующийся интенсивно выраженным внешним признаком, названным мотивирующим словом”. Мотивирующие существительные – немотивированные, главным образом со знач. части тела... В прилагательных данного типа... часто ярко выражена стилистическая окраска фамильярности” [138, 287]. Таким образом, данные дериваты относятся к производным объективной оценки с возможным развитием субъективной (положительной или отрицательной). В этом случае у относительного прилагательного развивается качественное значение: – *Пальцами, – хихикает языкастый физик* (Нов. мир, 2002, №7, с.13) – “(Разг.) Острый на язык; любящий поговорить, поспорить, поругаться” [197, 1532]. Иногда в контексте используются “сигнализаторы”, актуализирующие субъективную оценку деривата: *Впрочем, муж, мой скорее был волком... и со своим особым – угрюмым, значительным – поворотом лобастой, умной головы* (Нов. мир, 2003, №7, с.108); *И он ничего, глазастый этакий, показной, все цветы, помню, нюхал...* (М. Вовчок. В глуши). В первом предложе-

нии дериват относится к собственно эвалюативам с пейоративным значением, во втором и третьем – с мелиоративным значением.

3.4.15. По мнению авторов “Русской грамматики” (1980), прилагательные с суффиксом *-ат-* лишены способности выражать значение интенсивности, а производные, содержащие этот аффикс, имеют значение “характеризующийся внешним признаком, названным мотивирующим словом”. Мотивирующие существительные – немотивированные, преимущественно со значением части тела или какого-либо отличительного телесного признака: *зубатый, усатый, бородатый, рогатый...*” [138, 287]. При этом отмечается, что “этот оттенок (оттенок интенсивности – Л. Л.) присутствует в *носатый* ‘с большим носом’, *волосатый*, прост. *языкатый*” [Там же]. То есть при актуализации у данного суффикса параметрического признака, как правило, со значением ‘выше нормы’, у него развивается и субъективно-оценочная сема, что позволяет определять такие дериваты как собственно эвалюативы. Например, слово *волосатый* толковым словарем определяется как “1. Покрытый, обросший волосами; с густыми волосами” [197, 147]. Волосы в большом количестве являются нормой (следовательно, вызывают положительную оценку), только если у женщины они растут на голове, поэтому гипотетический контекст *В комнату вошел волосатый мужчина* несет информацию, что вошел мужчина либо с ненормально большим количеством волос на голове или с ненормально длинными волосами, либо с телом, руками, покрытыми волосами, что тоже есть отступлением от нормы, следовательно, вызывает негативную оценку. Как правило, о женщине с большим количеством волос на голове не говорят *волосатая женщина*, такое сочетание используется только в том случае, если волосы у женщины растут в необычных для женщин местах, например, на лице. Это также является отступлением от нормы и оценивается негативно.

3.4.15.1. Фактический материал свидетельствует, что производные с суффиксами *-аст-*, *-ат-* характерны, главным образом, для разговорной и художественной речи, что подтверждает сведения современных грамматик и фиксацию

толковых словарей: *И банщик для вольных содержался особый – бровастый Алиев, мастер попарить веником важного начальника* (Нов. мир, 2003, №6, с.122) – слово дано с пометой *разг.* [197]; – *Что брови-то поднимаешь? Полно, полно!.. Эх ты, броватая, через тебя мой Миколушка сироткою живет!* (М. Вовчок. В глуши) – слово в словарях не фиксируется как стилизованное.

3.5. Эвалюативные приставки имен прилагательных; аффиксоиды, сложение основ

3.5.1. Некоторые лингвисты (С. Г. Шейдаева и др.) к субъективно-оценочным приставкам относят приставку *пре-*. С. Г. Шейдаева отмечает: “Слова с этой приставкой отличаются от соответствующих суффиксальных форм прежде всего отсутствием в их семантике какого бы то ни было эмоционального значения” [178, 211]. А. Х. Востоков назвал данную приставку “усилительною” и сблизил ее с “усилительным окончанием”, под которым подразумевал суффиксы типа *-ехонек-* [36, 28-29]. И. Ф. Калайдович трактовал значение приставки *пре-* следующим образом: “Частица *пре* ...означает в сложении с прилагательным такое обилие качества, которое перешло обыкновенные пределы. *Пребогатый* значит как бы *перебогатый*, т.е. через меру богатый” [72, 117]. Авторы “Русской грамматики” (1980) отмечают: “прилагательные с преф. *пре-* обозначают высшую степень качества, названного мотивирующим словом” [138, 309].

Анализ фактического материала показал, что присоединение этого префикса к исходным прилагательным действительно указывает на интенсификацию признака, и это позволяет рассматривать их как квалитативы: *предобрый, премудрый, превеселый* или квантитативы: *превысокий, преглубокий*, то есть имеет место объективная оценка.

Согласно “Грамматике” (1980), такие прилагательные нередко “употребляются непосредственно после мотивирующего слова с целью усиления: *запоет что-нибудь старинное-престаринное* (Пауст.)” [138, 309]. По нашим

наблюдениям, такие производные используются с целью усиления признака в функции сказуемого: *Девчушка оказалась **презабавной** и рассказала нам о дачном поселке все* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки).

3.5.1.1. Если же префиксации подвергается эвалюатив, например: *Спустя несколько минут в моей руке оказался небольшой... **премиленький** плюшевый мишка-панда* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки), то производное следует рассматривать как экспрессив, так как приставка *пре-* усиливает в данном случае эмотивную оценку суффикса *-еньк-*.

3.5.2. Прилагательные с приставкой *раз-* обозначают “высшую степень проявления качества, названного мотивирующим словом: *развеселый, разнесчастный, разлюбезный...*” [138, с.310]. Как и в случае с приставкой *пре-* значение высшей степени на семантическом уровне проявляется в семе ‘очень’. В случае, если производящие основы имеют положительный или отрицательный модус оценки, приставка *раз-* эмоциональный модус дериватов не меняет, что определяет их как интенсивы: *...Тыквы у меня всегда **расхо-рошие*** (Нов. мир, 2003, №2, с. 66) – то есть, ‘очень хорошие.’

3.5.3. Приставка *по-* в русском языке многозначна, и семантика ее актуализируется в зависимости и от грамматических характеристик мотивирующего слова. Как приставка со значением уменьшительности она используется, если с ее помощью смягчается неодобрительная семантика сравнительной степени прилагательных, и со значением увеличения, если посредством ее усиливается одобрительное значение адъективного компаратива; в обоих случаях актуализируется сема ‘немного’ Поскольку собственным оценочным значением префикс не обладает, корректируя лишь аксиологический модус мотиватора, дериват определяется как интенсив: *Одежду **поплоче** и **постарее**...отнесла на помойку. Кофточки и платья **получше**...решила подарить знакомым* (Нов. мир, 2003, №7, с. 112); *Я шла медленно, выбирая, прежде чем шагнуть, место **почище*** (Нов. мир, 2003, №7, с. 110).

3.5.4. Приставку *-наи-*, которая “обозначает высшую степень проявления признака, названного мотивирующим словом”[25, 307] также можно отнести к

эвалюативным морфемам. Мотиваторами данных эвалюативов чаще всего есть образования с суффиксами *-ейш/-айш-*: *наиважнейший, наикрепчайший*. Семантика данных производных определяет их как интенсивы.

3.5.5. Префикс *недо-* также может принимать участие при образовании эвалюативных адъективов:.. “Указывает на неполноту, недостаточность действия или качества. ...недоразвитый, недорезанный, недобитый”(БТС), что маркирует дериваты как интенсивы, часто сопровождающиеся пометой *разг.*

3.5.6. В современном русском литературном языке используются приставки, указывающие на крайне высокую степень проявления признака относительно его нормы. К таким префиксальным формантам можно отнести *сверх-, супер-, архи-, экстра-* и некоторые другие: *сверхдальний, сверхновый, суперсовременный, суперэластичный, архиважный, экстраординарный* (СО). Данные производные, исходя из значения, определяются как интенсивы и характерны, прежде всего, для публицистического стиля: *Супертяжелая весовая категория находится на грани того, что интерес к ней скоро упадет...* (АФ, 9 дек., 2003, с.11).

3.5.7. В современном русском языке адъективные эвалюативы образуются также с помощью аффиксоидов и квалифицируются как интенсивы субъективной оценки. Оператором в образовании оценочных дериватов выступает, как и в имени существительном, префиксоид *полу-*: “*Полунаучный*. В какой-то степени научный, претендующий на научность (шутл.). *Выражаясь полунаучным языком, можно сказать: лечились кинотерапией*” [203, 147], ср. также *полумошеннический, полупонятный* [202, 195].

3.5.8. Эвалюативы от имен прилагательных, так же, как и от имен существительных, активно образуются способом сложения. Первой частью композитов выступают слова *мини, микро, ультра, гипер*. Так как значение этих частей, приносимое в деадъективные эвалюативы, совпадает со значением отсубстантивных эвалюативов, образованных аналогично, то мы ограничимся только примерами интенсивов: *ультракороткий, гиперактивный* (БТС); *микроподслушивающий, минитермоядерный* [201,122], демонстрирующих объективную оценку.

3.5.8.1. Для образования отадъективных эвалюативов характерна редупликация: *...носочки, тугие до неприятного надавливания на большие пальцы, но зато беленькие-беленькие и пушистые* (Нов. мир, 2003, №9, с. 55). Повторение мотиватора усиливает его семантику, в данном случае эмотивную, что в результате трансформирует эмотив в собственно эвалюатив: *Паутина над нами летит невесомая-невесомая!* (Нов. мир, 2002, №4, с.109). *Золото стало бледным-пребледным* (Нов. мир, 2003, №7, с.45). Редупликация привносит в значение мотиватора сему 'очень' и классифицирует дериваты как интенсивы объективной оценки.

3.6. Выводы к главе 3

3.6.1. Производить эвалюативы могут только качественные прилагательные “как переменные в количественном отношении, в отношении интенсивности.”

3.6.2. В работе предлагается классификация отадъективных эвалюативов и соответствующая терминология: эмотивы, для которых актуален эмотивно-оценочный компонент, квантитативы, денотативное значение которых соотносится с параметрическими характеристиками предмета или явления, квалитативы – эвалюативные дериваты, в семантике которых актуальным компонентом является усиление /ослабление меры качества (квантитативы и квалитативы относятся к объективной оценке), собственно эвалюативы, в лексическом значении которых одновременно интенсифицируется признак, названный производящей основой, и субъективная оценка факта действительности. Граница между указанными типами подвижна.

3.6.3. Определение деривационного значения эвалюативного форманта позволяет установить их языковой статус – самостоятельных слов или форм другого слова. К фактам словообразования в данной работе вслед за Е. Куриловичем отнесены мутационные словообразовательные типы. Квалификация оценочного суффикса как модификационного или мутационного обусловлена различными функциями самого форманта. В работе выделены следующие функ-

ции суффиксов: 1) ограничительная, 2) эмоциональная, 3) стилистически-стилевая. Для русского языка характерна полифункциональность суффиксов.

3.6.4. Ряд морфов, выступающих деривационными операторами в создании оценочных деадъективов, является открытым. Можно лишь утверждать, что в парадигме этих суффиксов наиболее продуктивны *-оньк-/еньк-, -ущ-/ющ-, -енн-, -охоньк-/ошеньк-, -ейш-/айш*.

3.6.5. Оценочные дериваты от прилагательных могут образовываться и с помощью префиксов. При помощи приставок *пре-, раз-, по-, наи-, недо-* образуются эвалюативы с аугментативным и деминутивным значением. Конкретное значение определяется контекстом. Приставки *сверх-, архи-, ультра-, супер-, экстра-*, указывая на очень высокую степень проявления признака, выступают в разновидности интенсивов.

3.6.6. Особый разряд отадъективных эвалюативов составляют композиты, первой частью которых являются заимствования типа *мини, микро, гипер, ультра*. Для эвалюативов характерна и редупликация. Данные дериваты также относятся к интенсивам.

3.6.7. Особенности эвалюативных прилагательных были описаны нами в статье “Лексическая деривация: функциональная характеристика прилагательных субъективной оценки” в сборнике научных работ “Система і структура східнослов’янських мов: сучасні тенденції розвитку слов’янських мов”(2002, С.64-69).

ГЛАВА 4

ЭВАЛЮАТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ НЕИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ. НАРЕЧИЕ. КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ.

4.1. Языковой статус категории наречия

4.1.1. Фактический материал свидетельствует о наличии производных оценочных наречий, что является основанием специального их исследования в данной работе. Однако установить, являются ли адвербиальные эвалюативы отнаречными же производными, возможно лишь при рассмотрении языковой природы наречия. Определение грамматических признаков, семантической наполненности и синтаксической функции наречия позволяет определить характер адвербиального эвалюатива.

4.1.2. Вопрос о статусе категории наречия в системе частей речи, как известно, долгое время оставался нерешенным. Отсутствие единства взглядов на морфологическую природу наречия объяснялось, во-первых, этимологическими связями последних с другими частями речи, во-вторых, выполнением наречиями обстоятельственных функций, на основании чего к данной категории некоторые лингвисты причисляли лексемы иных лексико-грамматических групп. Таким образом, в языкознании были сформированы морфологическая и синтаксическая точки зрения на наречие [29, 273]. Сущность первой заключалась в рассмотрении наречия как грамматической формы, имеющей этимологические связи с именами существительными и прилагательными. В таком случае возникали проблемы с частеречной отнесенностью непроизводных с синхронной точки зрения наречий типа *вчера, здесь* и др. Вторая точка зрения признавала наречие исключительно синтаксической категорией. В этом случае “наречием могут быть разные части речи, в разных отношениях употребляемые” [3, 402].

4.1.3. В современном языкознании наречие рассматривается как „грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, непря-

гаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения” [29, 273]. РГ-80 определяет наречие как „часть речи, обозначающую непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качество или свойство” [138, 703].

Таким образом, признание наречия самостоятельной частью речи обязывает рассматривать словообразовательные процессы в рамках данной лексико-грамматической категории без рефлексии к этимологическим связям, что позволяет говорить о наличии собственно адвербиального эвалюатива. Однако, обладая морфологической общностью, наречия объединяют группы слов с весьма различными семантическими и синтаксическими свойствами, поэтому необходимо, прежде всего, четко определить семантическую наполненность наречных наименований, чтобы отнести их к единому морфологическому разряду.

4.1.4. Установление морфологической природы наречия и его семантической отнесенности позволяет решить, самостоятельный или отраженный характер имеют все словообразовательные процессы, протекающие в данном лексико-грамматическом классе. Без решения этой проблемы любые исследования в области словообразования (установление семантической и формальной мотивации, определение структурных и семантических комплексных единиц словообразования, способы словообразования) представляются невозможными. Поэтому первоочередной задачей является деление всех адвербиальных лексем на морфологические разряды, в рамках которых будут рассматриваться семантические группы.

4.1.5 Традиционно представление о наречии как о части речи, обозначающей признак признака („признак второй степени” [16, 56]) или действия, а также „обстоятельства другого качества или действия” [29, 272]. В связи с подобным пониманием сущности наречия в морфологии противопоставляются наречия качественные и обстоятельственные. Такое деление является

принципиальным в системе адвербиальной лексико-грамматической группы и отражает лишь самое общее представление о семантике наречия как определяющей и называющей обстоятельства действия. Существуют лексические пласты наречий, не укладывающиеся в рамки данного деления, однако все они выделяются в пределах данных двух больших групп как подгруппы. Это объясняется тем, что „наречие из всех частей речи представляет в морфологическом отношении наиболее пеструю категорию, отчетливо сохранившую следы своего синтаксического происхождения из обстоятельств и свою первичную обстоятельственную функцию” [56, 27]. Синтаксическая же функция на синхронном срезе языка превалирует при определении частеречной принадлежности гибридных классов слов. Таким образом, наречие „включает в себя сложную систему довольно далеких друг от друга типов слов и является сферой взаимодействия между частями и частицами речи” [29, 317].

4.2. Морфолого-семантические группы наречий и их словообразовательная характеристика

4.2.1. Для определения семантики наречия как производного и одновременно производящего слова неприемлемым оказывается деление наречий с точки зрения синтаксической сочетаемости на 1) атрибутивные; 2) адъективные; 3) предикативные [154, 123-124].

С точки зрения семантики грамматической формы принято выделять качественно-определятельные и обстоятельственные разряды. Академик В. В. Виноградов выделял также „1) наречия предметно-обстоятельственные, соотносительные с именами существительными; 2) наречия качественные или качественно-относительные, связанные с именами прилагательными; 3) наречия числовые, количественные; 4) наречия процессуальные, действенные” [29, 274-275]. Наречия 1-й, 2-й, 3-й групп В. В. Виноградов относит к обстоятельным и противопоставляет грамматической группе качественно-относительных наречий (2-я группа). Обстоятельные наречия с точки зрения семантики делятся на наречия времени (*издавна, засветло, миг* и др.), ме-

ста (*сзади, издали, вбок* и др.), причины (*сослепу, по случаю* и др.), цели (*назло, нарочно* и др.). Не отрицается возможность существования диффузных групп (таких, как качественно-обстоятельственные), которые имеют черты и свойства двух названных разрядов.

4.2.2. Собранный нами фактический материал доказывает, что наиболее перспективной с точки зрения эвалюативного словопроизводства представляется группа определительных наречий, например: *густо* → *густенько*, *мало* → *маловато*, *мелко* → *мелконько*, *легко* → *легонько* и др. Причем наиболее продуктивными в сфере эвалюативной деривации оказываются качественные наречия как один из разрядов определительных. Количественные наречия, наречия образа и способа действия (*по-хорошему, по-старому, по-новому* и др.) в данном случае непродуктивны, даже если мотивирующие их лексемы способны производить эвалюативы.

4.2.3. В определительных наречиях возможна квантификация значения, как и в соотносительных с ними именах прилагательных, о чем свидетельствует система степеней сравнения: *гуще, легче, дальше* и др. Следовательно, наречия, коррелирующие в синхронном плане к качественным именам прилагательным, сохраняют принадлежность к тому же семантическому полю, что и производящий адъектив. В таком случае между наречием и прилагательным возникают транспозиционные словообразовательные отношения, сущность которых сводится к сохранению лексического значения и изменению грамматического значения в производном, т. е. эвалюатив будет являться синтаксическим дериватом в отношении своего производного: *легкий* → *легко*; *мелкий* → *мелко*. Подобное тождество семантики подкреплено в диахроническом плане процессом адвербализации краткой формы прилагательного мужского рода. С точки зрения морфологии, этот процесс “заключается не столько в приобретении новых признаков, сколько в утрате имеющихся” [80, 15]. Сохраненная же семантика атрибутивности позволяет отражать степень качества, меру признака и эмоциональную оценку глагольного действия. Результатом этого отражения выступают эвалюативные адъективы. Та-

ким образом, “на базе морфолого-синтаксического образования наречий появляется новый способ словообразования наречий – морфологический” [80, 21].

4.2.4. Качественные наречия, восходящие к качественным прилагательным, имеют ту же семантическую отнесенность:

а) семантика общего размера количества, где пропорционально представлены наречия, обозначающие как малую величину, так и большую: *мало, много, немного*. Следует отметить, что многие адъективы данной семантики, продуктивные в эвалюативной деривации, не образуют наречий: *большой, миниатюрный, коренастый, видный* в значении “заметный”, *мелкий* в значении “небольшой”. Очевидно, что адвербиальный блок, в состав которого входит эвалюативный дериват, в подобном словообразовательном гнезде соответствует пустой клетке. Вместе с тем, некоторые эвалюативные наречия подобной семантики в лексикографических источниках традиционно объясняются через значение эвалюативного прилагательного, без соотнесения с производящим наречием; тем самым подразумевается синтаксическая деривация, например: *Здоровенький*. ласкт. *Здоровенько* нар. здорово, изрядно здорово (СД).

б) семантика конкретных параметров (длина, ширина, высота, глубина): *коротко, близко, густо, долго, мелко, глубоко*: «*Короткий. Коротенький*. Разг. Уменьш.-ласк. (1-4 зн.). *Коротенько*. Нареч. Разг.» (БТС). Однако в русском языке часть прилагательных данной семантики, продуктивных в производстве адъективных эвалюативов, не образует наречий. Этим обусловлено наличие внутриязыковых лакун, например, прилагательные *худой, кубастый* и их эвалюативные дериваты соответствуют семантическим и деривационным лакунам на месте адвербативов. Так, возможно существование наречия *худо* в том же значении, что и производящее прилагательное, но эвалюативные дериваты от данных наречий не зафиксированы толковыми словарями русского языка; прилагательное *кубастый* вообще не образует наречия.

4.2.5. В толковых словарях русского языка эвалюативные наречия объясняются двояким образом. Во-первых, лексическое значение производного наречия рассматривается через призму лексического значения исходно-

го прилагательного. В таком случае наречие-вокабула чаще лишено каких бы то ни было функционально-стилистических помет, указывается лишь мотивирующее прилагательное, например: “*Грязный. Грязенький.* Смягчит. (кроме 2 зн.). *Грязенько.*”, “*Поздноватый.* Разг. *Поздновато,* нареч.” (БТС). Тем самым эвалюативное наречие в своем значении соотносится со всеми лексико-семантическими вариантами (или с большинством) названного имени прилагательного. Соответственно, никакого приращения смысла в эвалюативном наречии не происходит, не возможна также фразеологичность семантики. Следовательно, перед нами словообразовательный тип транспозиционного словообразования. В том случае, когда эвалюативное наречие толкуется через исходное наречие, которое включено в словообразовательную перифразу, словарь снабжает вокабулу различными пометами, например: “*Близко. Близенько.* Разг.” “*Живо,* нареч. *Живехонько; Живешенько,* нареч. Разг. (4 зн.).” (БТС). Помимо этого, деадвербиальное эвалюативное наречие, во-первых, может соответствовать далеко не всем ЛСВ исходного наречия и мотивирующего их прилагательного, во-вторых, может иметь самостоятельное лексическое значение, например: *легко* → *легонько* → *легонечко*. Исходное наречие соотносится с первыми пятью лексико-семантическими вариантами производящего прилагательного. Эвалюатив первой степени производности *легонько* имеет стилистическую помету “разг.”(БТС) и вместе с тем не соответствует всем семам мотивирующего наречия, а следовательно, всем лексико-семантическим вариантам мотивирующего их адъектива *легкий* (БТС). Однако, если принять во внимание двойную мотивацию эвалюативного наречия *легонько* наречием *легко* и прилагательным *легонький*, необходимо отметить у последнего эмотивную характеристику “ласкательное”, что фиксируется РГ-80 (с.299). Адвербиальный эвалюатив ее не сохраняет. Что же касается эвалюатива второго порядка *легонечко*, то толковым словарем русского языка (БТС) зафиксировано только одно лексическое значение: «слегка, чуть-чуть» с пометой “разг.” Несомненно, это лексическое значение имеет производный характер, соотносясь с основной семьей сте-

пени качества прилагательного *легкий*, но в толковом словаре не сделана никакая-либо отсылка к прилагательному. В пользу того, что эвалюатив второго порядка имеет самостоятельное лексическое значение говорит и то, что нет слова *легонечкий*.

Таким образом, эвалюатив первой степени производности не является эмотивом, то есть, такой языковой единицей, „в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения” [176, 24]. Эвалюатив же второго порядка содержит в своем значении экспрессивную сему, которая “имеет фактор адресата и преследует определенный эффект воздействия на него” [176, 27].

4.2.6. Многие производные-эвалюативы первого порядка с семантикой малой величины могут быть признаны экватами: “В разговорной речи такие слова нейтральны. ... Попадая в книжную литературную жизнь, они приобретают оттенок сниженности” [61, 10], например: *коротенько*, *немножко* и т.д. – те наречия, которые в толковых словарях имеют только стилевую помету “разг.”, без указания на характер экспрессивной оценки.

4.2.7. В этом случае нарушается принцип языковой экономии, сущность которого заключается в предпочтении одной лексемы целому ряду моносемичных лексем. В сфере словообразовательной в противоречие входят “компрессивная функция, сущность которой произвести более краткую номинацию, и экспрессивная, задача которой получить экспрессивную форму выражения” [61, 8]. В соответствии с первой оправдано существование исходной лексемы, которая при необходимости соответствовать своей внутренней форме, может содержать эмотивность и экспрессивность. Для выполнения экспрессивной функции в большинстве случаев необходимо более сильное средство выражения, что подтверждает релевантность вторичных эвалюативов словообразовательного характера. Возможно, именно этим противоречием объясняется утрата таких нейтральных форм как *исподтиха*, *потиху*, *полегку* в русском языке: “С утратой первоначальной формы наречие

“исподтишка” перестало осознаваться как уменьшительное, и его этимологический состав стал неясным” [158, 20]. Однако наличие эмотивности на уровне внутренней формы подтверждается ограниченной стилистической употребляемостью подобных слов.

4.2.8. Следует отметить, что, во-первых, существование вторичных адвербиальных эвалюативов относится к фактам диахронии, а для современного русского языка подобные словообразовательные типы признаются непродуктивными, о чем свидетельствует слияние аффиксов в единый словообразовательный формант (*-енечко-*, *-юсенько-*). Во-вторых, в случае адекватности лексического значения может происходить утрата одного из семантических дуплетов (исходного слова или эвалюативного деривата), тогда в сохранившихся дериватах в результате лексикализации может произойти опрощение основы.

4.2.9. Осваивая окружающий мир, человек обозначает релевантные для себя явления различными категориями. Не менее важным, чем количественное и качественное определение мира, является познание человеком своего внутреннего мира, с одной стороны, и себя, как части объективной действительности. То есть, человек научился определять себя с точки зрения внутренних (интравертных) и внешних, направленных на окружающий мир (экстравертных), свойств. На языковом уровне это явление нашло выражение в существовании прилагательных, обозначающих внешние (конкретные) и внутренние (отвлеченные) свойства человека. А поскольку “с момента появления нового качественного прилагательного рождение наречия от него становится почти неизбежным” [55, 47], то ко второй лексико-семантической группе производных основ следует отнести такие наречия, как *красиво*, *ладно*, *криво*, *живо* и др., обозначающие внешний вид, свойства человека. Эвалюативные наречия данной семантики широко представлены в русском языке: *красивенько*, *ладненько*, *кривенько*, *живенько* и др. Как правило, словари соотносят их с эвалюативными же прилагательными: *ладненький* → *ладненько* [197, 485]. “Словообразовательный словарь русского языка” А.Н. Тихонова учитывает и возможность множественной мотивации, добавляя: *ладно* →

ладненько. Это позволяет сделать вывод, что эвалюативные наречия могут быть результатом как транспозиционного, так и нетранспозиционного словообразования. В первом случае используется нейтральный в плане оценки суффикс, а во втором – оценочный. Объяснение, каким именно путем подобные образования попадают в язык, следует искать, по-видимому, в сфере психолингвистики. Человеку свойственно воспринимать себя как активно действующего субъекта. Оценивая свои качества и свойства, человек одновременно дает оценку характеру своего действия. Одним из средств выражения оценки действия на языковом уровне является атрибут при глаголе, выраженный наречием. Но поскольку эвалюативные прилагательные, определяющее то или иное качество человека, содержат, помимо рациональной оценки, и эмоциональную оценку, то и наречие должно быть эмотивным: “Внутри лексического значения слова эмотивная сема всегда будет противопоставлена другим семам, образуя тем самым внутрисемную парадигму” [177, 20]. При транспозиции набор сем эвалюативного прилагательного производного в эвалюативном наречии остается неизменным, поэтому усматривать мотивацию последнего нейтральным наречием целесообразно только при отсутствии, во-первых, в языке соответствующего эвалюативного прилагательного, или, во-вторых, при изменении у наречного эвалюатива компонентов внутрисемной парадигмы и приобретении нового значения.

4.2.9.1. В отдельную группу можно отнести наречия, обозначающие внутренние, психофизические свойства человека и морально-этические характеристики: *нежно, лениво, бодро, жалобно, весело, вежливо, культурно, нудно, покорно, быстро*. Непродуктивными в сфере производства эвалюативных наречий являются прилагательные книжного употребления: *гордый, верный* и др. Что касается семантической мотивации, то толковыми словарями русского языка не соблюдается какая бы то ни было последовательность в соотнесении данных эвалюативов с прилагательным и качественным наречием. Но поскольку семантика эвалюативов данной группы является отражением свойств субъекта, относящегося к семантическому полю “человек”, то первичной представляется атрибуция при

имени, а не при глаголе. Другими словами, для возникновения производного наречия-эвалюатива необходимо наличие качественного прилагательного: “*Быстрый. Быстренький. Быстренько*, нареч.” (БТС).

4.2.10. К третьей лексико-семантической группе, продуктивной в производстве эвалюативов, относятся наречия, мотивированные качественными прилагательными с семантикой признака, присущего имени только с конкретным лексическим значением: *мутно, мягко, жирно, мокро, гладко, легко*. В русском языке эвалюативы данной группы мотивируются и эвалюативными прилагательными, и качественными наречиями: “*Жирный. Жирненький. Жирно. Жирненько*.” (БТС).

4.2.11. Четвертую лексико-семантическую группу формируют наречия, мотивированные качественными прилагательными с семантикой признака, присущего имени с отвлеченным значением: *давно, верно, долго, плохо* и др. Эвалюативы, произведенные от наречий данной группы, могут иметь самостоятельное лексическое значение, которое не включает в себя семы производящего наречия или прилагательного: “*Давненько*, нареч. Довольно давно. *Давнехонько; Давнешенько*, нареч. Разг. Очень давно.” (БТС).

4.2.12. Пятая лексико-семантическая группа – это немногочисленные наречия с семантикой цвета: *бело, зелено, черно*. Здесь тенденцией является семантическое соотнесение эвалюативных дериватов непосредственно с прилагательными цветовой семантики: “*Белый. Белехонький; белешенький. Белехонько, белешенько*, нареч. Нар.-разг.” (БТС).

4.2.13. Таким образом, продуктивными в сфере производства эвалюативов оказываются все качественные наречия, реально или потенциально существующие в русском языке, в том случае, если они являются результатом исключительно транспозиционного словообразования. В то же время не наблюдается возникновения эвалюативного наречия без существования нейтрального наречия: *долгий* → *долго* → *долгонько* (при наличии, однако, *долгонек*).

Существование же эвалюативного качественного наречия без наличия в языке соотносительного эвалюативного качественного прилагательного

возможно: *многий* → *много* → *многонько*, *немногий* → *немного* → *немножко* → *немножечко*, *давний* → *давно* → *давненько*

4.2.14. Следовательно, формально-семантические отношения между адвербиальным эвалюативом и производящим его словом обусловлены несколькими факторами. Во-первых, если качественное наречие не содержит никаких семантических сдвигов в своем лексическом значении по сравнению с производящим прилагательным, то с точки зрения семантики возможно допустить мотивацию “*Жидкий. Жиденъкий. Жиденъко*” (БТС) и т.д. В случае мотивации эвалюативного деривата прилагательным, словообразовательным формантом будет комплексная морфема, состоящая из оценочного и категориального наречного суффиксов (*-еньк-+о*). Формант присоединяется непосредственно к производящей основе, что соответствует принципу ступенчатого словообразования, состоящего в последовательном присоединении словообразовательных элементов. Сомнительным в таком случае представляется наличие суффиксов *-енько*, *-ехонько/-ешенько*, поскольку такой морф должен содержать модификационное словообразовательное значение, а дериват получен в результате синтаксической деривации. Однако “производные модификационных словообразовательных типов всегда принадлежат той же части речи, что и производящие” [15, 194].

4.2.15. В случае же возникновения у эвалюативного наречия нового семантического оттенка в лексическом значении, дериват относится к мутационному словообразовательному типу, например: *многохонько*, *многошенько* – “весьма, очень много”; *многонько* – довольно много, избыточно; (СОШ). *давнехонько* – “очень давно”(БТС).

4.2.16. Носителем мутационных словообразовательных отношений в подобном случае выступает эвалюативный суффикс. Поскольку транспозиционное образование включает в себя словообразовательные типы с мутационным значением, именно в данной ситуации логично говорить о едином суффиксе *-енько/-ехонько/-ешенько*. Финаль *-о* можно рассматривать как “квазифлексию”, т.е. это “часть морфа... мотивированного слова, обязатель-

но тождественна по фонематическому составу отсекаемой финали слова мотивирующего (разновидность субморфов)” [93, 233].

4.2.17. Некоторые лингвисты считают невозможным определить характер формально-семантических отношений между адвербиальным эвалюативом и производящей его основой, так как “финальное -о производящих наречий при формообразовании и словопроизводстве может усекаться (*тихо – тише, рано – ранее и раньше*), что не позволяет достоверно установить, принадлежит ли финальное -о производных наречий производящей базе или образующему суффиксу” [42, 107]. Такая неопределенность возникает в том случае, если заранее допускать возможность словообразовательного суффикса, обладающего самостоятельным деривационным значением, разрывать основу производящего слова. В русском языкознании подобное свойство закреплено лишь за межморфемными прокладками (интерфиксами). Если же отталкиваться от понимания ступенчатого характера русского словообразования и учитывать последовательное присоединение значимых морфем в деривате, то представляется возможным наложение субморфа -о в эвалюативном суффиксе на “квазифлексию”-о производящей основы.

Невозможность четко определить, действует ли в сфере производства эвалюативных наречий комплексный формант из двух суффиксов или единый словообразовательный суффикс, означает, то нельзя определить словообразовательное значение у деривата, установить СТ и отнести последний к определенной сфере деривации.

4.2.18. Таким образом, проблема мотивации эвалюативных наречий сводится к формально-семантическому соотнесению последних с эвалюативными прилагательными или с нейтральными качественными наречиями, либо с теми и другими одновременно. В структурных комплексных единицах словообразования подобная мотивация найдет отражение в одинарной или бинарной СЦ. На уровне семантических комплексных единиц словообразования эвалюативные дериваты будут отнесены к различным СТ.

4.2.19. Итак, все эвалюативные качественные наречия могут быть условно разделены на следующие группы: 1) наречия, допускающие двойную мотивацию (полимотивированные, бимотивированные), то есть, соотносимые как с прилагательными, так и с наречиями; 2) деадвербиальные (мотивированные экспрессивно нейтральными наречиями); 3) вторичные эвалюативные наречия, мотивированные оценочными наречиями.

4.2.20. Существует целый ряд эвалюативных наречий в русском языке, допускающих на синхронном уровне двойную мотивацию, например:

<i>зеленый</i>	→ <i>зелено</i>	→	<i>зеленько</i>
	→ <i>зеленький</i>	→	
<i>короткий</i>	→ <i>коротко</i>	→	<i>коротенько</i>
	→ <i>коротенький</i>	→	
<i>мелкий</i>	→ <i>мелко</i>	→	<i>меленько</i>
	→ <i>меленький</i>	→	
<i>дешевый</i>	→ <i>дешево</i>	→	<i>дешевехонько</i>
	→ <i>дешевехонький</i>	→	

4.2.21. Производный наречный эвалюатив в может быть возведен как к адъективному, так и адвербиальному генеративу. В первом случае эвалюативное наречие сохранит то же значение, что и мотивирующее его эвалюативное прилагательное. Являясь результатом синтаксической деривации, эвалюативные наречия, мотивированные подобным образом, в толковых словарях не сопровождаются какими-либо специальными пометами.

Деадвербиальный наречный эвалюатив может быть результатом как модификационных, так и мутационных словообразовательных отношений. Модификация имеет место тогда, когда дериват приобретает оценочно-экспрессивное значение, не изменяя своего лексического значения. Такие

эвалюативы в толковых словарях сопровождаются пометами: “*Близко. Бли́зенько*. Разг. *Близэ́нько*, нареч. Град.-нар.” и др. (БТС).

4.2.21.1. Такой различный подход к толкованию и оформлению вокабул русскими толковыми словарями обусловлен, по-видимому, экстралингвистическими причинами, нашедшими отражение в языковых формах. То, что для русского языка характерно нивелирование стилистических особенностей, некоторое сглаживание экспрессивности эвалюативов с суффиксом *-еньк-*, можно объяснить, прежде всего, проникновением норм литературного книжного стиля в сферу разговорного и бытового. Социальная обусловленность подобного явления требует отдельного рассмотрения в области социолингвистики.

4.2.22. Необходимо отметить, что в зависимости от характера мотивации наречного эвалюатива, трансформация лексического значения происходит в двух направлениях. Исходное качественное прилагательное в рассматриваемых СЦ представляет исходный полный набор возможных семем. В процессе деривации данные составляющие способны изменять свое положение по отношению к центру и периферии общего семантического поля. Производя наречие, качественное прилагательное способно либо полностью сохранять набор своих сем в наречном деривате, либо актуализировать отдельные ЛСВ в производном, утрачивая остальные. Иными словами, при образовании качественного наречия может происходить сужение семантического объема мотиватора. Так, например, в русском языке наречие *весело* тождественно по значению прилагательному *веселый* в ЛСВ₁ “полный веселья” и в ЛСВ₂ в значении предикатива. В значении же прилагательного “приятный для глаза” наречия не существует, то есть лексическое значение наречия, его семантика уже, чем семантика прилагательного.

4.2.22.1. Наречный эвалюатив *веселенько* имеет значение “довольно весело” и, будучи мотивированным наречием *весело* во всем объеме его семантики, содержит все ЛСВ производящего наречия, дополняя общую семантику семой интенсивности. Следовательно, семантика деривата шире семантики мотиватора.

4.2.23. Таким образом, наречный эвалюатив, мотивированный производным прилагательным, в бинарной СЦ имеет вторую степень производности и непродуктивен в дальнейшем словопроизводстве. В том случае, если исходное прилагательное является уже мотивированным, СЦ будет четырехчленной, а наречный эвалюатив имеет третью степень производности, например:

	→	<i>культурно</i>	→	
<i>культура</i>	→	<i>культурный</i>		<i>культурненько</i>
		→	<i>культурненький</i>	→

4.2.24. В случае семантической тождественности эвалюативов 1-й и 2-й степени, последний образован при помощи инфикса, имеющего значение интенсивности. Если же эвалюатив второй степени не совпадает по семантическому объему с эвалюативом первой степени, то формально-семантически он соотносится с эвалюативным прилагательным. В таком случае способом производства следует считать суффиксацию.

4.2.25. Если исходить из того, что “основными признаками производных, диктующими их объединение в СТ, ... является единство СЗ и форманта. Конечный продукт словопроизводства (производное слово) в пределах СТ характеризуется единством части речи, тогда как исходный продукт (базовая основа) может быть взят из запасов различных частей речи” [61, 39], то все наречные эвалюативы, допускающие двойную мотивацию – эвалюативным прилагательным и качественным наречием, – а также дериваты, появившиеся в результате расхождения отношений формальной и смысловой производности, можно объединить в один СТ. В таком случае отпадает необходимость использовать понятие словообразовательного ряда.

В пользу подобного подхода свидетельствует отадъективное происхождение качественных наречий, мотивирующих эвалюативы. В случае же, когда на языковом уровне не реализовано эвалюативное прилагательное, а эвалюатив мотивирован качественным наречием, СЗ оценочного деривата может отличаться от СЗ наречного эвалюатива, допускающего двойную мотивацию. Это возможно потому, что интенсификации будут подвергаться те

наречные семы, которые не могут быть реализованы на языковом уровне эвалюативными прилагательными, например: *много* → *многонько*; *много* → *немного* → *немножко*; *давний* → *давно* → *давненько*.

4.2.25.1. Эвалюативы, образованные подобным образом, по-видимому, имеют несколько отличное от полимотивированных эвалюативов деривационное значение. Утрата качественного значения наречиями *многонько*, *немножко* и др. приводит к тому, что они переходят в разряд слов, служащих для количественного обозначения явлений действительности. Это подтверждает и тот факт, что в русском языке эвалюативы с суффиксами *-ехоньк-* / *-ошеньк-* от данных наречий не встречаются, поскольку данные аффиксы являются прежде всего стилистическими маркерами и интенсифицируют эмотивность.

4.2.26. Характерным для русской словообразовательной системы явлением следует считать способность эвалюативных наречий производить вторичные эвалюативы – дериваты с модификационным СЗ, например:

→ немножко → **немножечко**⁸ → **понемножечку**
много → *немного*
 → *понемногу* → понемножку →

→ *мало* → маленько → **маленечко**
малый
 → помаленьку → **помаленечку**

→ **тихонечко**
тихий → *тихо* → тихонько
 → *потихоньку* → **потихонечку**

4.2.26.1. Наречия *понемножечку*, *немножечко* и др. являются вторичными “в чистом виде”, так как при их образовании используется тот же суффикс, что и при образовании эвалюатива 1-го порядка – *-к-*. Однако существует мнение, что в данном случае можно говорить о наличии сложного словообразовательного форманта *-енечк-/-онечк-*: “имеет место ... комплекс морфем .., формант-комплекс можно было бы назвать аффиксом, если бы он обладал цельным значением” [98, 62].

⁸ Подчеркнуты эвалюативы 1-й ступени, формант в них выделен черным, эвалюативы 2-й ступени выделены черным, а формант в них подчеркнут.

Однако В. В. Виноградов подобный словообразовательный формант рассматривает как единый суффикс “-онечк-, -онечек с обостренным оттенком ласкательности: *тихонечко, хорошенечко, легонечко, маленечко* и т. д.” [29, 279]. В любом случае вторичные эвалюативы в своем словообразовательном значении сближаются с эвалюативами первого порядка.

4.2.26.2. Поскольку все рассмотренные в данном параграфе адъективные эвалюативы имеют в своем составе аналогичные суффиксы субъективной оценки и сближаются в своем деривационном значении, разграничивающим фактором будет отнесенность дериватов к слово- или формообразованию. Модификационные СТ, в которых образуются эмоционально-экспрессивные производные, в работе относятся к сфере формообразования, то есть к сфере образования лексических форм слова. Мутационные СТ объединяют дериваты с размерно-оценочным и количественным значением; они отнесены в работе к словообразованию.

4.2.27. При определении СЗ деривата релевантным оказывается, прежде всего, значение производящей основы, а также текст. В своей семантике все эвалюативные дериваты имеют общую сему интенсификации либо эмоций, либо количественности. Поэтому логично было бы объединить все адвербиальные эвалюативы в более крупную семантическую единицу словообразования, чем СТ. Так как все дериваты принадлежат к единой словообразовательной категории, то “СТ... получают способность входить в единицу более высокого ранга – словообразовательный архетип – это единица классификации словообразовательной системы, включающая в себя ряд типов с тождественным дериватом и характеризующаяся наличием у мотиваторов инварианта значения” [171, 49].

4.2.28. Следует отметить, что качественные наречия-эвалюативы являются последним звеном в СЦ и не участвуют в образовании новых дериватов. У адвербиальных эвалюативов наблюдается сохранение основных сем исходного слова СЦ, “которые передаются от ступени к ступени по словообразовательной цепи, начиная от исходного слова и кончая последним звеном” [152, 46].

4.2.29. Некоторые оценочные наречия способны, как уже указывалось, производить вторичные эвалюативные дериваты, используя при этом алломорфы тех суффиксов субъективной оценки, которые реализовали в собственной основе.

Кроме названного способа, СЦ может получать дальнейшее развитие в случае частичной или полной редупликации: *давно-давно, полным-полнехонько*, что является еще одним средством создания адвербиальных интенсивов.

4.3. Эвалюативное словообразование у предметно-обстоятельственных наречий

4.3.1. Определение формально-семантической мотивации обстоятельственных эвалюативов зависит от генетических связей лексем, формирующих данный морфологический разряд. Поскольку к предметно-обстоятельственным наречиям относятся, прежде всего, наречия, соотносимые с именами существительными, проблема заключается в том, являются ли эвалюативы отраженным явлением, или в данном разряде наречий существуют эвалюативные СТ.

4.3.2. Особенность лексико-грамматического разряда наречий, как уже упоминалось, заключается в соотносительности со всеми знаменательными частями речи и, прежде всего, – с предложно-падежными формами. Именно этот факт дает возможность некоторым ученым говорить о наречии не как о части речи, а как о синтаксической функции уже имеющих в языке частей речи.

Многие лингвисты считают, что, несмотря на формальную близость наречия и предложно-падежной формы, с синхронной точки зрения это омонимичные явления [189], [187].

4.3.3. Подвергаться адвербализации могли как непроизводные существительные, так и эвалюативные дериваты, выполнявшие те же синтаксические функции. Поэтому наречия, происходящие от предложно-падежных форм субстантивных эвалюативов, следует считать адвербализованными именными эвалюативами. В таком случае форма субъективной оценки “производна в том смысле, что круг ее действия зависит до некоторой степени от

норм, установившихся в категории имен существительных” [29, 290-291]. Наречия типа *вечерочком, утречком, калачиком, вволюшку, рядом* и др. содержат значение эвалюативности в своей основе, а не в деривационном значении, так как существуют аналогичные именные эвалюативы:

4.3.4. О собственно эвалюативном словообразовании в разряде обстоятельственных наречий можно говорить в том случае, если эвалюатив не соотносится с омонимичной лексемой другой знаменательной части речи. Так, наречие *рядышком* является собственно адвербиальным эвалюативом, поскольку аналогичного существительного нет на синхронном срезе языка, но есть непроизводное наречие *рядом*, которое послужило производящей базой для данного эвалюатива [213, II, 165]. Поэтому наречие *рядышком* следует считать отнаречным эвалюативом первой степени.

4.3.5. Эвалюативные производные возможны у наречий, образованных от глагольных основ или на базе словосочетаний и утративших живые связи с производящими базами, например: *втихомолку* → *втихомолочку*, *вразвалку* → *вразвалочку*, *вперевалку* → *вперевалочку*, *вдогонку* → *вдогоночку*.

4.3.6. Таким образом, продуктивными в сфере эвалюативной деривации следует считать такие формы наречий: 1) наречия, мотивированные наречными сочетаниями форм творительного падежа с предлогом *с* для обозначения характеристического сочетания: *работать с лентой* и т. д.; 2) наречия, восходящие к существительным в форме творительного падежа ед. ч. (*вечерком*), 3) к существительным ж. р. в форме винительного падежа с предлогом “в” (*всмятку*) [29, 291]. Непродуктивными в современном русском языке оказываются наречные основы, мотивированные числительными; мотивированные косвенными падежами местоимений в сочетании с предлогами (*отчего, зачем*); непроизводные, первообразные наречия, этимологически восходящие к местоимениям (*иначе, так, отовсюду, навсегда* и др.) [138], а также наречия образа и способа действия с суффиксом *-мя-*, мотивированные глаголами (*плашмя, ревмя*).

4.3.7. Следовательно, семантической группой предметно-обстоятельственных наречий, в которой эвалюативная деривация продуктивна на синхронном уровне языка, являются наречия образа действия, т. е. качественно-обстоятельственные. Наречия причины и цели эвалюативов не производят. Непродуктивен и разряд количественных наречий.

4.3.8. Суммируя вышесказанное, следует отметить, что оценочное словообразование в разряде обстоятельственных наречий носит нерегулярный характер. Основным способом производства эвалюативных дериватов следует считать инфиксацию, поскольку происходит вставка суффикса в производящую базу, при этом “инфиксы могут вставляться и внутрь аффиксальных морфем” [42, 117]. Под инфиксом в таком случае следует понимать не специфическую морфему, а способ словопроизводства, аналогично конфиксу (биморфеме), который является комплексным словообразовательным формантом при префиксально-суффиксальном способе производства.

4.3.9. Названные производные лексемы следует отнести к области модификации, поскольку у эвалюативных дериватов 1-го порядка ярко выражена гипокористическая семантика, а у вторичных эвалюативов реализуется экспрессивная функция с сохранением эмотивности, что делает такие производные стилистически маркированными. Именно на примере наречий обстоятельственного значения, которые не допускают интенсификации пространственной, временной и др. семантики объективной действительности, прослеживается влияние антропологического фактора не только на конкретную речевую ситуацию, но и на факты языкового уровня.

4.4. Деривационная характеристика аффиксов наречий; аффиксоиды, сложение основ

4.4.1 В образовании эвалюативных наречий используется тот же реестр морфем, что и при образовании именных и адъективных субъективно-оценочных образований. Однако эти словообразовательные средства давно

“прижились” в классе наречий и выполняют особую функцию – образуют наречия от наречий (*немного – немножко – немножечко, хорошо – хорошенько – хорошенечко*). Кроме того, значение эвалюативного суффикса наречия и именного суффикса нередко не совпадают.

Оценочные наречия и способы их образования были предметом исследования А. Х. Востокова [36, 104]. В. Классовский выделял у наречий две разновидности (“степени представления”) – уменьшительную и увеличительную [75]. О том, что во многих случаях “уменьшительный суффикс прибавлен уже на почве наречия”, в числе первых писал В. А. Богородицкий [16, 195].

В настоящее время разновидности оценочного значения у наречий в русских грамматиках отмечаются то как значения уменьшительности или ослабленности признака, ласкательности, усилительности [138, 401-403], то как значения “ослабленной степени признака”, “усиления признака с различными экспрессивными оттенками”, “усилительно-ласкательное”, “экспрессивное ласкательное” [45, § 720-723].

4.4.2. Эвалюативные адвербиальные дериваты на *-енько/-онько* имеют увеличительное (усилительное) деривационное значение, в отличие от прилагательных на *-еньк(ий)/-оньк(ий)*, имеющих уменьшительно-ласкательное значение. Первыми обратили на разницу в значении прилагательных на *-еньк(ий)* и соотносящихся с ним наречий Г. П. Павский и В. Водовозов, связывая значение усиления в последних с ударностью слога на *-ен.*, “однако все же вернее будет предположить, что усилительная семантика данных наречных образований унаследована от кратких форм прилагательных с суффиксом *-енек /-онек*, которые также имели усилительное значение” [178, 217]: ...она жила **тихонько**, **скромненько**, и только по воскресеньям... (И. С. Тургенев. Отцы и дети) – *тихонько* – “(разг.) 1. Очень тихо” [197, 1325], значения наречия *скромненько* словаря не приводят; – *Долго не уговаривай, – наказал отец. – Случай чего – подлей хорошенько...* (А. Леонов. Дорога не на Москву) – (Разг.) “Очень хорошо, как следует” [197, 1452] ; *Хитренько с Паротей-то он устроил, а смерть его перехитрила – взяла и стукнула* (П. Бажов. Малахитова шкатулка) – словарь не фик-

сирует значения этого эвалюативного наречия, однако то, что для него характерна усилительная семантика, следует из контекста, который можно интерпретировать так: хоть и очень хитро он устроил, а смерть его перехитрила. В данных примерах в общей семантике актуализируется сема ‘мера степени’, коррелируют семы ‘размер’, поэтому данные оценочные производные следует отнести к квалитативам объективной оценки.

4.4.2.1. Квалитативы могут образовываться не только способом суффиксации, а также способом графикации. *Пользуясь полутьмой, я протянул (ме-е-е-дленно) руку к горлышку бутылки* (Нов. мир, 2003, №11, с.11). Оценочно нейтральное наречие *медленно* в данном графическом выражении осложняется семой ‘очень,’ что равно семе ‘размер’. Дери́ват *ме-е-е-дленно* выступает синонимом к эвалюативу *медленненько* по аналогии, например, «*Тихонько*. 1. Очень тихо.» (БТС). *Медленненько* не фиксируется данным лексикографическим изданием. Аналогично в экземплификаторе: *Родители ко-о-гда померли* (Нов. мир, 2002, №7, с.14), где в эвалюативе, мотивированном местоименным наречием, таким образом актуализируется размерная сема ‘очень давно’, и он квалифицируется как квалитатив. Графическое словообразование есть единственным способом образования эвалюативов объективной оценки от этой группы наречий.

4.4.2.2. В современных грамматиках русского языка значение суффикса *-еньк/-оньк-* у наречий определяется как “некоторое усиление признака с различными экспрессивными (выделено нами. – Л. Л.) оттенками” [138, 401], что дает основание относить данные дериваты к собственно эвалюативам, например: *Обстановка – так, ничего, правда, тоже убогонько* (Нов. мир, 2002, №12, с. 44). Если наречие *убогонько* рассматривать как мотивированное прилагательным *убогенький*, то оно просто сохраняет семантику мотиватора: “Нар.-разг. Усилит. к *убогий*” [197, 1363], который в этом контексте используется в ЛСВ₄: “Слишком (выделено нами –Л. Л.) простой, скромный, незатейливый на вид.” [Там же]. В этом случае формантом является суффикс *-о*, носитель только категориального наречного значения. Если же мотиватором выступает наречие *убого*, которое тоже сохраняет семантику производящей

основы, то есть и значение более высокой по сравнению с нормой меры качества (сема ‘слишком’), то суффикс *-оньк-* в эвалюативе нейтрализует эту сему, “смягчая” высказывание, реализуя значение неполноты признака, ср.: *Обстановка – так, ничего, правда, тоже несколько убого*. Использование “смягчительного” суффикса в данном случае сопряжено с положительным модусом коммуникативной интенции⁹ говорящего.

Таким образом, кроме деривационного параметрического значения, суффикс *-еньк-/оньк-* может придавать слову еще и определенный эмоциональный оттенок. Это происходит, когда данный формант присоединяется к мотивирующей основе с отрицательным значением. Оценочные производные в этом случае выступают в разновидности собственно эвалюативов.

4.4.3. В отличие от образований с суффиксом *-еньк-* наречия с суффиксальными алломорфами *-ехоньк-/охоньк-*, *-ешеньк-/ошеньк-*, помимо размерно-оценочного эвалюативного значения, могут выражать еще и усиленную ласкательность. Их особенностью является то, что они “свойственны главным образом народно-поэтическому стилю” [29, 279]: *Паротина баба крутехонько обернулась* (П. Бажов Малахитова шкатулка); *Я постарался тихохонько выскользнуть* (Нов. мир, 2002, №4, с.17). ... *а эта зеленоглазая стоит себе спокойнешенько...* (П. Бажов. Малахитова шкатулка). Усиление оценочного компонента дает основание относить подобного рода производные к экспрессивам.

4.4.4. Суффикс *-оват*¹⁰ вычленяется в наречиях, производных от прилагательных на *-оват(ый)* или наречий, и обычно выражает значение ослабленности признака [138, 401]: – *Хорошо-с, только высоко немножко, темно-вато...* (И. С. Тургенев. Рудин). На наш взгляд, наречия-эвалюативы с суффиксом *-оват-* могут выражать и значение усиления признака, так же, как оценочные прилагательные с этим суффиксом: – *Реплики – потом! – резко-*

⁹ Под коммуникативной интенцией мы понимаем “Потребность в проявлении речи, возникающая при решении коммуникативной задачи” [211, 53].

¹⁰ Авторы Грамматики-80 в данном случае выделяют суффикс *-овато*, который присоединяется к усеченной основе мотивирующего наречия [138, 401].

вато осадил его Егор (В. Шукшин. Калина красная) – в данном случае “более резко, чем нужно” [197, 1113].

В данных предложениях оценочные образования относятся к квалитативам.

4.4.4.1. Кроме параметрического признака, свойственного суффиксу *-оват-* как его основное деривационное значение, он может передавать и отношение говорящего к тому, что названо производящей основой, то есть выражать личностную оценку: *Да помилуйте вы меня... Земли, конечно, маловато...* (И. С. Тургенев. Бурмистр) – в тексте имплицирован смысловой компонент ‘к сожалению’, который контекстуально обусловлен. В другом контексте это же наречие может приобретать смысл ‘к счастью’: – *Катя – на твоей, брат, совести, а вот насчет ребят из конторы не волнуйся: дураков там, прямо скажем, маловато...* (Нов. мир, 2003, №7, с.60). В этом случае оценочные производные будут относиться к собственно эвалюативам.

Ни в одном контексте нами не зафиксировано употребление наречия с суффиксом *-оват-* с нейтрализованным параметрическим значением при актуализации только семы эмоциональной, что определяло бы его деривационную функцию как эмотивную, а данные дериваты как эмотивы.

4.4.5. В. В. Виноградов отмечал, что чаще всего наречия, соотносимые не с прилагательными, соотносятся с формами существительных жен. рода в В. п. (*втихомолочку, всмяточку*) и с формами Т. п. (*утречком, калачиком, пешочком, с ленцой*) [29, 290]. Образованы данные наречия преимущественно с помощью суффикса *-к-*, заимствованного из имени существительного. “Наречия эти, объединенные общим модификационным (оценочным) значением ласкательности, составляют единый словообразовательный тип, по формальным признакам (часть речи мотивирующего слова с учетом грамматических особенностей последнего) четко разделяющийся на четыре группы: 1) *бочком – бочком, рядом – рядом, шагом – шажком, пешком – пешочком, порожняком – порожнячком*; 2) *стороной – сторонкой, украдкой – украдочкой*; 3) *вдогонку – вдогоночку, вразвалку – вразвалочку, вперемежку – вперемежечку, втихомолку – втихомолочку, всмятку – всмяточку, потихоньку – потихонечку, полегоньку – поле-*

гонечку, помаленьку – помаленечку; 4) хорошенько – хорошенечко, тихонько – тихонечко, легонько – легонечко, маленько – маленечко” [93, 23].

В данном случае нельзя согласиться с тем, что приведенные наречия относятся к одному словообразовательному типу, поскольку мотиваторами, основы которых используются как производящие для данных наречий, являются в первых двух группах адвербиализованные существительные, а в двух последних – наречия. Кроме того, сходство форманта (суффикс *-к-*) у приведенных дериватов только внешнее.

Во-первых, слова типа *боком – бочком, стороной – сторонкой* можно по-разному квалифицировать с точки зрения словообразовательной структуры, то есть они могут характеризоваться как суффиксальные производные от наречия же (*боком, стороной*), а могут быть результатом диахронического процесса и рассматриваться как производные, полученные морфолого-синтаксическим способом словообразования (адвербиализация соответствующих гипокористических форм существительного: *бочком, сторонкой*, подобно эвалюативу *калачиком* в примере *Девушка показала мне совсем маленькой девочкой, когда притомилась и заснула, свернувшись калачиком* (Нов. мир, 2002, №4, с.25)).

В любом случае морф *-к-* эксплицирует только ласкательное значение, следовательно, производное функционирует в речи как эмотив.

Слова третьей группы распадаются на две подгруппы: а) мотивированные и образованные от наречий с конфликсом *в-+-у*, который присоединяется к производящей основе, содержащей этимологически вычленимый суффикс *-к-* с процессуально-предметным значением (*растяжка → врас-тяжку → врас-тяжечку*), б) мотивированные и образованные от наречий с конфликсом *по-+-у*, который присоединяется к производящей основе эвалюатива 1-й степени производности, содержащей суффикс *-оньк- / -еньк-* (*тихонько → потихоньку → потихонечку*). Таким образом, слова группы “б” – это вторичные эвалюативы, как и слова четвертой группы, выделяемой В.В.

Лопатиным, которые тоже образованы от первичных эвалюативов с суффиксом *-оньк-* / *-еньк-* (*тихо* → *тихонько* → *тихонечко*).

Утверждение, что слова всех четырех групп объединены общим ласкательным значением суффикса, на наш взгляд дискуссионно. Действительно, слова 1 и 2 групп, а также подгруппы “а” 3-й группы содержат эвалюативный суффикс *-к-* с гипокористической семантикой, то есть являются эмотивами. В дериватах же подгруппы “б” 3-й группы и 4-й группы суффикс *-к-* усиливает уже имеющуюся семантику мотиватора, то есть производные характеризуются как экспрессивы: *Наконец Коротков не выдержал и, чувствуя, что голова его может треснуть от напряжения, тихонечко заплакал* (М. Булгаков. Дьяволица).

Кроме того, в приведенной классификации [93, 23] не учтена группа наречий с суффиксом *-к-*, мотивированных префиксальными наречиями, например, *нисколько* → *нисколечко*, *немного* → *немножко*: *Шальнов, конечно, свинья и обо мне нисколечко не думает* (Т. Полякова. Барышня и хулиган); *Я сначала вышел немножко поосвежиться* (Ф. Достоевский. Бедные люди). Параметрическая семантика мотиватора (*нисколько* – “Ни в каком количестве, ни в какой степени; ничуть” [208, 651], *немного* – “3. В некоторой степени; чуть-чуть, слегка” [208, 627]) посредством суффикса усиливается (*нисколечко*) или ослабляется (*немножко*). Кроме того, дериваты эмоционально окрашены, то есть определяются как собственно эвалюативы.

4.4.6. В русском языке эвалюативные наречия могут образовываться и с помощью приставок. Количественно такие производные значительно уступают подобным суффиксальным образованиям.

4.4.6.1. Префиксы могут детерминировать значение эвалюативного производного как аугментативное. Такую семантику имеет приставка *пре-*, которая была определена А. Х. Востоковым как “усилительная” [36, 104]. В “Русской грамматике” (1980) отмечается: “Для речи характерны экспрессивные образования: *преспкойненько...*” [138, 401]. На наш взгляд, подобная однозначность в отношении квалификации семантики префикса опровергает-

ся фактическим материалом: *Тогда мы ... сидели бы **преспокойненько** в тюрьме* (Т. Полякова. Барышня и хулиган). В этом случае дериват *преспокойненько* мотивируется собственно эвалюативом *спокойненько*¹¹; приставка, усиливающая деривационное значение суффикса *-еньк-*, переводит дериват в разряд экспрессивов. Если же приставка *пре-* присоединяется к исходному наречию (*спокойно* → *преспокойно*) : *Место тихое, я был уверен, что часа три он **преспокойно** полежит* (Т. Полякова. Барышня и хулиган), то такого рода производные определяются, например, как квалитативы, где приставка *пре-* вносит в производное усилительное значение признака.

4.4.6.2. К оценочным производным с усилительным значением относятся наречия с приставками *сверх-*, *архи-*, *ультра-*: *сверхинтересно*, *архибедно*, *ультрамерно*. Приставки *архи-*, *ультра-* обозначают: “1. ... высшую степень качества, свойства, состояния чего-, кого-л. ... *архиверно*” (БТС), “Архитрудно. Чрезвычайно трудно. *В городе стало **архитрудно** попариться веником* [203, 22]. Аналогично объясняется данным словарем и значение приставки *сверх-*: “1. Вносит зн.: крайняя, очень высокая степень какого-л. качества или состояния.” Производные с перечисленными приставками можно трактовать как квалитативы: *Он крутит баранку одной левой, а правую руку прикладывает к груди и, наклоняясь ко мне, **сверхдоверительно**... говорит*”. «Словарные материалы-78» Н. З. Котеловой, откуда взят этот пример (с.196), определяют значение деривата как «Очень доверительно, как ближайшему другу».

4.4.7. Эвалюативные наречия могут быть образованы с помощью аффиксоида *полу-*. Данный префиксоид вносит параметрическую характеристику в общее значение производного: “3. Вносит зн. сл.: не совсем, не до конца, почти, частично. *Полусерьезно*”(БТС), что определяет дериваты как примеры объективной оценки. В толковых словарях эти дериваты часто мотивируются прилагательными: *Полуграмотный. Полуграмотно* (2 зн.); *Полусознательный. Полусознательно*. (БТС).

¹¹ Данный дериват допускает множественность мотивации и может рассматриваться как суффиксальное производное от наречия *преспокойно*.

4.4.8. Сложение (чистое и осложненное аффиксацией) как способ образования эвалюативов также характерен для наречных эвалюативов: *Все казалось мне происходящим где-то далеко-далеко и не со мной...* (Нов. мир, 2002, №4, с. 18); *Мало-помалу разговорились* (Нов. мир, 2003, №3, с.16). Такого рода дериваты относятся к интенсивам.

4.5. Деривационные средства выражения оценки в словах категории состояния

4.5.1. Категория состояния (безлично-предикативные слова) выражают состояние – физическое или психическое – окружающей среды. Так как любое состояние допускает и даже предполагает оценивание, то лексико-семантических ограничений в образовании субъективно-оценочных производных от слов данной части речи нет, как нет и ограничений грамматических с учетом генетической связи этих слов, в большинстве своем, с наречиями и существительными.

Для образования эвалюативов от слов данной части речи используются те же аффиксы, что и в разряде наречий: *-еньк-*, *-охоньк-*, *-оват-* с той же деривационной семантикой: *М...да, произнес он, хреновенько, милостивые государи* (Д. Вересаев. Черный ворон); *“Что-то холодногато у вас, ” – старик снова зябко поежился* (А. Маринина. Украденный сон); *Одной здесь, наверное, страшновато* (Т. Полякова. Барышня и хулиган); *Охо-хо! Тошнехонько! – завопил Крот* (Нов. мир, 2002, №12, с.61). Дериваты образованы соответственно от безлично-предикативных слов, выражающих физическое, психическое состояние живых существ (*тошнехонько, страшновато*), окружающей среды (*холодногато*), положения дел (*хреновенько*).

Суффикс *-ехоньк-* в данном случае выполняет функцию меры физического состояния – абсолютно тошно, что есть актуальным компонентом общей семантики деривата. Такие оценочные производные мы относим к квалитативам. Суффикс *-оват-* эксплицирует значение ослабленности пара-

метрического признака, что позволяет его отнести к квантитативам. Соответственно они образуют группу интенсивов. Формант *-еньк-* в эвалюативе *хреновенько*, кроме семы ‘степень качества’, выражает оценку говорящего по отношению к сообщаемому, что позволяет квалифицировать дериват как собственно эвалюатив.

4.5.2. Субъективно-оценочные дериваты от безлично-предикативных слов могут образовываться и при помощи приставки *рас-* в значении “высшая степень проявления” [138, 310]: *распрекрасно*, *расчудесно*¹². Этот тип непродуктивен, по нашим наблюдениям, приставка присоединяется к основам мотиваторов с лексическим аксиологическим положительным значением: *Тогда будет мне по силам: десяток рядков картошки да грядочки, для себя. И будет расхорошо* (Нов. мир, 2003, №2, с.66). Приставка *рас-* интенсифицирует общую семантику производного – ‘положительная оценка’, поэтому логично отнести его к экспрессивам.

4.6. Выводы к главе 4

4.6.1. Признание наречий самостоятельной частью речи, обладающей собственными грамматическими категориями и разнообразной семантикой, позволяет говорить о наличии деривационных процессов в данном лексико-грамматическом классе.

4.6.2. Наиболее регулярно в русском языке образуются эвалюативы в группе качественно-относительных наречий. Наречия данной группы синхронно мотивированы качественными прилагательными и являются результатом транспозиционных словообразовательных отношений, сущность которых сводится к сохранению лексического значения в производном и изменению его грамматического значения.

¹² В СлСРЯ представлены только эти два деривата, а производное, которое приводится в последующем примере, является, видимо, окказиональным.

4.6.3. Продуктивными в сфере производства эвалюатива являются следующие группы качественных наречий, мотивированных прилагательными: а) с семантикой общего размера, неопределенного количества; б) с семантикой конкретных размерных параметров (длина, протяженность в пространстве, ширина, объем, высота, глубина). в) с семантикой психологических свойств человека; г) с семантикой внешних свойств и признаков человека; д) наречия, мотивированные прилагательными с семантикой признака, присущего имени только с конкретным лексическим значением; е) наречия, мотивированные прилагательными с семантикой признака присущего имени с отвлеченным значением; ж) с семантикой цвета.

4.6.4. Продуктивными в сфере производства эвалюативов оказываются все качественные наречия, реально или потенциально представленные в русском языке. Возможно образование адвербиального эвалюатива, даже если соотносительное эвалюативное прилагательное не реализовано. Наличие же оценочного наречия без мотивации его наречием, а непосредственно эвалюативным прилагательным невозможно. Носителями деривационного значения выступают суффиксы оценки *-енько/ -онько, -ехонько/-охонько, -ешенько/-ошенько, -ко, -овато*.

4.6.5. Все эвалюативные качественные наречия по характеру мотивации условно разделены на: а) наречия, допускающие двойную мотивацию; б) деадвербиальные наречия; в) деадвербиальные эвалюативы второго порядка, мотивированные наречными эвалюативами первого порядка. В случае адвербиальной мотивации наречного эвалюатива возможно возникновение как модификационных отношений (при образовании форм субъективной оценки), так и мутационных отношений (при образовании слова).

4.6.6. Нерегулярно эвалюативные наречия способны порождать вторичные эвалюативы. В таком случае чаще всего используется тот же суффикс, что и у эвалюатива первого порядка. Эти два суффикса возможно рассматривать как единый комплексный формант и тогда дериват мотивируется непосредственно исходным наречием.

4.6.7. Оценочные производные выделяются также в разряде предметно-обстоятельственных наречий, большая часть которых этимологически восходят к падежным и предложно-падежным формам имени существительного.

4.6.8. Среди субъективно-оценочных адverbативов с точки зрения семантики можно выделить квалитативы, экспрессивы, собственно эвалюативы. Все эти разновидности образуются при помощи уменьшительных и увеличительных суффиксов.

4.6.9. Наречные эвалюативы могут быть образованы также префиксальным способом (с помощью приставок *пре-*, *сверх-*, *архи-*, *ультра-*), с помощью префиксоида *полу*, сложением основ, способом графикации. Все дериваты, образованные подобным образом, кроме приставки *пре-*, относятся к примерам эвалюативов объективной оценки.

4.6.10. Для образования эвалюативов от слов категории состояния используются те же аффиксы, что и в разряде наречий: *-еньк-*, *-охоньк-*, *-оват-*, с той же деривационной семантикой, а также приставка *рас-/раз-*.

4.6.11. Образование эвалюативных адverbативов нами рассматривалось в статье “Адverbативные дериваты как репрезентанты категории оценки” в сборнике научных работ “Система і структура східнослов’янських мов: сучасні тенденції розвитку слов’янських мов”(2001, С.42-47).

ГЛАВА 5
СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
ОЦЕНОЧНЫЕ ДЕРИВАТЫ,
МОТИВИРОВАННЫЕ СТРУКТУРНЫМИ СЛОВАМИ

5.1. Глаголы с оценочным компонентом в истории изучения

5.1.1. Являясь одной из основных частей речи, глагол находится в центре изучения деривационных процессов. Однако субъективно-оценочные производные, мотивированные глаголом, до сих пор не были объектом специального исследования. Т. А. Космеда, определяя природу оценки, выраженной разными частями речи, отмечает что “номінація оцінних понять дієсловом також має свої особливості” [81, 270], но далее эту мысль не развивает.

Причиной сложности исследования данного вопроса, видимо, является то, что “семантика глаголов по сравнению с другими частями речи намного более сложная” [178, 222]. Выражение оценки в глаголе обычно сочетается с целым рядом других его значений, в результате чего оценочный компонент оказывается скрытым за общей сложной глагольной семантикой.

5.2. Способы действия глаголов и оценочная семантика

5.2.1. В глагольном словообразовании категория оценки получила осмысление, прежде всего, через категорию акциональности. Обращает на себя внимание сочинение Н. Г. Чернышевского (1854) “О словопроизводстве в русском языке”, где впервые рассматриваются производные глаголы, выражающие “отношение к образу действия”. Автор отмечает богатство оттенков, “которое принимает одно глагольное понятие”, причем “этих видоизменений десятки”: “Нам кажется, что эти бесконечно разнообразные изменения глаголов посредством видовых окончаний и предлогов с единственной це-

лью определить способ, каким происходит действие, придает русской фразе живость и определенность, которая в большей части случаев не может быть выражена на других языках; и нам кажется, что эта особенность русского словопроизводства еще драгоценнее его способности к образованию “уменьшительных и увеличительных имен” [169, 51-52].

5.2.2. В 1969 г. В. М. Марков опубликовал статью “О происхождении глаголов на *-ану(ть)* в русском языке”: “Глаголы на *-ану(ть)* ...и резкое, особенно интенсивное действие и действие ослабленное, неинтенсивное. Они употребляются в просторечье и, вместе с тем, находят достаточно заметное отражение в языке литературном. Они служат средством выражения иронии, а иногда ассоциируются с представлением о грубости, о неуместности, о нарочитости и т. д. Как свести все это к какому-то определенному единству, пытаюсь разгадать семантическую природу глагольных образований на *-ануть?* У нас, при учете всего, что было сказано выше, остается лишь одна, как нам кажется, вполне удовлетворяющая возможность: рассматривать суффикс *-ану(ть)* как субъективно-оценочный суффикс на основании показательной аналогии с именами, заключающими суффиксы субъективной оценки” [101, 142].

Авторы “Русской грамматики“ (1980), анализируя количественно-временные способы действия, отмечают, что при образовании глаголов, означающих одноактность или краткость, “при присоединении суффикса *-ну-* к глаголам с отвлеченным значением на первый план выступает, в дополнение к одноактности, экспрессивность; в этих случаях значение мгновенности исключено: *спекулировать – спекульнуть* (прост.), *критиковать – критикнуть* (прост.)...Еще более ярко выражают экспрессивность (выделено нами. – Л. Л.) одноактного действия просторечные глаголы с суффиксом *-ану-*: *долбить – долбануть, рубить – рубануть*” [138, 599]. В. М. Марков отмечает, что при помощи суффикса *-ану-* выражается качественная характеристика действия и “значение одноактности в данном случае оказывается, в какой-то степени, аналогичным значению уменьшительности (или увеличительности), за которым, как известно,

скрываются и ласкательность, и унижительность, и презрение, и ирония, словом, целый ряд весьма трудно различимых оттенков” [101, 143].

Таким образом, в семантике глаголов с суффиксом *-ану-* на первом месте выделяется экспрессема. В то же время глаголы с данным суффиксом могут иметь значение “как правило, интенсивно или экспрессивно (выделено нами. – Л. Л.), резко совершать действие, названное мотивирующим глаголом” (выделено нами. – Л.Л.) [129, 349]. То есть, в семантике данных глаголов выделяется либо сема ‘степень интенсивности’ (как разновидность параметрического признака), либо экспрессема.

Из этого можно сделать вывод, что в данных дериватах представлена объективная оценка способа действия, например: *стегануть* – ‘сильно стегнуть’, *хлестануть* – ‘сильно ударить чем-л. гибким; хлестнуть’ (БАС-2), а производное слово имеет уже иное денотативно-сигнификативное значение по сравнению с мотиватором. Употребляя подобные девербативы, мы подчеркиваем реальное изменение исходного значения слова, а не отношение говорящего к объекту речи или к адресату речи.

5.2.3. Подобного рода глаголы, относящиеся к разным способам действия, С. Г. Шейдаева [178] считает примерами глаголов субъективной оценки и отмечает: “В “Русской грамматике” – 80 г. среди других глагольных словообразовательных значений называется значение “степени интенсивности действия” (§ 972), которое имеет такие разновидности, как “интенсивность или тщательность”, “чрезмерная интенсивность” и др. Глаголы с такими значениями обычно толкуются в словарях посредством развернутого описания названного действия, в результате чего уточняется разница в значениях производного и производящего глаголов (выделено нами. – Л. Л.), например: *добегаться* – “долго, много бегая, довести себя до каких-либо нежелательных, неприятных последствий ” [178, 222-223].

Выше, определяя сущность субъективно-оценочных образований, мы отнесли их к модификационным, с чем соглашается и С. Г. Шейдаева: “Словообразовательная модификация осуществляется в рамках одного и того же

грамматического разряда слов; для нее характерно то, что словообразовательный элемент не вносит в лексико-семантическое значение существенных изменений (выделено нами. – Л. Л.), являясь по отношению к нему квантификатором в широком смысле слова, или квалификатором в субъективно-оценочном смысле” [178, 20]. Данное противоречие мы объясняем отсутствием дифференциации понятий объективной и субъективной оценки.

5.3. Семантические группы глаголов с оценочным компонентом в семантической структуре слова

5.3.1. Субъективная оценка, как известно, предполагает выражение определенных эмоций. Слово, выражающее субъективную оценку, содержит семантический компонент, который как бы наслаивается на денотативно-сигнификативное значение слова. Он указывает на отношение говорящего к объекту речи и адресату речи. Глаголов с подобной семантикой гораздо меньше, чем слов других частей речи. Сфера их распространения – разговорно-просторечный стиль, в пределах которого их употребление тоже ситуативно ограничено (например, общение с детьми, с животными). В “Русской грамматике” (1980) отмечается: “В разг. речи и просторечии в экспрессивных образованиях, преимущественно несущих экспрессию ласкательности, выступают безударные суф. морфы *-очко/очки, -ушки/-нюшки, -оньки, -охоньки/-ошеньки* (мотивирующие – ...инфинитив спать)” [138, 413].

“Словообразовательный словарь русского языка” А. Н. Тихонова подобных дериватов не фиксирует, в современных толковых словарях они тоже не описаны, в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля находим: “*Спаточки, спатоньки, спатуни* – и пр. ласкат. детск. *спать*”. В речи подобные образования встречаются: *Как она возвращалась с работы и укладывала меня, пьяненького, “спатоньки”* ... (Нов. мир, 2002, №12, с. 67); *Поэтому я с детства люблю, как говорят у нас в Одессе: “Вкусно покушанькать”* (Караван историй, 2003, март, с. 111). Данные оценочные дериваты образованы от глаголов с помощью суф-

фиксов *-оньк-*, *-аньк-*, которые привносят в их общее значение оттенок ласкательности. Размерный компонент не выражен. Подобные субъективно-оценочные девербативы мы относим к эмотивам, а не к экспрессивам, как отмечается в РГ-80 (§1040).

Кроме того, данные примеры свидетельствуют о возможности увеличения коммуникативных ситуаций, в которых употребляются подобные эмотивы. Лексикографические издания, фиксирующие такого рода девербативы, оговаривают принадлежность их к детской речи или употребление в речи с детьми, что подтверждается и нашими наблюдениями в устной речи. В то же время следующие примеры подтверждают факт употребления подобного рода дериватов в речи взрослых, что особо подчеркивает субъективное отношение к адресату или к объекту. – *Ну, как... Значит, в магазин мне идти, **жранькать** готовить вам? – проговорила Нонна зловеще* (Нов. мир, 2003, №6, с. 52); *...ладошками хлопнул, потер с аппетитом: мол, согреемся там, “**пожранькаем**”, как когда-то говорила она* (Нов. мир, 2003, №5, с. 51). Суффикс *-аньк-* в данном случае смягчает семантику мотиватора *жрать*.

5.3.1.1. Ввиду того, что данные производные являются лишь фактом речи, нелитературной речи, подобные образования не описаны в каком бы то ни было авторитетном источнике, поэтому в настоящей работе предлагается собственная версия определения морфа, используемого для производства эвалюативов такого рода. Девербативы *покушанькать* и *жранькать* имеют общее значение “принимать пищу”, но, видимо, это не принципиально, поскольку в речи встречаются подобные образования и с иной семантикой: “*А кто здесь плаканькает?*” (из устной речи). Первый мотивирован глаголом *покушать*, второй – *жрать*. Обе производящие основы оканчиваются на тематический гласный *а-*, который выделяется как суффикс инфинитива. Можно предположить, что выделяемый суффиксальный морф *-аньк-* является инфиксом, который “вставляется” в морфемную структуру слова перед категориальным аффиксом, подобно суффиксу *-еньк-/оньк-* в наречиях, ср.: *крепко* → *креп-+-еньк-+-о*, *жрать* → *жр-+-аньк-+-а(ть)*. Не исключено, что звуко-

буквенное оформление суффикса через начальное “а” является результатом регрессивной ассимиляции, так сказать, фонетической аттракции.

5.3.2. В БТС находим: “*Бай-бай, баю-бай* – 1. межд. Употр. при укачивании ребенка как припев колыбельной песни. 2. В функции сказ. (при обращении к ребенку). Спать. Пора бай-бай.” и дальше: “*Баиньки*, межд. в функции сказуемого = бай-бай (2 зн.). повелит накл. гл.”: – *Проводить домой-с ... Баиньки пора...* (А. Чехов. Маска). Так как слово *пора* в функции сказуемого требует после себя инфинитива, существительного в Д.п. или существительного с предлогом *на*, то мы относим данный эвалюатив к инфинитиву, считая его эмотивом с гипокористическим значением.

5.3.3. Субъективно-оценочными дериватами можно считать и императивные глаголы, образованные с помощью частицы *ка*. “В зависимости от контекста, а также присоединения местоимений и частиц повелительная форма получает дополнительную экспрессивную окраску (выделено нами. – Л.Л.)” [25, 231]. “Смягчение” действия в императиве *пойди-ка, принеси-ка, убери-ка* и т. д. (ср. в личной форме: *пойду-ка ...* – значение намерения) определяет их как эмотивы. РГ-80 уточняет, что “такое употребление возможно в разговорных контекстах” [138, 625].

5.3.4. Следует также отметить важную роль контекста и интонации в определении семантики субъективно-оценочного форманта в устной разговорной речи. В зависимости от этих определителей эвалюативные производные (в том числе и глаголы) становятся также источником информации о самом говорящем, о его положительных и отрицательных чертах характера. Это отмечает Г. А. Золотова: “Становится ли речь, уснащенная уменьшительными суффиксами, более вежливой? Вряд ли. За ними чувствуется не столько вежливость, сколько заискивающий тон, желание быть угодным, не натолкнуться на отказ, нейтрализовать возможную раздраженность и неуважительность облеченного маленькой властью человека по ту сторону прилавка, почтовой перегородки или кассового окошечка, на том конце телефонного провода, – самоуничижение как своего рода инстинкт самозащиты”

[65, 68]. Нам бы хотелось добавить, что в этой гамме коннотативных смыслов можно выделить и оттенок насмешки, неодобрения, т. е. весь диапазон пейоративной окраски, что в итоге приравнивается к иронии. О выражении иронии при помощи субъективно-оценочных образований писали, например, В. А. Богородицкий, В. В. Виноградов, В. Н. Покуц и др. В то же время С. Г. Шейдаева отмечает: “Является ли во всех рассмотренных выше случаях ироническое значение словообразовательным? Нет, оно ни в коем случае не является таковым и не присуще как самостоятельное языковое значение ни одной субъективно-оценочной морфеме. Это значение контекстуальное, поскольку ирония – категория связной речи, а не словарная. Тем более что многие (если не все) слова, даже и не производные, могут употребляться в ироническом значении. Поэтому, с нашей точки зрения, будет неверным указывать среди разновидностей словообразовательного значения какого-либо субъективно-оценочного образования значение ироническое” [178, 96]. Соглашаясь с мнением автора о том, что ироническое значение субъективно-оценочных производных – это контекстуальное значение, мы не видим препятствий определять его как одну из разновидностей субъективно-оценочного. Если следовать логике лексикографической фиксации лексических значений слова, которая предполагает описание и словоупотреблений, то есть речевых реализаций, то в парадигме деривационных значений морфа тоже можно выделять подобные “оттенки” значений.

5.3.5. Исходя из факта обязательной стилистической маркированности субъективно-оценочных девербативов, на что указывают “Русская грамматика” (1980) [138, 413] и лексикографические издания, их можно отнести к лексической деривации в виде модификации, где пара “производящее – производное” представляет собой коррелят “стилистически нейтральное – разговорное, просторечное,” “оценочно нейтральное – субъективно-оценочное (эмотив)”.

5.3.6. К собственно эвалюативным отглагольным дериватам, по нашему мнению, можно отнести глаголы, образованные путем редупликации. – *Бегу-бегу*, – *донеслось откуда-то сверху*, – *погодите*, *ключи не найду*

(Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); – *Молчу-молчу*, – *отозвалась женщина* (Там же). В подобного рода образованиях путем повторения основы актуализируется параметрический признак, который репрезентируется семьей ‘интенсификация действия’, и это определяет их как интенсивы. Формально редупликаты лишены эмотивности и экспрессии, но это может быть выражено невербальными средствами: мимикой, жестами, интонацией. Кроме того, дериваты, образованные редупликацией, выполняют ограничительную функцию, поскольку употребляются в разговорной речи.

5.3.7. Отдельно следует остановиться на эвалюативных дериватах от слова *потягуши*. В “Словаре русского речевого этикета” А. Г. Балакая находим: “*Потягуши. Потягушеньки. Потягушечки. Потягушки*. Прост. и обл. В ласковых обращениях и пожеланиях, которые приговаривают мать или няня, лаская и поглаживая потягивающегося младенца. *Потягушечки, порастушечки. Потягунюшки, порастунюшки, потянись, порости!*” [192, 386]. В “Русской грамматике” (1980) отмечается “*потягушки* (сущ.) – *потягунюшки* (в знач. межд.)” [138, 413]. Между тем контекст позволяет рассматривать анализируемые дериваты в качестве слов, обозначающих действие как процесс, к совершению которого побуждают, то есть глаголов в императиве. Возможность подобной интерпретации грамматической природы этих образований подтверждается и употреблением форм *потягунюшки, порастунюшки* в одном смысловом ряду с нормативными *потянись, порости*. Говорящий выстраивает высказывание по принципу перевода: первые два слова на “детском” языке, вторые – на “взрослом”, которому ребенка обучают. Естественно, это одни и те же слова. Вполне возможно, со временем у этих нестандартных глагольных форм развилось предметное значение (случаи субстантивации глаголов – факт языка, например, *печь, речь* и др.), что привело к появлению омонимов. Безусловно, это гипотеза, требующая отдельного исследования, но мы склонны относить данные эмотивы (с гипокористическим ласкательным значением) к словам с синкретичными грамматическими свойствами.

5.4. Структурные слова в системе частей речи

5.4.1. В данной главе рассмотрены с точки зрения наличия деривационной оценочной семантики слова, которые определяются как структурные. Не включаясь в дискуссию по поводу отнесенности этих языковых единиц к знаменательным или незнаменательным, мы ссылаемся на “Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы” под редакцией В.В. Морковкина (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина) (2-е изд., 2002 г.).

Вслед за авторами словаря, В.В. Морковкиным, Н.М. Луцкой и Г.Ф. Богачевой, под структурными мы понимаем слова, “которые формируют реляционную, синтаксическую и модальную структуру текста. Большинство структурных слов характеризуются отсутствием знаменательности или ослабленной (вырожденной) знаменательностью. Ядро категории структурных слов составляют служебные слова (предлоги, союзы, частицы). Кроме них к структурным словам ... отнесены междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные и полусвязочные глаголы и связки” [204, 6]. Все эти лексемы объединяются тем, что “отражают область основных языковых и внеязыковых отношений, в том числе синтаксических (предлоги, союзы, связочные и полусвязочные глаголы, связки), модальных (частицы, вводные слова), указательных (местоимения, некоторые частицы), количественных (числительные), эмоциональных, эмоционально-волевых и этикетных (междометия)” [204, 7]. Мы оставляем за собой право в работе использовать понятие и термин модальные слова, а не вводные, поскольку традиционно выделяется класс модальных слов, которые выполняют в предложении функцию вводных слов.

5.4.2. В научной литературе, посвященной описанию оценочных производных, структурные слова практически не исследовались¹³, хотя анализ

¹³ В “Русской грамматике” (1980) вопросу экспрессивного суффиксального образования частиц, междометий и изолированных форм изменяемых слов посвящен небольшой параграф [138, 413].

фактического материала свидетельствует об их наличии в языке. Нами не установлены оценочные денумеративы, образованные от определенно-количественных и собирательных числительных¹⁴, производные с оценочной семантикой, мотивированные союзами, предложениями, модальными словами и связочными глаголами.

5.5. Отмеждоментные оценочные производные

5.5.1. Среди структурных слов особое место в процессе деривации субъективно-оценочных производных занимают междометия – “класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность” [199, 269]. В соответствии с объектом номинации междометия “обслуживают три семантических сферы речи: эмоций и эмоциональных оценок, волеизъявлений, этикета” [Там же].

5.5.2. Многие из междометий, непосредственно передающие чувства говорящего, по происхождению первичны, то есть ничем не мотивированы и непроизводны: *а, ай, ах, ух, о, ого, э, эге* и др. В силу их звукобуквенной минимизации и отсутствия внутренней формы такие междометия склонны к полисемии. Конкретное значение таких слов актуализируется в контексте, а в изолированном положении выявляется прежде всего невербальными средствами, например, с помощью интонации. Однако независимо от характера демонстрируемой эмоции, степень ее проявления может выражаться деривационными средствами, в частности с помощью графического словообразования, или графиксации, при которой “деформация звуковой оболочки (при сохранении ее в то же время) приводит к сочетанию смыслов” [71, 77]. Так, дефинируя междометие *а*, А.Г. Балакай в “Словаре русского речевого этикета” отмечает, что это междометие “употребляется перед обращением для выражения радости, радушия при встрече, появлении, узнавании родственника, приятеля, знакомого, равного или низшего по положению. – *А, милый князь,*

¹⁴ Мы исходим из разрядов числительных, выделяемых академической грамматикой.

нет приятнее гостя, сказал Билибин, выходя навстречу князю Андрею. Л. Толстой. Война и мир. ... *А-а-а!* Андрей Ильич! Наконец-то вы к нам пожаловали! А. Куприн. Молох.” [192, 21]. Фиксируется его разговорный характер и то, что оно “произносится с разной степенью длительности” [Там же]. Графически разная степень длительности выражается формами *a*, *a-a-a*. Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет не о длительности звука (долготе звука) в возможных вариантах ее понимания (длительность абсолютная, связанная с темпом речи; длительность относительная фонетического типа, связанная с фонетическими условиями произношения звуков и не меняющая значения слова; длительность относительная фонологического типа, изменение которой меняет значение слова, например, в немецком языке, но фонологический тип длительности русскому языку не свойственен), а об особой морфонологической трансформации производящей основы, не приводящей к транспозиции мотиватора и не изменяющей его лексического значения, но привносящей в семантическую структуру признак ‘степень интенсивности’, что позволяет рассматривать подобные образования как интенсивы, полученные в результате лексической модификационной деривации. Подтверждением того, что имеет место особый формант с деривационным значением ‘усиление основного свойства того, что названо производящей основой’, является факт, что именно “разная степень длительности” будет демонстрировать интенсификацию самых различных эмоций, выражаемых тем же междометием: удивления (*А! Так вот кто съел сметану!* – *А-а! Так вот кто съел сметану!*), безразличия (*А! Мне все равно!* – *А-а! Мне все равно!*), злорадство (*А! Попался!* – *А-а! Попался!*), каждая из которых, конечно, передается интонационно (ср. *бр!* и *бр-р-р!*., выражающие чувство (ощущение) холода или физической неприязни, *фи!* и *фи-и-и!*, выражающие презрение, и др.). Важность фактора морфонологической оформленности междометия подтверждается тем, что, например, в “Объяснительном словаре” В. Морковкина в словарной статье к междометию *a*, в которой описываются шесть ЛСВ этого слова, каждая семема сопровождается указанием долготы произнесения

слова в этом значении, например: “1.0. Восклицание, к-рое употр. для выражения узнавания (может произноситься протяжно (выделено нами – Л. Л.), что на письме передается “а-а!” или “а-а-а!”). ۞ *Кто там? – Да я это, открой. – А, Лёня! Входи.* 1.1. Восклицание, к-рое упор. для выражения радости, удовольствия при виде кого-чего-л. (обычно произноситься (выделено нами – Л. Л.) протяжно, что на письме передается “а-а!” или “а-а-а!”). ۞ *А-а! Леонид Павлович! Как хорошо, что я вас встретил. А, сегодня, я гляжу, у нас на обед блины!* <...> 5.0. Восклицание, которое употр. для выражения недовольства, досады, обреченности (обычно произноситься отрывисто (выделено нами – Л. Л.). ۞ *Папа, пойдём завтра в цирк. – А, не до цирка мне!* 6.0. Крик раскаяния, отчаяния, ужаса, сильного испуга, боли (произноситься протяжно, иногда повторно).

5.5.2.1. Важно, на наш взгляд, не путать графический способ словообразования с редупликацией, поскольку в этом случае семантический признак ‘степень интенсивности’ достигается обычным повтором производящей основы: *Хватит этого марочного ух-ух-какого испанского вина!* (Нов. мир, 2003, №10, с. 17). Редупликация междометия усиливает семантику слова *какой* и определяет дериват как собственно эвалюатив. *Ух-ух-какое = очень хорошее.*

5.5.3. Многие междометия по происхождению являются знаменательными частями речи. Транспозиции подвергались и уменьшительно-ласкательные формы, например: *Батюшки! Матушки!* В настоящей работе подобные междометия не рассматриваются, так как они содержат остаточную эвалюативность.

5.5.3.1. Слово *мамочки!* можно квалифицировать как междометный эмотивный дериват, поскольку в значении междометия, во-первых, используется сочетание *Мама дорогая*, которое “выражает изумление, удивление, испуг” [188, 518], во-вторых, в речи употребляется и форма ед. ч. *мамочка!*: *Катя Шумская тихо причитала: “Ой, мамочки! О! Мамочка!”* (Нов. мир, 2003, №3, с.120), что свидетельствует о допустимости в пределах данной части речи словообразовательного процесса, сопряженного с выражением оценки.

В рассмотренном примере регулярный для субстантивных эвалюативов суффикс *-очк-* передает не позитивное отношение к тому, что названо произво-

дущей основой, а усиление эмоции, которая выражена междометием, и в этом специфика эвалюативного суффикса междометий.

5.5.4. Как правило, эмоциональные междометия передают определенную оценку говорящим того или иного факта действительности, например: *Свадьбы играть мы с ней не стали... Отметили с моим корешком, с женой его, с тестем, ну и ладушки* (Нов. мир, 2003, №3, с.17); *“Вот и ладушки”*, – с облегчением улыбнулся дядя Коля (А. Маринина. Украденный сон). Дериват *ладушки*, производный от слова *ладно*¹⁵, выражающего чувства удовлетворения (первый пример) и облегчения (второй пример), можно квалифицировать как эмотив с гипокористической семантикой. Аксиологическое значение слова представляет событие как хорошее, что синтагматически усиливается посредством в первом случае частиц *ну и*, во втором – *вот и*, а суффикс *-ушк-* с деривационным значением ласкательности передает, какие эмоции испытывает говорящий по этому поводу.

Являясь по происхождению наречием, слово *ладно* образует эвалюативное производное, образованное с помощью суффикса *-еньк-* (ср. *ну и ладненько*) с гипокористической же семантикой.

5.5.4.1. Аксиологическое значение междометия может не только актуализироваться с помощью эвалюативного суффикса (см. 5.3.1.1.), но и корректироваться: *Когда наступила полночь, отец выходит из могилы и говорит: “Фуфоньки, фуфоньки!”* (Русские народные сказки). Согласно “Объяснительному словарю...”, в данном контексте мотивирующее междометие *фу* имеет значение “1.0. Восклицание, которое употребляется для выражения резко отрицательного отношения к кому-чему-л. (презрения, досады, отвращения и т.п.)” [204, 365]. Субъективно-оценочный суффикс *-оньк-*, на наш взгляд, смягчает отрицательное значение производящего, то есть дериват квалифицируется как интенсив в разновидности квалитатив.

¹⁵ Частеречная отнесенность гибридного слова *ладно* определяется в контексте. “Объяснительный словарь” фиксирует только частицу *ладно*, мы же, рассматривая его как междометие, исходим из семантики слова и из того, что оно входит в состав синтаксически не членимого, так называемого, междометного предложения. Кроме того, без изменения содержания высказывания возможна синонимическая замена: *“Вот и слава богу, – с облегчением...”*.

5.5.5. Характерным для междометий словообразовательным средством передачи усиления эмоций является создание сложных слов. Членами сложения являются сходные по эмоциональной окраске слова: *Господи-батюшки!*.. *Да ты что это, Павел? Ты с чего это взял-то?* (В. Шукшин. Живет такой парень) – междометие выражает крайнюю степень удивления; *Мать заплакала, запричитала. – Господи-батюшки, отец небесный, услышал ты мои молитвы, долетели они до тебя...* (В. Шукшин. Ваш сын и брат) – дериват выражает крайнюю степень удовлетворения. Очевидно, что, независимо от передаваемой эмоции, сложение компонентов приводит к усилению этой эмоции, что позволяет квалифицировать такие дериваты как интенсивы (квалитативы).

5.5.6. Эмоциональные междометия не имеют никакой денотации и являются выразителями только эмоционального и стилевого значения. Данные лексемы выражают различные чувства, то есть, способны сообщать о том, что говорящий испытывает в момент речи то или иное чувство. Это же можно сказать и об эвалюативных производных от данного разряда слов. Лексикографические издания последовательно определяют такие дериваты пометами *прост.*, *разг.*, *обл.* Подтверждением ограничения сферы употребления являются примеры использования подобного рода слов в разговорной речи, в художественной литературе (чаще в диалогах), в фольклоре.

5.5.7. Императивные междометия менее продуктивны в создании эмоциональных дериватов. Отдельные образования возможны от слов, служащих для общения с животными¹⁶: *цып-цып-цыпаньки*, *кис-кис-кисаньки*: *Кисаньки...кисаньки!*¹⁷ *Манюнечки мои!* (А. Чехов. Надлежащие меры). В этом случае в слове *кисаньки* при помощи суффикса *-аньк* актуализируется гипокористическое значение, эксплицированное в тексте субстантивным эвалюативом (*манюнечки*). Такое производное квалифицируется как эмотив.

5.5.7.1. Некоторые эвалюативные дериваты совмещают побуждение и эмоциональное значение, и их можно расценивать как конативно-

¹⁶ Нами зафиксированы только междометия, служащие для призыва животных и птиц, а слова, с помощью которых их прогоняют или понукают, эвалюативных дериватов не имеют.

¹⁷ На то, что это междометие, а не звательная форма существительного, указывает суффикс *-аньк*-, поскольку существительное образуется с помощью суффикса *-оньк*-.: *кисонька* [213, I, 431]

эмоциональные междометия: *Баю-баюшки-баю, а я песенку пою* (А. П. Чехов. Спать хочется); – *Баю-баюшки-баю, – мурлычет она, – тебе каши наварю...* (Там же). “Объяснительный словарь...” это междометие не фиксирует, но оно описано в БТС: “Употр. при укачивании ребенка как припев колыбельной песни” [197, 63]. Никаких помет нет, но наличие в этом сложении структурного компонента с суффиксом *-юшк-*, который апплицируется на производящую основу, свидетельствует об эмоциональной окраске деривата. В данном случае повтор корня усиливает императивное значение междометия, поэтому дериват можно рассматривать лишь как эмотив.

5.5.7.2. Но конативно-эмоциональные междометия могут производить и собственно эвалюативы, например, *браво – брависсимо*. Однако в данном конкретном примере оба слова почерпнуты из итальянского языка (ср. нареч. *пиано – пианиссимо, форте – фортиссимо*), и заимствованный аффикс *-иссимо* не сочетается с исконными корнями, что не позволяет говорить о его продуктивности и регулярности процесса использования специальных морфов для передачи значения интенсификации признака и эмотивности.

В то же время у продуктивных суффиксов может развиваться подобная семантика при условии наличия параметрического признака в семантической структуре мотиватора, например: – *Минуточку, а кто оставил следы обуви на ковре – человек или животное?* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Дефиниция слова *минута* в “Словаре русского речевого этикета”: “*Минута. Одну минуту (минутку, минуточку). Единую минуту (минуточку). Устар. Минуту. Минутку. Минуточку. Разг., только в устной речи. Формы выражения просьбы немного (выделено нами. – Л. Л.) подождать*” [192, 274] не позволяет рассматривать словоформы *минуту, минуточку, минуточку* как междометия. Приведенный же нами контекст иллюстрирует употребление лексемы *минуточку* в этом качестве, что подтверждается возможностью синонимической замены ее конативно-эмоциональным междометием *эй* с той же семантикой. На то, что слово *минуточку* используется не только для того, чтобы привлечь внимание, но и для выражения определенных эмоций может

указывать «сигнализатор», например: *Минуточку*, – *возмущена Ирина*. – *Что это ты тут раскомандовалась?* (Нов. мир, 2002, №11, с.84). Таким образом, дериват, являясь вторичным эвалюативом (*минуту* → *минутку* → *минуточку*), имеет семы ‘волеизъявление’ и ‘возмущение’, а суффикс *-к-* эксплицирует не только эмотивную семантику, но и степень проявления эмоции, что позволяет отнести производное к собственно эвалюативам. Данные междометия, развившиеся из форм существительных в письменный период истории русского языка, сохранили способность мотиваторов к образованию оценочных производных, однако деривационное значение аффикса у междометий несколько изменилось, ср.: *Мне доставляло удовольствие в свободную минутку взглянуть на безупречную текстуру* (Нов. мир, 2003, № 3, с. 22) – эвалюатив *минутка* реализует ЛСВ₂ слова *минута*: “Короткий промежуток, период времени; мгновение” [208, 544], а суффикс *-к-*, с помощью которого образуется первичный эвалюатив, эксплицирует, прежде всего, ограничительную семантику¹⁸.

5.5.8. Так называемые этикетные междометия, то есть используемые в сфере речевого этикета особые формулы приветствия, прощания, пожелания, благодарности (*спасибо, до свидания, полно, пожалуйста*), академик В. В. Виноградов именует “своеобразными экспрессивными (выделено нами – Л. Л.) звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни. В этих междометиях выражается сложная цепь бытовых эмоций (выделено нами – Л. Л.) и обрядностей” [29, 757]. В данном случае имеется ввиду аксиологическое значение слов этой группы междометий, в пределах которого лексемы “легко развивают вторичные (экспрессивно-эмоциональные) значения и употребляются в качестве средств выражения удивления, возражения, напр...: *“Дверь отворилась, и здравствуйте,... гляжу – мать царица! – входят к нам в комнату хозяин с хозяйкой и три работника”* (А.П. Чехов)”...” [199, 290]. В то же время существует точка зрения, согласно которой “они существенно

¹⁸ Т.Ф. Ефремова фиксирует у существительного *минутка* с пометой *разг.* два ЛСВ: “1. Уменьш. к сущ. *минута*. 2. Ласк. к сущ. *минута*”. У слова *минуточка* в том же стиле речи только одно значение: “Ласк. к сущ. *Минутка*” [194, I, 872].

отличаются от собственно междометий, поскольку их употребление связано не с эмоциональной, а интеллектуальной сферой человеческого языка” [132, 172]. Поскольку “эмоциональность этикетных междометий обычно нейтрализована (выделено нами – Л. Л.) предсказуемостью их употребления в коммуникативных ситуациях определенных типов (в речевых актах приветствия, прощания, благодарности и пр.)” [145, 352], это предполагает возможность / необходимость “восстановления” в речевом знаке личностного компонента (оценки), привносимого в том числе и аффиксами. Так, использование “речевой формулы прощания с пожеланием благополучия, которая употребляется при расставании” [204, 333] – слова *счастливого*, содержащего аксиологическое позитивное значение, в форме *счастливенько* позволяет усилить экспрессию выражения.

5.5.8.1. К образованию субъективно-оценочных дериватов способны не все этикетные междометия. Это нельзя объяснить частотностью употребления, потому что, например, слова *спасибо* и *пожалуйста* имеют приблизительно равную частотность (соответственно 217 и 210) [216, 210], но слово *пожалуйста*, которое в “Словаре русского речевого этикета” определяется как “один из самых распространенных (выделено нами – Л. Л.) интенсификаторов вежливости при выражении просьбы, совета, приглашения, извинения, утешения” [192, 360], эвалюативных производных не имеет, а слово *спасибо* – образует. Это нельзя объяснить и разницей в семантическом диапазоне: оба слова могут в контексте приобретать негативное значение: “*Молчал-молчал и вдруг, пожалуйста, высказался*” [204, 268], “*Нет уж, спасибо! В больнице я уже лежала...!*” [204, 325]. Вероятнее всего, это связано с тем, что лексема *спасибо* внешне напоминает несклоняемое существительное на -о (и может субстантивироваться), то есть слово грамматического разряда, продуктивного в плане эвалюативного словообразования.

Спасибо (разг.) – это “этикетное слово, с помощью которого говорящий в разговоре или в письме выражает кому-либо благодарность, признательность за что-либо даваемое, предоставляемое или данное, представленное” [204, 325]. “Словообразовательный словарь русского языка”

А. Н. Тихонова приводит производные от слова *спасибо* – *спасибочко*, *спасибочка*¹⁹, *спасибочки*, где словообразовательный суффикс *-очк*²⁰ – “расширяется посредством финали *-и*” [138, 413], *-а*, *-о*. “Подобное расширение экспрессивных суффиксов за счет финальной части характерно для неизменяемых слов” [138, 413]. “Русская грамматика” (1980) усматривает в этом случае аппликацию суффиксального морфа и конечного гласного основы [Там же], но в конкретном случае со словом *спасибо* можно предположить и усечение производящей основы, поскольку, субстантивируясь, слово начинает склоняться: “*Из спасибо шубы не сошьёшь. Спасибом сыт не будешь*” [204, 498], то есть конечное *-о* воспринимается как окончание существительных ср. р.: – “*Спасибочко, покурил...*” (М. Шолохов. Тихий Дон). Образование с финалью *а*, возможно, объясняется грамматической аттракцией по роду со словом *благодарность*: – *Спасибочка* всем вам за угощение и водку, а тебе, Куприяновна, низкий поклон (М. Шолохов. Поднятая целина). В этом случае другое осмысление получает финаль *-и*, которая может ассоциироваться с окончанием формы мн.ч., то есть, если говорящий употребляет форму *спасибочки*: “*Ну как тут у вас?*” – “*Ой, спасибочки!*” – бойко ответила самая молодая (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки), то имеется ввиду “большое спасибо”, точнее, “много раз спасибо”. Это позволяет предположить, что в выражении эмотивного содержания принимает участие суффикс *-очк-*, а параметрический признак с семой ‘усиление’ эксплицирует грамматическая морфема. В целом же дериват характеризуется как собственно эвалюатив.

Большинство же междометий, образующих оценочные производные, – по происхождению существительные, сохранившие способность к созданию дериватов с эвалюативной семантикой: – *До свидания!* – (Хор) *До свиданьица!* (М. А. Булгаков. Три застенка); – *Милости просим, доброго здоровьица, Иван Васильевич. В аккурат к самоварчику!* (И. А. Бунин. В саду); “*Добрый вечерочек, Катрин,*” – сказал он (Т. Полякова. Барышня и хулиган); “*У, ты уже дома, – раз-*

¹⁹ В “Морфемно-орфографическом словаре” А.Н. Тихонова этого производного нет.

²⁰ “Словарь морфем русского языка” А.И. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой данный суффикс в составе этого слова не фиксирует.

девясью, бодрым голосом произносила Марина. – Приветик!” (Нов. мир, 2002, №12, с.39). Гипокористическое значение суффиксов в приведенных словах актуализирует нейтрализованную (см. выше) семантику междометия. Такие производные с суффиксами субъективной оценки можно отнести к эмотивам.

5.5.8.2. Окказиональны в составе междометий эвалюативные образования от частей речи, для которых подобные дериваты – отступление от нормы. Так, междометие *агу* по происхождению является звукоподражанием (звуки, которые издает грудной ребенок). Звукоподражания, как известно, “не выражают эмоций или побуждений, а представляют собой условное воспроизведение фонетическими средствами данного языка разного рода звучаний” [139. 87]. “Словарь русского речевого этикета” А.Г. Балакая, описывая это междометие, отмечает: “Ласк. обращение (выделено нами – Л. Л.) к младенцу с целью привлечь его внимание, вызвать улыбку. Часто употребляется в сочетании с другими ласковыми обращениями: “моя рыбочка”, “мой птенчик” и т.п. [Ребёнок] *было разревелся, но словами: “Агу, агу, душенька” и прищелкиванием пальцев <...> Чичикову удалось переманить его к себе на руки.* Н. Гоголь. Мёртвые души” [192, 22]. Такое определение позволяет рассматривать междометие как наделенное аксиологическим мелиоративным значением, которое благодаря ласкательным суффиксам усиливается в производных *агунюшки, агусеньки, агушеньки*, получающих в этом случае статус эмотивов.

В ряде случаев неоднословное междометие становится оценочным в результате использования эвалюативной формы одного из его структурных компонентов: *Галина Ивановна (радостно): Ну слава тебе, Господи ты Боже моиньки!* (Нов. мир, 2002, №3, с.108). В приведенном примере употреблена ласкательная форма притяжательного местоимения (суффикс *-иньки-* апплицируется на конечный звук производящей основы), которое в своем исходном категориальном значении образования подобных форм не допускает. Это усиливает экспрессию междометного выражения в целом, что позволяет рассматривать дериват как собственно эвалюатив.

5.5.9. Обращает внимание тот факт, что характерная черта междометий – способность к экспрессивной мимикрии – сохраняется и в оценочных дериватах. Контекст и соответствующая интонация могут нейтрализовать мелиоративную окраску слова, даже усиленную деривационным значением аффикса:– *Спасибочки, – потвердевшим голосом отказался от дара Федор Хатурин, и пальцы его папиросину уронили – на землю. – Мы уж как-нибудь своим добром обойдемся, оно и привычнее... забубнил он, и с каждым звуком голос его прибавлялся весельем, свирипеющим весельем. Мелькнул и застыл на мгновение взгляд – ненависть была в нем* (Нов. мир, 2003, №3, с.42-43).

Следует отметить, что в словообразовательной парах, например, *спасибо* → *спасибочко*, *до свидание* → *до свиданьице*, *доброе здоровья* → *доброе здоровьица*, *добрый вечер* → *добрый вечерочек*, *привет* → *приветик* дериваты являются стилистически маркированными, что свидетельствует о стилистической функции эвалюативных суффиксов в разряде междометий.

Лексикографические издания последовательно сопровождают подобного рода дериваты пометами, например, “*Спасибочко. Спасибочки. Спасибочка. Прост. и обл., ласк.*”, “*До свиданьица. Прост., ласк.*”, “*Будьте добреньки. Прост., ласк., уст., разг. речь*”, “*Привет. Приветик. Разг.*”, “*Салют! Салюттик! Прост. Шутл.*”[192].

5.6. Местоимение как производящая основа эвалюативов

5.6.1. Специфичность местоимения как производящей базы для эвалюативов определяется категориальным значением этой части речи, призванной указывать, но не называть предмет, признак, количество. Теоретическим обоснованием возможности местоимений иметь оценочные производные является их грамматическая соотносительность с другими именными частями речи, способными к эвалюативному словообразованию.

Однако, видимо, в пределах грамматических разрядов местоимений есть ограничения семантического характера. Не могут образовывать эва-

люативы личные местоимения и неопределенные. В современном русском языке мы не зафиксировали оценочных производных и от вопросительно-относительных местоимений, но в словаре В. Даля приводятся слова *сколичко*, *сколехонько*, *сколешенько*, одно из которых в примере *А сколичко ягодок набрала?* можно рассматривать как эвалюатив от вопросительного местоимения в кванторной функции²¹.

Не образует эвалюативов возвратное местоимение *себя*, а вот иногда относимое к этому разряду местоимений сочетание *друг друга*, состоящее из повторяющихся субстантивов²², допускает ласкательную форму второго: – *А у нас тут трехкомнатная теперь, и вятером – глаза друг дружке до того измозолили* (Нов. мир, 2002, №12, с.76); *Долго они не унимались, долго друг дружке шерсть трепали, не день и не два...* (Нов. мир, 2003, №3, с.19). Совершенно очевидно, что суффикс *-к-* не привносит в дериват гипокористической семантики, выполняя сугубо стилистическую функцию, что свидетельствует о модификации, подобной отношениям в парах *тетрадь – тетрадка*, *морковь – морковка*.

Притяжательные местоимения в норме эвалюативов не производят, однако в речи возможны окказиональные образования (см. 5.5.8.2.).

5.6.2. Из указательных местоимений к эвалюативной деривации способно лишь слово *такой*²³ и только в речи: *И веришь, у них не заладилось. Бегунок. Такусенька штука...Тьфу! – показывал он руками малое* (Нов. мир, 2003, № 2, с. 81). Это производное описано в “Русской грамматике” (1980), где деривационное значение суффикса *-усеньк-* определяется как ‘очень маленький’ [138, 300]. В результате использования этого адъективного суффикса с производящей основой у деривата развивается ксеноденотатная семантика, поскольку у местоимения *такой* описаны только значения: “1. Именно

²¹ “Кванторная функция – указание на тип предметной отнесенности имени, то есть соотнесение имени с различными классами предметов и их признаков: с классом предметов или признаков, о которых говорящий хотел бы получить информацию от слушающего (*кто? какой?, сколько?*); с классом неизвестных говорящему или слушающему (и поэтому неопределенных) предметов либо признаков (кто-то, что-нибудь, какой-либо, сколько-то; с классом универсальных, всеобщих признаков (все, любой, всякий); с классом предметов или признаков, не включающих данный предмет или признак (никто, некому, несколько) и т.д.” [145, 294].

²² Слово сочетание *друг друга* состоит из неизменяемой и изменяемой форм слова *друг*, исторически восходящего к краткой форме прилагательного *другой* (в значении *иной, не этот*).

²³ От лексемы *столько* образуется дериват *столечко* [213.П, 173], если это наречие.

этот, подобный данному или тому, о чём говорилось. *Поступить таким образом.* 2. Выражает сильную степень свойства, состояния или усиления оценки. *Такая тоска на сердце!*” [208, 1303], то есть слово не предназначено для указания параметрического признака. Контекстуальная компенсация осуществляется описанием невербального средства передачи данного значения: *показывал он руками малое.* На деривационном уровне то же значение выражается посредством суффикса *-усеньк-* в *такусенькая* и *-к-* в *штучке*. Сочетание деривата *такусенька* со словом *штучка* можно считать избыточным в плане выражения размерного значения деривационными средствами, но указанные аффиксы в сочетании выражают и определенные эмоции: недоумение, раздражение (экспликация в тексте словом *тьфу!*), наделяя все высказывание определенной экспрессией; следовательно, дериват *такусенькая* квалифицируется как собственно эвалюатив. Следует заметить, что в разговорной речи встречается образование *такенный*, тоже с актуализированным параметрическим признаком. Нерегулярность образования привела к тому, что данная словоформа реализует свое значение только в устойчивом сочетании *вот такенный* + невербальное выражение размера. Аналогичное значение имеет фиксируемый Н. З. Котеловой эвалюатив *какусенький*: *А потом вспоминают: “Какусенькой была несколько месяцев назад эта машина”* [201, 90].

5.6.2.1. Аксиологическое пейоративное значение приобретает производное от слова *такой*, образованное способом гендиадис²⁴: *Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сделал!* (А. П. Чехов. Унтер офицер). Этот дериват представляет собой разновидность рифмованного сложения (РС) “знаменательное слово + отзвук”. “Отзвучными” В.П. Изотов называет слова “не имеющие самостоятельного значения ни в составе РС, ни как отдельные единицы” [71, 49]. Слово *сякой*²⁵ как самостоятельная лексема не употребляется, встречаясь только в составе производного *такой-сякой* [208, 1301], значение которого определяется “*Шутл. Нехороший во всех отноше-*

²⁴ “Гендиадисом называется окказиональная разновидность сложения, заключающаяся в рифмовке составляющих компонентов” [71, 48]

²⁵ По происхождению, видимо, производно от *сяк*, этимологический анализ которого свидетельствует, что это древнерусская форма *сяко* “так”, образованная от местоим. *сь, как так – от *ть [215, III, 826]

ниях” [208, 1303]. В “Объяснительном словаре...” В. В. Морковкина находим: “*Такой* → *такой-сякой* (мест. шутил.). Употребляется вместо перечисления отрицательных оценочных (выделено нами. – Л. Л.) слов, бранных характеристик.”, что дает основание относить его к эмотивам с пейоративным аксиологическим значением. В.П. Изотов подчеркивает, что “дополнительный “рифменный” смысл все же сказывается, и эта разновидность РС становится более выразительной в плане экспрессивности и эмоциональности, чем при собственно сложении” [71, 49].

5.6.3. Литературный язык не предполагает оценочных образований от определительных местоимений в силу того, что они указывают на обобщенный признак предмета.

Как известно, лексема *самый* используется как вспомогательное слово при образовании аналитической формы суперлатива прилагательного, то есть для выражения значения данного признака в максимальном его проявлении в данном предмете по сравнению с другими предметами. Общепринятая, высокочастотная форма выражения максимального значения утрачивает экспрессию, и ее актуализация на уровне речи иногда осуществляется использованием оценочных новообразований: *Нам хочется всегда одного. Саменького сладенького* (Д. Вересаев. Черный ворон). В слове *сладенький* суффикс *-еньк-* выполняет усилительную функцию [208, 1206], что актуализирует такое же значение у этого суффикса в окказиональном деривате *саменького*. Интенсификация признака направлена на усиление экспрессии, поэтому такое производное можно рассматривать как собственно эвалюатив.

5.6.4. От отрицательных местоимений *никого*, *ничего* в форме Р.п. могут образовываться эвалюативы при помощи морфов *-охоньки* / *-ошеньки*: *Я ничегошеньки не поняла, то есть не поняла, что он имел в виду* (Т. Полякова Барышня и хулиган).

“Словарные материалы-77” Н. З. Котеловой фиксируют эвалюативное образование от отрицательного местоименного прилагательного *никакой*. “(никакошенький). А очередь? *Никакошенькой!*” (с. 92).

“Русская грамматика” (1980) рассматривает такие образования как “преимущественно несущие экспрессию ласкательности” [138, 413]. На наш взгляд, поскольку дериваты образованы от местоимений в кванторной функции, в данном случае имеют место интенсивы, указывающие на максимальную степень охвата описываемого понятия: *ничегошеньки не поняла* = *абсолютно ничего не поняла*; *никакошенькая* = *абсолютно никакая*. Если говорить об эмоциях, возникающих у говорящего, то это в первом случае, скорее, раздражение, досада, то есть в целом негативные чувства: *Ты мне сестра и в таком деле просто обязана помочь, тем более, что для тебя это **ничегошеньки не стоит*** (Т. Полякова. Барышня и хулиган). Во втором – удовлетворение, то есть положительные чувства. Поскольку производные оценочные слова, от которых они образованы, имеют общую предметно-понятийную соотнесенность, то в тексте они нередко используются как синонимы. Для эвалюативных образований характерны обе функции синонимов, замещение и уточнение. Производное и производящее в этой паре свободно заменяют друг друга, причем их последовательность в тексте может быть любой, если говорящий стремится передать только эмоции (в этом случае они выступают как синонимы стилистические), если же в коммуникативную задачу входит и демонстрация интенсивности, то эвалюатив должен быть на втором месте: *А главное **ничего** не помню, **ничегошеньки**, хоть убей* (Т. Полякова) – синонимический ряд *ничего – ничегошеньки – хоть убей* демонстрирует нарастание интенсификации.

5.7. Формально-семантические отношения между частицами и их оценочными дериватами

5.7.1. Термин “частица” используется нами в узком смысле этого слова, то есть под частицами мы, вслед за В.В. Виноградовым, понимаем “классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или служат для выражения разного рода

грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений. Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями” [29, 663]

5.7.2. То, что экспрессивно-стилистическая функция является категориально свойственной частицам, снижает их возможности выражать оценку деривационными средствами. Немногочисленные примеры департикулятивных эвалюативов свидетельствуют о специфичности такого рода образований в плане деривационного значения эвалюативного суффикса.

5.7.2.1. Как известно, существуют различные по степени детализации классификации частиц (см. [29], [139], [199], [132], [145] и др.), но так или иначе выделяют модальные и амодальные частицы.

Из модальных частиц только вопросительная частица *а*, а также просторечные и диалектные варианты этой частицы *ай*, *ась* образуют эмоционально окрашенные производные, формирующие значительную по объему парадигму: *а*, *ай* → *аинька*, *аиньки*, *аюшка*, *аюшки*, *ая*; *ась* → *асенька* (*асинька*), *асеньки*, *асенько* (*асинько*), *асечки* (*асички*), *асетко* (*аситько*), *асюшка*, *асе*, *асё*, *аси*, *ася*²⁶. В результате морфного анализа кодериватов выделяются аффиксы и их варианты: *-еньки*, *-енька*, *-енько*, *-иньки*, *-инька*, *-инько*, *-юшки*, *-юшка*, *-ечки*, *-ички*. Финали *-етко*, *-итько*, *-е*, *-ё*, *-и*, *-я* следует рассматривать как структурные элементы дериватов, функционирующие исключительно в языковой подсистеме (в диалектах) и учитывать, только чтобы составить общее представление о средствах передачи эмотивной семантики в производных от слов данной части речи.

Специфика анализируемых производных состоит в том, что суффикс передает либо позитивное отношение адресанта к адресату (в “Словаре русского речевого этикета” А. Г. Балакая отмечено: “*Аинька*. *Аиньки*. *Аюшка*. *Аюшки*. Обл. Ласковый, приветл. Ответ, чаще на обращение детей” [192, 22]), что свойственно и отмеждоментным эвалюативам, либо передает общее эмоциональное состояние говорящего: – *Аюшки?* – *беззаботно* *отозвался ста-*

²⁶ Слова взяты из “Словаря русского речевого этикета” А.Г. Балакая.

ричок, подъехавший на бочке к воротам и с трудом, согнувшись в три погребели, поднимающий тесину (И. А. Бунин. Лирник Родион).

5.7.2.2. К разряду отрицательных частиц, безусловно, относятся частица *ни*, не способная к словопроизводству, и частица *не*, словообразовательные потенции которой ограничиваются образованием неочечных глаголов. В функции частицы может выступать слово *нет*, от которого образуются стилемаркированные *нету* (разг.) и *нетути* (обл.), зафиксированные “Словообразовательным словарем русского языка” А.Н. Тихонова. Кроме того, в разговорной речи встречается образование *нетушки* [212]. Мотиватор *нет* может использоваться как частица иной семантики (см. МАС), но это производное мотивируется только отрицательной частицей в значении “употребляется как отрицательный ответ на вопрос или как выражение несогласия” [208, 484]. Дериват допустим в беседе равных по положению и возрасту людей или в разговоре с ребенком, что свидетельствует о стилевой маркированности лексемы, особой стилистической окраски у слова *нет*, но формант *-ушки* усиливает основную семантику мотиватора, что позволяет квалифицировать производное как экспрессив. Например, разговор между коллегами: – *Тебе поручили проводить олимпиаду среди студентов. – Нетушки, я два года этим занималась, пусть кто-нибудь еще поработает* или диалог с ребенком: (в ответ на замечание матери о необходимости идти спать) – *Мам, еще 5 минут... – Нетушки, ты еще полчаса назад должен был быть в постели.*

5.7.3. К эвалюативам (интенсивам) относится и оценочный дериват, образованный от амодальной выделительно-ограничительной частицы *всего* путем редупликации основы с префиксацией второй части, например, *всего-навсего*. В “Объяснительном словаре” В. Морковкина отмечается: “*Всего* → *всего-навсего* (част. разг.) 1.0. Употребляется для указания на то, что приведенное количество оценивается говорящим как очень маленькое, совершенно незначительное (выделено нами. – Л. Л.). *Ему всего-навсего семь лет.* 1.1. Употребляется для указания на то, что названный статус оценивается гово-

рящим как очень низкий для чего-то (выделено нами. – Л. Л.): *Что вы от него хотите – он же всего-навсего курьер* “ [204, 74].

5.7.4. Как известно, в функции частиц могут использоваться слова других частей речи. Так, местоименное прилагательное *самый* в определительно-уточняющем значении (*в самый праздник, в самое сердце*) допускает образование эвалюативных дериватов, что подтверждается примерами из устной речи²⁷: *А сваха моя умерла в самыенький праздник, трудно было со справками; Да как бы он выжил, если ему в самыенькое сердце...* В этом случае стилистически маркированные дериваты актуализируют параметрический признак определяемых слов (*праздник* имеет определенные временные границы, *сердце* имеет определенный размер) и являются интенсивами.

5.8. Выводы к главе 5

5.9.1. Глаголов субъективной оценки гораздо меньше, чем слов других частей речи; их сфера распространения намного уже (общение с детьми, животными).

5.9.2. Изученный нами фактический материал, дает основание говорить о разграничении понятий “субъективная” и “объективная” оценка в отношении девербативов. К глаголам объективной оценки нами отнесены способы действия глаголов, которые указывают не на отношение к высказываемому, а на реальное изменение начального значения слова. Словарные дефиниции сопровождают такие дериваты развернутым толкованием. К глаголам объективной оценки мы относим и производные, образованные способом редупликации.

5.9.3. Субъективно-оценочные отглагольные производные образуются в русском языке при помощи суффиксов *-оньк-* / *-еньк-*, *-ушк-*, *-унюшк-*, широкоупотребительными в словообразовании существительных, прилагательных, наречий; собственно глагольных суффиксов *-аньк-*, *-иньк-*.

²⁷ При этом не следует исключать влияние украинского языка, в системе которого подобные образования являются регулярными (*у самісіньке свято, у самісіньке серце*).

5.9.4. Данные производные употребляются в просторечии, в устном народном творчестве, в художественной литературе. Лексикографические издания сопровождают их пометами “ласк.” В то же время в устной разговорной речи эвалюативные девербативы могут иметь и отрицательную оценку, что зависит от коммуникативной ситуации, а выражается интонационно и невербальными средствами.

5.9.5. Мы склонны относить архаичные формы типа *порастунюшки* к словам с синкретичными грамматическими свойствами.

5.9.6. Анализ структурных слов свидетельствует, что не способны образовывать эвалюативы ни посредством аффиксальных способов, ни способом сложения определенно-количественные и собирательные числительные, союзы, предлоги, связочные глаголы, модальные слова (от последних возможны окказиональные образования с синкретичной семантикой).

5.9.7. Продуктивность междометий в сфере эвалюативного словообразования определяется их лексико-грамматическими особенностями.

5.9.7.1. Большую активность в данном плане проявляют эмоциональные междометия. При этом аксиологическое значение междометия может не только актуализироваться с помощью эвалюативного суффикса, но и корректироваться. Оценочные отмеждометные эвалюативы могут квалифицироваться как интенсивы (в разновидности квалитатив), эмотивы .

Специфической особенностью эвалюативного суффикса *-очк-* в эмоциональных междометиях является то, что он передает не позитивное отношение к тому, что названо производящей основой, а усиление эмоции, которая выражена междометием.

Характерным способом образования отмеждометных эвалюативов является графикация, а также сложение.

5.9.7.2. Императивные междометия менее продуктивны в создании эмотивных дериватов. Отдельные образования возможны от слов, служащих для общения с животными.

Имеют эвалюативные дериваты некоторые конативно-эмоциональные междометия. Такие производные квалифицируются как эмотивы и собственно эвалюативы.

5.9.7.3. Не все этикетные междометия способны к образованию субъективно-оценочных дериватов. Те, которые обладают такой способностью, производят экспрессивы и собственно эвалюативы.

Окказиональны в составе междометий эвалюативные образования от частей речи, для которых подобные дериваты – отступление от нормы, например, звукоподражания (производное – интенсив), местоимения (дериват – собственно эвалюатив).

5.9.7.4. Характерная черта междометий – способность к экспрессивной мимикрии – сохраняется и в оценочных дериватах.

Эвалюативные производные от междометий, подобно мотиваторам, ограничены в сфере употребления рамками разговорной речи, используются в художественной литературе (чаще в диалогах), в фольклоре, следовательно, в разряде междометий эвалюативные суффиксы выполняют стилистическую функцию.

5.9.8. Способность к образованию эвалюативов у местоимений также определяется отнесенностью к тому или иному лексико-грамматическому разряду. В русском литературном языке не могут образовывать эвалюативы личные, неопределенные, притяжательные, возвратное *себя*, вопросительно-относительные местоимения.

В речи возможны оценочные дериваты от указательного местоимения *такой* (производные – эмотивы, собственно эвалюативы), окказионально образование от определительного *самый* (дериват – собственно эвалюатив). Производные от отрицательных местоимений *никого*, *ничего*, *никакой* могут быть эмотивами или собственно эвалюативами.

При образовании отместоименных эвалюативов используются суффиксы *-к-*, *-усеньк-*, *-охоньки / -ошеньки*.

Специфичным способом образования оценочных производных от местоимений является гендиадис.

5.9.9. Из модальных частиц только вопросительная частица *a* (*ай, ась*), образуют эмоционально окрашенные производные с помощью аффиксов и их вариантов: *-еньки, -енька, -енько, -иньки, -инька, -инько, -юшки, -юшка, -ечки, -ички*. Финали *-етко, -итько, -е, -ё, -и, -я* функционируют исключительно в языковой подсистеме (в диалектах)

Специфика анализируемых производных состоит в том, что они могут демонстрировать не только позитивное отношение адресанта к адресату, что свойственно и отмеждоментным эвалюативам, но передают общее эмоциональное состояние говорящего.

Из отрицательных частиц только слово *нет* образует экспрессивы (аффиксы *-ушки, -ути*).

От амодальной выделительно-ограничительной частицы *всего* путем редупликации основы с префиксацией второй части образуется интенсив *всего-навсего*.

Образование эвалюативных дериватов в речи допускает функционирующее в роли частицы местоименное прилагательное *самый* в определительно-уточняющем значении. В этом случае стилистически маркированные дериваты являются интенсивами.

5.9.10. Данная проблема рассматривалась нами в статьях “Субъективно-оценочный компонент в семантике глаголов” (2002); “Структурные слова как производящая база эвалюативов”(2003), опубликованные в сборнике научных работ “Система і структура східнослов’янських мов: Сучасні тенденції розвитку слов’янських мов” НПУ имени М. П. Драгоманова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В языке отражена обобщенная работа сознания: категории языка, в том числе и категория оценки, соответствуют категориальному членению мира. Категория оценки в языке соотносится с такими философскими категориями, как аксиологичность, с одной стороны, и количество и качество, с другой.

1.1. Термин аксиологичность используется и в языкознании для обозначения морально-этической оценки при выражении этого значения прежде всего лексическими средствами. Понятие эвалюативности шире, чем понятие аксиологической оценки, поскольку эвалюативность включает и аксиологию (в пределах эмотивных характеристик), и параметрические характеристики (размерно-оценочное значение), то есть в данном случае категория оценки понимается максимально широко и соотносится с единицами словообразовательного уровня языка.

2. В рамках эвалюативности нужно различать понятия субъективной и объективной оценки. Объективное оценочное значение (квалитативное и квантитативное) свойственно производным, полученным в результате мутации. К эвалюативам объективной оценки в данной работе относятся деминутивы и аугментативы (в рамках имени существительного), а также квантитативы и квалитативы (в рамках имени прилагательного, наречия, структурных слов). Эмоциональное и стилистическое наполнение характеризует модификационные дериваты, то есть эмотивы и экспрессивы.

3. Оценочность понимается как компонент содержания слова, передающий рациональное и / или эмоциональное (положительное или отрицательное) отношение говорящего к характеризующемуся явлению, то есть оценочность включает эмотивность. Эмотивность – это понятие языковой системы, отражающее эмоциональность как психологическую характеристику личности, уровня ее эмоциональной сферы. Эмотивность включается и в понятие экспрессивности, не заменяя собой последнее. Таким образом, оценочность и экспрессивность как языковые категории находятся в отношениях

эквивалентной перекрещивающийся оппозиции с общим элементом – эмоцией.

4. Статус эвалюатива как деривата, содержащего формант с оценочным значением, могут получать слова различных лексико-грамматических разрядов: имена существительные, прилагательные, наречия, глаголы, структурные слова. Круг лексем-эвалюативов с учетом частеречной принадлежности шире, чем принято считать.

4.1. Категория оценки на деривационном уровне широко представлена в разряде имен существительных и изучена как в плане диахронии, так и на современном этапе развития языка.

В современном русском языке в рамках единой словообразовательной категории оценки существуют следующие разновидности эвалюативных существительных: размерно-оценочные, т.е. деминутивы и аугментативы (их мы относим к фактам объективной оценки); эмоционально-оценочные, т.е. эмотивы (гипокористики, пейоративы); размерно-эмоциональные, т.е. собственно эвалюативы, экспрессивы.

Способами разграничения данных разновидностей в современном русском языке можно считать: 1) семантический тип производящей основы (у слов, не имеющих в семантике параметрического признака, производные могут выступать в разновидности только эмотивов; наличие в семантической структуре мотиватора количественно-параметрического признака относит данные производные к примерам объективной оценки; если этот признак контаминирует с эмотивным значением, то имеем разновидность собственно эвалюативов); 2) контекст, в котором доминирование размерной или оценочной семы зависит от различного рода сигнализаторов; 3) длина морфа (вторичные субъективно-оценочные дериваты относятся к экспрессивам); 4) расширение валентности морфов.

4.1.1. Современный русский язык имеет значительный реестр эвалюативных суффиксов имен существительных, которые появились еще в праславянский, древнерусский и собственно русский периоды. Древнейшими демину-

тивными суффиксами являются *-ец-, -иц(a), -иц(e), -ц(a), -ц(e), -ц(o), -ок-, -ек-, -к(a), очк-, -ечк-, -ик-, -чик-*. В XV веке получили распространение новые эвалюативные суффиксы имен существительных: *-ищ-, -ишк-, -онк-, енк-, -ушк-, -ышк-, -еньк-, -оньк-*. В XIX веке из устной речи проникают в письменную суффиксы *-аг(a), -уг(a), -ак(a), -ук(a), -ул(я), -ус(я), -ах(a), -ох(a), -ух(a), -ар(a)*, созданные в результате дальнейшего развития семантики суффиксов лица.

Эмоционально-оценочные разновидности эвалюативного словообразовательного значения являются вторичными, мотивированными от размерно-оценочного. Семантика субъективно-оценочных формантов может проявляться только непосредственно в тексте.

4.1.2. Реже эвалюативы от существительных образуются при помощи приставок *рас-, сверх-, супер-, ультра-*, выступая в разновидности объективной оценки. Кроме суффиксального и префиксального способов образования (в том числе префиксоида *полу-*) субстантивных эвалюативов можно отметить способ сложения основ.

4.2. Среди имен прилагательных только качественные прилагательные могут производить оценочные дериваты. В работе предлагается их классификация и соответствующая терминология²⁸:

1) эмотивы, в которых актуален эмотивно-оценочный компонент. К ним относятся отадъективные эвалюативы как с нейтрально-оценочным мотиватором (*голенький, голодненький*), так и с аксиологически маркированным (*ехидненький, глупенький*). Все лексемы, актуализирующие эмотивный и экспрессивный модусы значения, а также стилистическую коннотацию, в работе отнесены к модификационному типу;

2) квантитативы, в которых денотативное значение соотносится с параметрическими характеристиками предмета или явления (*низенький, широконыйкий*);

3) квалитативы, в семантике которых актуальным компонентом является усиление / ослабление меры качества (*сладенький, здоровехонький*).

²⁸ Эти же термины используются и в отношении оценочных производных от слов других грамматических классов.

Так как для количественных и качественных признаков характерна интенсификация признака, их целесообразно объединить термином “интенсивы” (мутационный тип деривации). Значение интенсивов, которые в равной степени трансформируют как признак, так и оценку, является контекстуально обусловленным.

4) собственно эвалюативы, в лексическом значении которых одновременно интенсифицируется признак, названный производящей основой, и субъективная оценка факта действительности (*ветхенький, белявенький*) (мутация).

Граница между указанными разновидностями подвижна.

4.2.1. Способность к образованию тех или иных оценочных производных у прилагательных определяется семантикой мотиватора: а) от адъективов с семантикой размера могут быть образованы количественные; б) от колористических прилагательных или обозначающих различные свойства человека, конкретные признаки образуются собственно эвалюативы; в) от прилагательных с семантикой отвлеченного признака образуются только эмотивы.

Следует отметить, что любая из названных основ способна производить исключительно эмотивы в случае ксеноденотатной переадресованности признака.

4.2.2. Основными суффиксальными средствами выражения эвалюативных значений в русских деадъективах являются суффиксы *-еньк-/оньк-*, *-оват-/еват-*, выражающие преимущественно уменьшительное значение с гипокористическим модулем эмоций. Суффиксы *-охоньк-/ехоньк-*, *-ошеньк-/ешеньк-* используются для выражения усилительного значения и положительных эмоций. Суффиксы *-енн-*, *-ущ-/ющ-* являются в основном средствами выражения увеличительного значения с пейоративным модулем эмоций. Аугментативное же значение имеют эвалюативы с суффиксом *-ейш-/айш-*, не изменяющие коннотацию мотиватора и не имеющие собственной эмотивности.

Краткие формы характеризуются использованием особых эвалюативных суффиксальных алломорфов *-енек/-онек*, *-ехонек/-охонек*, которые имеют интенсифицирующее значение и выполняют стилистическую функцию.

Реестр морфов, выступающих деривационными операторами в создании оценочных деадъективных производных, окончательно не определен. Можно лишь утверждать, что в парадигме этих суффиксов наиболее продуктивны *-оньк-/еньк-*, *-ущ-/ющ-*, *-енн-*, *-охоньк-/ошеньк-*, *-ейш-/айш*.

Перечисленные суффиксы могут выполнять следующие функции:²⁹ 1) ограничительная (при мутационной деривации), 2) эмотивная (при модификационной деривации), 3) стилистическая (при модификационной деривации); 4) экспрессивная (при модификационной деривации).

4.2.3. Оценочные дериваты от прилагательных могут образовываться и с помощью префиксов и префиксоида *полу-*. При помощи приставок *пре-*, *раз-/рас-*, *по-* образуются эвалюативы с аугментативным и деминутивным значением (конкретизируется в контексте). Приставки *сверх-*, *архи-*, *ультра-*, *супер-*, *экстра-*, *гипер-*, указывая на очень высокую степень проявления признака, выступают в разновидности интенсификов.

4.2.4. Определенную роль в создании отадъективных эвалюативов играет сложение и графикация.

4.3. От наречий наиболее регулярно образуются эвалюативы в группе качественно-относительных наречий. Продуктивными в сфере производства эвалюатива являются следующие группы качественных наречий, мотивированных прилагательными: а) с семантикой общего размера, неопределенного количества; б) с семантикой конкретных размерных параметров (длина, протяженность в пространстве, ширина, объем, высота, глубина); в) с семантикой признака, присущего имени только с конкретным лексическим значением; г) с семантикой признака, присущего имени с отвлеченным значением; д) с семантикой цвета.

4.3.1. Носителями деривационного значения выступают суффиксы субъективной оценки *-енько/ -онько*, *-ехонько/охонько*, *-ешенько/ошенько*, *-ко*, *-овато*. С учетом ступенчатого характера русского словообразования следует рассматривать либо наличие комплексной словообразовательной

²⁹ Возможны и синкретичные суффиксы.

морфемы, либо то, что словообразовательный формант состоит из инфикса и финального суффикса *-о*.

Все эвалюативные качественные наречия по характеру мотивации условно разделены на: а) наречия, допускающие двойную мотивацию; б) деадвербиальные наречия; в) деадвербиальные эвалюативы второго порядка, мотивированные наречными эвалюативами первого порядка.

Деадвербиальные эвалюативы, не соотносимые с эвалюативным прилагательным, образованы путем инфиксации, причем инфикс можно рассматривать как суффиксальную морфему в специфической функции. Такие эвалюативы имеют два словообразовательных шага в глубину и закрывают СЦ, делая ее предельной.

Во вторичных эвалюативах, как правило, используется суффикс, уже реализованный в основе эвалюатива первого порядка. Эти два суффикса можно рассматривать как единый комплексный формант.

4.3.2. У предметно-обстоятельственных наречий продуктивными в области эвалюативной деривации являются основы, мотивированные 1) глаголами и имеющие в своем составе конфикс *в- + -у*; 2) мотивированные в этимологическом плане существительными женского рода в форме творительного падежа единственного числа.

Наречия времени и места сохраняют только отраженную эвалюативность.

В разряде обстоятельственных наречий русского языка эвалюативы образуются при помощи инфиксации и имеют модификационное СЗ.

Наречия времени и места сохраняют только отраженную эвалюативность.

4.3.3. Среди субъективно-оценочных адвербативов можно выделить интензивы, экспрессивы, собственно эвалюативы, которые образуются при помощи размерных суффиксов. В современном русском литературном языке нет наречий с увеличительными суффиксами *-ущ-*, *-енн-*, хотя прилагательные с такими суффиксами используются.

4.4. Особенность оценочных глаголов в том, что их гораздо меньше, чем слов других частей речи; их сфера распространения намного уже (обще-

ние с детьми, животными). Изученный нами фактический материал, дает основание говорить о разграничении понятий “субъективная” и “объективная” оценка в отношении девербативов.

4.4.1. К глаголам объективной оценки нами отнесены лексемы, выражающие способы действия³⁰, которые указывают не на отношение к высказываемому, а на реальное изменение начального значения слова, и дериваты, образованные способом редупликации.

4.4.2. Субъективно-оценочные отглагольные производные, как правило, стилистически маркированные, образуются при помощи суффиксов *-оньк-* / *-еньк-*, *-ушк*, *-унюшк-*, широкоупотребительных в словообразовании именных и наречных эвалюативов, и собственно глагольных суффиксов *-аньк-*, *-иньк-*.

Архаичные формы типа *порастунюшки* могут классифицироваться как слова с синкретичными грамматическими свойствами.

4.5. Анализ структурных слов свидетельствует, что не способны образовывать эвалюативы определенно-количественные и собирательные числительные, союзы, предлоги, связочные глаголы, модальные слова (от последних возможны окказиональные образования с синкретичной семантикой).

4.5.1. Среди междометий большую активность в сфере эвалюативного словообразования проявляют эмоциональные междометия (эвалюативы могут квалифицироваться как интенсивы (в разновидности квалитативов) и эмотивы). Менее продуктивны в создании оценочных дериватов императивные междометия (образуют эмотивы), конативно-эмоциональные (их производные квалифицируются как эмотивы и собственно эвалюативы) и этикетные междометия (от которых образуются экспрессивы и собственно эвалюативы).

Характерным для эвалюативных междометий словообразовательным способом передачи усиления эмоций является создание сложных слов, а специфичным способом образования – графикация.

³⁰ С соответствующими формальными средствами выражения того или иного акционального значения – префиксами и суффиксами.

Характерная черта междометий – способность к экспрессивной мимикрии – сохраняется и в оценочных дериватах, при этом эвалюативные суффиксы выполняют стилистическую функцию.

4.5.2. Из местоимений в русском литературном языке не могут образовывать эвалюативы личные, неопределенные, притяжательные, возвратное *себя*, вопросительно-относительные местоимения.

При образовании отместоименных эвалюативов используются суффиксы *-к-*, *-усеньк-*, *-охоньки* / *-ошеньки*, с помощью которых образуются эмотивы и собственно эвалюативы.

Специфичным способом образования оценочных производных от местоимений является гендиадис.

4.5.4. Из модальных частиц только вопросительная частица *а* (*ай*, *ась*) образует эмоционально окрашенные производные с помощью аффиксов и их вариантов: *-еньки*, *-енька*, *-енько*, *-иньки*, *-инька*, *-инько*, *-юшки*, *-юшка*, *-ечки*, *-ички*. Финали *-етко*, *-итько*, *-е*, *-ё*, *-и*, *-я* функционируют исключительно в языковой подсистеме (в диалектах). Из отрицательных частиц лишь слово *нет* образует экспрессивы (аффиксы *-ушки*, *-ути*).

Образование от частиц интенсивов возможно путем редупликации основы (иногда с префиксацией второй части).

5. Хотя число рассмотренных производных от всех частей речи (более тысячи) не соответствует реальному количеству функционирующих в языке эвалюативов (эта лексика составляет открытые ряды), объем проанализированных единиц позволяет говорить о закономерностях и тенденциях, существующих в образовании оценочных дериватов.

6. В работе не рассматривались потенциальные и окказиональные способы образования эвалюативов, что может стать объектом последующих исследований в области деривационной репрезентации категории оценки.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. Азарх Ю. С. К истории существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 267-291.
2. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247с.
3. Аксаков К. С. Сочинения филологические. Полн. собр. соч. – Т.2. – Ч.1. – М., 1875. – С. 402- 490.
4. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. – Ч.1. – М., 1860. – 176 с.
5. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. Полн. собр. соч. – Т.3. – Ч.2. – М., 1880. – С.63-127.
6. Античные теории языка и стиля. – М.-Л., 1936. – С.179.
7. Антонов С. К. Сопоставительная характеристика русских и болгарских деминутивов в сфере имен существительных: Автореф. дис....канд. филол. наук. – М., 1976. – 22 с.
8. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний. – М., 1990, – Вопросы языкознания. – №6. – С. 124-126.
9. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – С. 80-81.
11. Баранник Д. Х. Категорія суб'єктивної оцінки якості предмета // Сучасна українська літературна мова. – К., 1969.
12. [Барсов А. А.] “Российская грамматика” А. А. Барсова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 777с.
13. Безпояско О. К., Городенська К. Г. Морфеміка української мови. – К., 1987. – С. 6.
14. Белинский В. Г. Полное собр. соч. – Т. 1. – М., 1953. – С. 15-16.

15. [Белошапкова В. А.] Современный русский язык под. ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа., 1981. – 570 с.
16. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. – М.; Л., 1935. – 270 с.
17. Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – С. 319.
18. Будагов Р. А. История слов и история общества. – М., 1971. – С. 3-4.
19. Будагов Р. А. Филология и культура. – М., 1980. – С. 64-65.
20. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М., 1976. – С. 167-189.
21. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. Лексика и общие замечания о слоге, 2-е изд. пересм. и доп. – К.: Изд-во Киевского ун-та, 1957. – 492 с.
22. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. – Т. 2. – К.: Рад. школа, 1953. – 453 с.
23. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1-2. – М., 1858. – С. 226-230.
24. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
25. Валгина Н. С. и др. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. вузов / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. – 5-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., 1987. – 480 с.
26. Васильев В. А. Грамматические разыскания. – СПб., 1845. – С. 37-38.
27. Васильев Л. М. Номинативное, семантическое и формальное словообразование // Общие проблемы деривации и номинации. Словообразование в аспекте взаимодействия разных уровней языка. – Омск, 1988. – С. 3-4.
28. Вендина Г. И. Суффиксы с Г-основой (из русского диалектного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. – М., 1979, 1981. – С. 247-272.
29. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 77-317.

30. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Виноградов В.В. Лексикология. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – С. 206-242.
31. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975.
32. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
33. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического исследования языковых единиц. – М., 1980. – 60 с.
34. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 164 с.
35. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. – М., 1978. – С. 3-40.
36. Востоков А. Х. Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях. Критика // Телескоп. – М., 1831. – С.78-96, 235-255.
37. Востоков А. Х. Русская грамматика. Изд.10. – СПб., 1859.
38. Гак В. Г. Сопоставительная типология французского и русского литературного языка. – Л.: Просвещение, 1977. – 300 с.
39. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию: профессору МГУ акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия. – М.: Изд-во МГУ. – С. 103-125.
40. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. – М, 1952. – 109 с.
41. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. – М.: Учпедгиз, 1958. – 406 с.
42. Головин В. Г. Очерки по русской морфемике и словообразованию. – Воронеж, 1990. – С. 108-148.
43. Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.

44. Голубева А. В. Семантические и стилистические особенности деминутивов в русском языке XI- XVII вв: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Л., 1984.
45. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: АН СССР, 1970.
46. Гребнев А. А. Функции форм субъективной оценки в произведениях В. Г. Белинского. Автореф. дис. ... канд. наук. – Л., 1984. – 20 с.
47. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. – СПб., 1827.
48. Греч Н. И. Пространная русская грамматика. –Т.1. Изд. 2-е. – СПб., 1830. – 408 с.
49. Гуськова О.В. Оценка как компонент значения глагольного слова / прагматический аспект /: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991.
50. Даниелова М. Г. Деминутивы в комплексных единицах словообразования в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 17 с.
51. Дементьев А. А. Уменьшительные слова в русском языке // Русский язык в школе. – 1953. – № 5. – С. 5-11.
52. Дементьев А. А. Существительные со сложными суффиксами субъективной оценки // Очерки по русскому языку и стилистике. – Саратов, 1967. – С. 205-212.
53. Дементьев А. А. Суффиксы *-ак-, -як- (-ака, -яка), -чак, -ач, -ок, -ек (др. – окъ, -екъ, -очь, -ечь), -ук, -юк, (-ука, -юка), -ык (-ыка), -ыч* в русском языке // Учеб. зап. Куйбыш. пед. ин-та. 1960. – Вып.32. – С. 51-66.
54. Довгая Т. М. Адвербиализация в современном украинском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. – Ужгород, 1974. – 18 с.
55. Ермакова О. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 47.

56. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов – Л.: Наука, 1968. – С. 27.
57. Зверев А. Д. Выражение направления производности в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч.1. – Самарканд, 1972. – С. 72-80.
58. Зверев А. Д. Словотвірне значення в семантичній структурі похідних // Мовознавство. – 1988. – №1. – С. 21-28.
59. Земская Е. А. Словообразование и текст // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – 17 с.
60. Земская Е. А. История прилагательных, обозначающих степень признака в русском литературном языке // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. – М., 1964. – С. 344.
61. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М., 1992. – С. 8-39.
62. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М.; Просвещение, 1973. – 302 с.
63. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
64. Зеньковский В. В. История русской философии. – Л., 1991. – Т.1-2.
65. Золотова Г. А. Как быть вежливым? // Русская речь. – 1995. – № 5.
66. Иванова Л. П. Методы лингвистических исследований. – К.: ИСДО, 1995. – 88 с.
67. Иванова Н. Ф. Имена прилагательные с суффиксами субъективной оценки и соотносительные с ними слова в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол.наук. – М., 1968. – С. 18-21.
68. Иванова Н. Ф. Прилагательные с суффиксом *-оват(-еват)* в сопоставлении с прилагательными на *-еньк(-оньк-)* // Русский язык в школе. – 1966. – №1. – С. 70-74.

69. Ивашко Л. А., Мжельская О. С. Из словообразования имен прилагательных в псковских говорах // Вопросы грамматического строя в русских народных говорах. – Петрозаводск, 1976. – С. 21-29.
70. Изотов В. П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Автореф. дис. ...док. филол.наук. – Орел., 1998. – 36 с.
71. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. Монография. – Орел. – 1998. – 149 с.
72. Калайдович И. Ф. О степенях прилагательных и наречий качественных // Труды Общества любителей Российской словесности. – М., 1823. – Ч.3. – С. 107-119.
73. Карабань И. А. Суффиксальное образование имен прилагательных со значением степени качества и эмоциональной оценки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1958. – 17 с.
74. Карпенко А. Ю. Деминутивное антропологическое словообразование / на материале русских говоров юга Украины // Вопросы ономастики. – Свердловск: Изд-во УрГУ. 1980. – С.93-110.
75. Классовский В. Русская грамматика. – СПб., 1836.
76. Кожин А. Н. Уменьшительно-ласкательные имена существительные // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. Русский язык. – Т. 228. – М., 1969. – Вып.15. – С. 3-11.
77. Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцова В. В. Функциональные типы русской речи. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.
78. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М., 1983.
79. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 312 с.
80. Коневецкий А. К. О словообразовании наречий в процессе становления их как отдельной части речи // Проблемы развития языка. – Саратов, 1981. – С. 15-21.

81. Космеда Т. А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2000. – 350 с.
82. Космеда Т. А. Агентивные имена морально-этической оценки в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – ХГУ им. А. М. Горького, 1987. – 24 с.
83. Крижанич Ю. “Грамматично изказание об русском езику, попа Юрка Крижанища, писана в Сибири” // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Год 4-й. Кн.1. – М., 1848. Кн.4. – М., 1859.
84. Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке // Синтаксис и норма. – М., 1974. – С. 126-128.
85. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. – Казань, 1883. – 151 с.
86. Крючкова О.Ю. Вторичная деминутивно-оценочная деривация: современное состояние и развитие: Дис. ... канд. филол. наук, - Саратов, 1991. – 263 с.
87. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
88. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 155.
89. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1962. – 456 с.
90. Леонова Л. А. К проблеме классификации лакун // Семантика и структура слова. – Калинин, 1984. – С. 65-74.
91. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Труды по филологии. – Т.7. – М.; Л., 1952. – 995 с. с илл.
92. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 315 с.
93. Лопатин В. В. О структуре суффиксальных оценочных наречий // Развитие современного русского языка. – М., 1972. – С. 232-234.

94. Лосев А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Изд. АН СССР, сер. лит. и. яз. – 1977. – Т.736. – №1. – С.24.
95. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
96. Лукьянова Н. А.. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики): Автореф. дис. ...д-ра филолог. наук. – Свердловск, 1986. – 31 с.
97. Маманова Г. И. Семантическая структура категории оценки как основа ее типологии // Вопросы языкознания и литературоведения. – Алма-Ата, 1974. – С. 76-82.
98. Мамрак А.В. Проблема возникновения новых аффиксов // Филологические науки. – М., 1994. – №4. – С.59-62.
99. Мандельштам И.Э. Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения // Журнал министерства народного просвещения. – СПб. – 1903. Июль – С. 34-66, 317-353.
100. Маркарян Р. Смысловой разрыв между уменьшительной формой имени существительного и производящей основой // Русский язык в армянской школе. – 1964. – №4. – С. 3-11.
101. Марков В. М. О происхождении глаголов на -ануть в русском языке // Acta universitatis wratislaviensis. №106. Slavica wratislaviensia. I. Wroslav. – 1969. – С. 135-150.
102. Марков В. М. О генетических формах имен существительных среднего рода на *-ице* в русском // Материалы конференции, посвященной Бодуэну де Куртенэ. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989.
103. Маркова Э. В. К вопросу о словообразовательной синонимии в ее отношении к синонимии лексической // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. – Ижевск, 1980. – Вып.2. – С. 9-12.
104. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 179-204.

105. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск, 1986. – 91 с.
106. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – С. 345-351.
107. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981. – С. 119-120.
108. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 207 с.
109. Нещерет Е. И. Структурно-семантическая характеристика имен существительных с суффиксами субъективной оценки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – К., 1990. – 16 с.
110. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985. – 157 с.
111. Никитин В. М., Никитина О. А. О некоторых функциях суффикса *-к(а)* в современном русском языке и о процессах его полисемантизации // УЗРяз ПИ, 1962. – Т. 30. – С. 182-200.
112. Новиков Л. А. Семантика русского языка. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
113. Новикова Л. С. К вопросу об именах существительных с суффиксами эмоциональной оценки // Синтаксис современного русского языка. – Тюмень, 1968. – С. 81-91.
114. Огольцев В. М. Эмоциональные и экспрессивные значения суффикса имен прилагательных *-еньк-* (*-оньк-*) // Русский язык в школе. 1960. – №2. – С. 8-13.
115. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высш. школа, 1974. – 352 с.
116. Осипова Л. И. Закономерности словообразования и лексикализации деминутивов в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1968.
117. Осипова Л. И. О словообразовательной классификации уменьшительно-оценочных имен существительных современного русского языка // УЗ МОПИ – Т. 228. Русский язык. – Вып. 15. – М., 1969. – С. 12-25.

118. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Второе рассуждение. Об именах существительных. – СПб., 1842.
119. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очерк. – М., 1914.
120. Плужнікова Т.І. Творення демінутивів у споріднених мовах // Проблеми контрастивної лінгвістики. Тези міжвузівської наукової конференції 18-20 травня 1993. – Кіровоград-93. – С. 205-206.
121. Плужникова Т.И. Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция. – К., 2002. – 256 с.
122. Плужникова Т. И. Метаязык дериватологии: проблемы и тенденции терминопотребления // Система і структура східнослов'янських мов. НПУ імені М. П. Драгоманова. – К. 2001. – С. 185-190.
123. Плямоватая С. С. Уменьшительно-оценочные и увеличительно-оценочные имена существительные в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1956.
124. Плямоватая С. С. О грамматической природе и классификации имен с уменьшительно-экспрессивными суффиксами в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1955. – №6. – С. 4-11.
125. Плямоватая С. С. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке. – М., 1961. – 121 с.
126. Покуц В. Н. Уменьшительные суффиксы имен существительных в современном литературном языке (грамматическая, семантическая специфика и словообразовательная возможности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – К., 1969. – 22 с.
127. Покуц В. Н. Существительные с уменьшительными суффиксами как экспрессивное средство выражения мысли // Русский язык в школе. – 1970. – №6.
128. Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. – 1955. – №2.

129. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф. – М., 1989. – С.40.
130. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т.3. – М., 1989. – С. 92.
131. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – С. 111.
132. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Учебное пособие. – Воронеж: ВГУ, 1984. – 351с.
133. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Учпедгиз, 1996. – 460 с.
134. Родимкина А. М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 22 с.
135. Рожкова Г. И. Из истории уменьшительных образований существительных в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1950. – 11 с.
136. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.
137. Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею. – СПб., 1802.
138. Русская грамматика, ч.1. – М.: Наука, 1980.
139. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979.
140. Санина Г. Г. Стилистические функции эмоционально-оценочных слов. – Омск, 1988. – С.95-96.
141. Сахарный Л. В. Словообразование в речевой деятельности: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – Л., 1980. – 48 с.
142. Семеренко А. В. История формирования украинского деминутивного и гипокористического словообразования: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – К., 1988. – 22 с.
143. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.
144. Соболевский А. И. Из истории уменьшительных слов // Лингвистические и археологические наблюдения. Вып. II. – Варшава, 1912. – С. 1-3.

145. Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. “Филология”/ П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; Под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд., испр. – М., 2001. – 560 с.
146. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология (монография). – К.: Изд-во Укр. фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
147. Столярова Э. А. Существительное // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. – Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 21-48.
148. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 142 с.
149. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 36-37.
150. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 22.
151. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
152. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1985. – Т.1. – С. 18-51.
153. Тихонов А. Н. Формально-семантические отношения в словообразовательном гнезде: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. – М., 1974. – 35 с.
154. Украинская грамматика. – К., 1986.
155. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и ее описание. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
156. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. – М., 1929.
157. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1897-1898 гг.

158. Франчук В. Ю. Наречия, образованные от имен прилагательных, в русском литературном языке XVIII в. – К., 1961. – 56 с.
159. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. – 1976. – №3.
160. Хруцкая Н.В. Адекватность лексикографических помет стилистическим характеристикам слова // Система і структура східнослов'янських мов. НПУ імені М. П. Драгоманова. – К., 1998. – С. 106-114.
161. Хруцкая Н.В. Изменение оценки лексических единиц с эмоционально-экспрессивной коннотацией (на материале МАС-1 и МАС-2) // Система і структура східнослов'янських мов. НПУ імені М. П. Драгоманова. – К., 1998. – С. 289-292.
162. Цепова С. П. Имена существительные с суффиксами *-ушк*, *-ышк*, *-шик* в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Саратов, 1981. – 19 с.
163. Цуккерман А. С. *Тепловатый* – “слегка” или “слишком теплый”? // Русская речь. – 1986. – №6. – С. 95-98.
164. Чайкун П. М. Производные существительные с коннотативным значением в белорусском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филолог. Наук. – Минск, 1987. – 17 с.
165. Червова В. А. Некоторые наблюдения над именами существительными с уменьшительными суффиксами *-иц(а)* (По материалам памятников XV-XVII вв) // XI научная сессия Новосиб. гос.пед. ин-та. Материалы к сессии. – Вып.IV. Русский язык. – Новосибирск, 1967. – С. 66-75.
166. Червова В. А. Функциональные особенности уменьшительных суффиксов имен существительных в русском языке XV-XVII вв.: Автореф. дис. ...канд. филолог наук. – Новосибирск, 1968.
167. Червова В. А. Функции уменьшительных суффиксов имен существительных в русском языке XV-XVII вв. // Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии. – Красноярск, 1968. – С. 6-28.

168. Черепанов М. В. К понятию динамического аспекта синхронного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972.
169. Чернышевский Н. Г. О словопроизводстве в русском языке // Русский язык в школе. – 1940. – №2. – С. 51-52.
170. Чижик-Полейко А. И. Существительные с суффиксами оценки в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1963. – С. 115-128.
171. Шанский Н. М. О словообразовательном анализе имен прилагательных // Русский язык в школе. – 1958. – №1. – С. 68-75.
172. [Шанский Н. М.] Современный русский литературный язык: Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. / Под ред. Шанского Н. М., – 2-е изд. перераб. – Л.: Просвещение, 1988. – 671 с.
173. Шарофуддинов К. Ш. Проблемы типологии словообразовательных гнезд // Русский язык в школе. – 1979. – №6. – С.70-76.
174. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – СПб., 1913.
175. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
176. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе русского языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 188 с.
177. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. – М., 1994. – №1.
178. Шейдаева С. Г. Категория субъективной оценки в русском языке: Дис. ... докт. филолог. наук. – Ижевск, 1998. – 273 с.
179. Шейдаева С. Г. Категория субъективной оценки в русском языке. – Ижевск, 1977. – 264 с.
180. Шемборская Н. В. Об истории эмоционально-оценочных существительных суффиксального образования в русском языке и их выразительных функциях // Учен. зап. Астрахан. пед. ин-та. – Т.6. – Вып.1. – Астрахань, 1957. – С. 309-318.

181. Шемборская Н. В. Суффиксальное образование имен существительных эмоционально-оценочного характера в русском языке: Автореф. дис. ...канд. филолог наук. – Саратов, 1954. – 19 с.
182. Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетики. – Изд-во иностр. л-ры, 1963. – 829 с.
183. Ширшов И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. – Ростов, 1981. – 117 с.
184. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
185. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
186. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 63-84.
187. Янович Е. И. Наречие в истории русского языка. – Минск, 1978.
188. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск, 1979. – 242 с.
189. Ярун Г. М. Кореляція форми і змісту у розвитку української прислівникової системи. – К., 1993.
190. M. Dokulil. Tvoreni slov v cestine, T.1. Teorie odvozovari slov. – Praha, 1962. – С. 199-200.

II. СЛОВАРИ

191. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
192. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: АСТ. – Пресс, 2001. – 672 с.
193. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1981.

194. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. – 2-е изд., стереотип. – М., 2001.
195. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1980. – 880 с.
196. Крысин Л. П. . Толковый словарь иностранных слов. – 2-е изд., доп. – М.: Русский язык, 2000. – 856 с.
197. [Кузнецов С.А.] Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
198. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. – М.: Рус. яз., 1986.
199. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.
200. Новое в русской лексике. Словарные материалы. – 77 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1980. – 176 с.
201. Новое в русской лексике. Словарные материалы. – 78 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1981. – 262 с.
202. Новое в русской лексике. Словарные материалы. – 79 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1982. – 320 с.
203. Новое в русской лексике. Словарные материалы. – 82 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Рус. яз., 1986. – 253 с.
204. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова. / Под ред. В. В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. – М., 2002.
205. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
206. Орфоэпический словарь русского языка. – М., 1987.
207. [Скляревская Г. Н.] Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. / Под редакцией Г. Н. Скляревской. – М., 2001.
208. Словарь русского языка. В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.. Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981.

209. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.-Л.: Наука, 1948-1965.
210. Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е. – М., 1991-1993. – Т. 1-4.
211. Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К.: Изд-во Государственной академии руководящих кадров культуры и искусства, 2003. – 192 с.
212. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. – М., 2002. – 704с.
213. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – М.: Рус. яз, 1985.
214. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия, 1935-1940.
215. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987.
216. Частотный словарь русского языка. / Под. ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977.

III. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 6 т. – Т.2 Ода русскому огороду. Рассказы. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 703 с.
2. Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. Сказы. – К.: Веселка, 1987. – 267 с.
3. Булгаков М. А. Повести, рассказы, фельетоны. – М.: Советский писатель, 1988. – 624 с.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 4-х т. – Т.2. – М.: Изд-во Правда, 1988 г. – 590 с.
5. Вересаев Д. Черный ворон: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 370 с.
6. Вовчок М. Оповідання, казки, повісті, роман. – К.: Наукова думка, 1983. – 636 с.

7. Гарин-Михайловский Н. Г. Детство Темы. Гимназисты. – М.: Изд-во Правда, 1981. – 448 с.
8. Гоголь Н. В. Мертвые души. – М.: Худож. литер., 1980. – 399 с.
9. Донцова Д. Уха из золотой рыбки: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 432 с.
10. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 15 т. – Т. 1. Повести и рассказы 1846-1847. – М.: Наука, 1988. – 432 с.
11. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 15 т. – Т. 3. – Село Степанчиково и его обитатели. – М.: Наука, 1988. – 573 с.
12. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. – М.: Правда, 1980. – 608 с.
13. Леонов А. Птицы перелетные. Повести и рассказы. – Изд-во Совет. писатель, 1983. – 752 с.
14. Маринина А. Украденный сон: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 400с.
15. Маринина А. Черный список: Роман – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 320 с.
16. Полякова Т. Барышня и хулиган: Роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 320 с.
17. Пушкин А. С. Избранные произведения. Повести. – Львов: Изд-во Каменярь, 1988. – 246 с.
18. Пушкин А. С. Стихотворения. Евгений Онегин. – К.: Веселка, 1986. – 287 с.
19. Русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева. – М.: Изд-во Худож. литер., 1987. – 382 с.
20. Тургенев И. С. Избранное: Романы. – Переизд. – К.: Веселка, 1983. – 448 с.
21. Тургенев И. С. Накануне. Отцы и дети. – М.: Худож. литер., 1979. – 334 с.
22. Тургенев И. С. Рассказы. Из “Записок охотника”. – М.: Изд-во Худож. литер., 1968. – 247 с.
23. Фадеев А. Молодая гвардия: Роман. – Донецк: Донбасс, 1989. – 643 с.
24. Чехов А. П. Собр. соч. – Т.2. Рассказы 1883-1885, – М : Государ. изд-во худ. лит-ры., 1960. – 591 с.
25. Чехов А. П. Сочинения. – Т.3. – М., 1983. – 623 с.
26. Чехов А. П. Сочинения. – Т.5. – М., 1983. – 703 с.
27. Чехов А. П. Сочинения. – Т.7. – М., 1983. – 730 с.

28. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в четырех книгах. Книга первая и вторая. – К.: Рад. шк., 1987. – 544с.
29. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в четырех книгах. Книга третья и четвертая. – К.: Рад. шк., 1987. – 608с.
30. Шолохов М. А. Поднятая целина: Роман. В 2-х кн. – М.: Худож. лит., 1984. – 415с.
31. Шукшин В. Киноповести. – М.: Искусство, 1981. – 510 с.
32. Ежемесячный журнал художественной литературы и общественной мысли “Новый мир”.
33. Журнал “Караван историй”.
34. Газета “Теленеделя”.
35. Газета “Аргументы и факты”